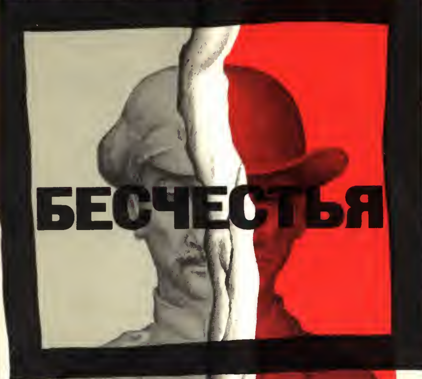
Василий Ардаматский

ДОРОГА БЕСЧЕСТЬЯ



Василий Ардаматский

ДОРОГА БЕСЧЕСТЬЯ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1986

Р2
А79

Ардаматский В. И.

А79 Дорога бесчестья: Роман.— М.: Моск. рабочий, 1986.— 255 с.

Роман В. Ардаматского «Дорога бесчестья» — о бесславном пути белоэмигранта Дружиловского. Агент вражеских разведок, он становится автором многих фальшивок, с помощью которых охранка капиталистических стран расправляется с коммунистами.

Книга рассказывает о героической работе советских чекистов.

А $\frac{4702010200-092}{М172(03)-86}$ 194—86

Р2

Господам клеветникам, особенно в буржуазной печати, предоставлена полная свобода: выступай в печати анонимно, лги и клевещи, сколько хочешь, прикрывайся не подписанными ни одним официальным лицом, но якобы официальными сообщениями,— все сойдет с рук!

В. И. Ленин

Бывшнй подпоручик царской армни Сергей Дружиловский накануне своей смертн на отдельном лнстке бумаги каллиграфическнм почерком, без еднной помаркн, написал записку, непонятно кому н куда адресованную. Привожу ее полностью, не изменяя в ней ни слова.

«Но почему я??? Разве я однн??? Разве я мог бы один??? А где теперь все, которые велн меня под ручкн к могнле, а сами улыбалнсь и приговаривалн, что я вместе с ннмн делаю нсторию? Так спасите же меня, еслн это так!!! Сделайте Москве ноту, потребуйте, чтоб меня отдали вам, я же ваш, я же с вамн нсторию делал н за это мне — смерть. Даже последнне преступники прн первой возможности выручают своих, потому что даже у них имеется благородство, а вы же фраки носите, на всех возможных языках изъясняетесь, в церковь ходите, и суднлн-то меня за вас, за вашн нсторическне дела-делишкн. И смерть мне тоже за вас!!!

Что же вы, гады, затаились, затихли? Или, раз сегодня воскресенье, пошли с детишками в церковь грехи замаливать? Может, запишете меня в поминание?

Я-то думал — ну сподобило меня, вознесло в высокую политику, а выходит, прав был Саша Гаврилов, когда говорил, что политика та же шлюха, но только, если ты ей потрафишь, платит она, а не ты, но если ты ей не потрафишь, не дай бог, споткнешься, она тебе добавит выспятком...

Но где же тогда истина??? Где правда??? Где бог прощающий и карающий???»

Глава первая

Была осень 1916 года...

Курсант Гатчинской авиационной школы Сергей Дружиловский прогуливался по парку, размышляя о своей, как ему казалось, незадавшейся жизни. Приятно было вспоминать только детство в родном городе Рогачеве. И то лишь самое раннее... А потом появилась гимназия с ее свирепым директором, с ее учителями, их вечными придирками и ненавистным прозвищем «гайда-троечник». Переход в следующий класс как-то улаживал отец — полицейский исправник. Когда подступала страшная пора экзаменов, он надевал форменный сюртук и отправлялся на дом к уездному инспектору училищ. Что ему стоили эти визиты, неизвестно, но с каждым разом он возвращался домой все более разъяренным.

Гимназия сожрала детство. Из класса в класс он все-таки переходил, но в трех просидел по два года, а осенью 1914 года его исключили из предпоследнего класса.

Промучили столько лет и выгнали, когда это означало для него, переростка, немедленную мобилизацию в армию. Уже шла война. Отец сказал: «Ну и слава богу, послужишь отечеству, может, из тебя там человека сделают». Мать плакала не переставая.

Он подслушал, как, рыдая, умоляла она отца устроить его в тыловую часть, а тот ответил: «Нет от него толка, пусть хоть на войне послужит отечеству и ума наберется».— «Его убьют!» — вскрикнула мать. «Все под богом ходим»,— спокойно ответил отец. В эту минуту Сергей очень ясно понял, что спасаться надо самому.

Попав в Москву в полк формирования, он быстро разобрался в обстановке, узнал, что спастись от фронта можно. По совету полкового писаря он написал рапорт, в котором доложил начальству о своем страстном патриотическом желании посвятить

всю жизнь военной службе и попросил направить его в Московскую школу прапорщиков.

Просьбу удовлетворили, и фронт отодвинулся на целый год. Учение на прапорщика совсем не то, что в гимназии,— знай маршируй в ногу да запоминай приказы, короткие и ясные: «На пле-чо! К но-ге! Пли!..» И Москву повидал. Мать присылала немного денег, так что он мог кое-что позволить себе для души. Хаживал в московские кабаки, имел приятное знакомство с горничной начальника школы. Но год пролетел быстро, и он, свежеиспеченный прапорщик, был отправлен на фронт в 224-й полк 10-й армии.

Перед прибывшим на передовую офицерским пополнением выступил командующий армией генерал Иванов. Голос у него был негромкий, хриплый, до стоявшего на левом фланге малорослого Дружиловского долетали только отдельные слова:

— Доблестные сыны России... в трудный час... подлый германец... отдадите жизнь... отечество...

Шел дождь. Всем телом и душой ощущая мокрую тяжесть шинели, он с ненавистью смотрел на малиновые отвороты генеральской шинели и думал о том, что генерал вернется сейчас в теплую квартиру, велит денщику подать ему водки с икрой, а его, несчастного прапорщика, погонят в мокрый окоп.

Надо... Надо что-то делать. Он уже знал, кто лучше всех осведомлен обо всем, и подарил полковому писарю портсигар с изображением Георгиевского креста на крышке, который предусмотрительно купил в Москве. Писарь рассказал, что пришла бумага, в которой начальник Гатчинской авиационной школы просит направить к нему изъявляющих на то желание младших офицеров, имеющих законченное гимназическое образование.

За составление соответствующей бумаги с упоминанием гимназического образования писарь взял десять рублей. Деньги большие, но не дороже жизни.

И он снова курсант. Два года в авиашколе дались ему кровавыми мозолями и потом. Это тебе не учение на прапорщика. Технические инструкции надо знать наизусть, как молитву, и надо запомнить, может, целую тысячу всяких шестеренок, болтиков и гаек и уметь самому в жгучий мороз каждую поставить куда следует. А не будешь знать, за спиной как разверстая могила — угроза отчисления за неуспеваемость в действующую армию. И вот теперь, когда до выпуска еще целых полгода, вдруг объявили, что звание авиаторов всем будет присвоено досрочно, и — на фронт...

Настроение у подпоручика Дружиловского было хуже некуда. И никаких возможностей утешиться. Жалованья ему еле хватало на субботнее посещение курзала да на хорошие папиросы. В кар-

ты последнее время не везло. Из Рогачева не присылали ии копейки. От отца изредка приходили коротеиькие письма, и в каждом он призывал ие щадить жизни во спасение святой Руси. Подпоручик рвал эти письма иа мелкие клочки и, матерясь, топил в уборной. Мать богом заклинала его беречь себя, и он восприимал материнский наказ всеми фибрами души, ио было бы гораздо лучше, если бы оиа вместе с заклинаниями присылала еще и деньги...

Дружиловский медлеиио шел по усыпаиной желтыми листьями аллее гатчииского парка, ударяя стеком по полам длинной шинели, из-под которой выблескивали его сверкающие сапоги иа иепомерио высоких каблуках. Все ему недодаио судьбой, даже рост.

Впереди послышались мужские голоса и сочный хохот. Навстречу шла компаиия поручика Кирьяиова. Дружиловский метиулся в сторону и сел иа скамейку — ои избегал оказываться рядом с высоким и статиым Кирьяиовым, возле которого всегда клубилась шайка подхалимов: вся школа у иего иа откупе, зовут его «наш банкир», и ему это страшно иравится... Легко сорить деиьгами, когда папаша, владелец пароходной компаиии, открыл тебе счет в петроградском баике — бери сколько хочешь! Чтоб так везло человеку! А уж если повезет, так повезет во всем — любовиица у Кирьяиова, хоть и троюродиая, а племянница великого киязя Николая Николаевича. По субботам за Кирьяновым приезжает большой чериый автомобиль и увозит его в Питер. Даже школьиое иачальство боится Кирьяиова...

Слава богу, не заметили — прошли мимо, гогочут во все горло...

Дружиловский огляиулся со вздохом облегчеиия и увидел, что рядом на скамейке сидит нарядиая дама. Из-под широких полей шляпы выглядывало милое курносое личико с голубыми добрыми глазами. Изящное сииее пальто со шиуром облегало ее полиоватую фигуру. Пожалуй, ей было все тридцать, ио оиа была очень свежа, крупитчата, как говорили у их в Рогачеве. «Племяииица великого князя тоже ие первой молодости»,— мелькиуло в голове у подпоручика. Он встал, почтительио поклонился и очень деликатно спросил:

— Простите, пожалуйста, не мог ли я вас видеть прошлой зимой в опере?

Жеищииа удивлеиио взглянула иа иего.

— И все-таки я ие мог ошибиться,— продолжал Дружиловский.— Извините, извииите, я помешал вам. Ради бога, извииите.— Он шаркнул иогой, поклонился и, повернувшись уже уходить, воскликнул:— Нет, иет, спутать вас с кем-нибудь нельзя! — И сиова посмотрел иа нее.

Она чуть-чуть улыбалась, с интересом смотрела на него.

— Вы авиатор? — вдруг спросила она.

— У каждого своя судьба,— со вздохом ответил он и сел на скамейку.

— И вы... летаете?

— Ничего не поделаешь, наша война в небе.

— Боже, как страшно!

Слово за слово, и разговор наладился. Вскоре он уже знал, что даму зовут Кира Николаевна, но выяснить о ней что-нибудь еще не удавалось.

— Много будете знать, скоро состаритесь,— игриво отвечала она.

А ему не до шуток, ему надо знать...

Он пригласил ее в ресторан курзала. Кира Николаевна только насмешливо улыбнулась в ответ.

— По-моему, я не предложил вам ничего неприличного,— обиженно сказал он.

— Вряд ли вы были бы довольны, если бы ваша жена с кем-то пошла в ресторан,— сказала она очень серьезно.

— Во-первых, жены у меня нет и никогда не было.

— А у меня есть муж,— перебила она.

— Во всяком случае, на его месте в такой вечер я бы не отходил от вас,— сказал он негромко.

Она повернулась к нему:

— Не надо об этом.

В ее голосе он услышал мольбу и все понял. Больше он на этой струне пока играть не будет. Можно поговорить о погоде...

Выяснилось, что оба они не любят здешнюю мокрую осень. Оказалось, что родом она из Калуги и что осень там прекрасна. Он вспомнил свой Рогачев... Он узнал, что в Калуге живет ее мама. Собственный дом на Соборной площади. Сестер и братьев нет. Папа умер. Выспрашивать другие подробности рано. Но он все-таки спросил, кто ее муж.

— Это не имеет никакого значения,— задумчиво ответила она.

Уже начало темнеть, и Кира Николаевна собралась уходить домой.

— Когда я вас увижу? — спросил он с трагической настойчивостью.

— Не знаю.

Он вспомнил, что завтра, в воскресенье, возле курзала традиционная выставка осенних цветов, и пригласил ее. Она согласилась, а пока не разрешила даже проводить до дому. Они простились у ворот парка. Но Дружиловский пошел следом и уви-

дел, что она вошла в каменный двухэтажный особняк. «Это посолиднее, чем дом в Калуге»,— подумал он и быстро зашагал в казарму. Плохого настроения как не бывало, он замурлыкал под нос «Матчиш — хороший танец...».

На другой день Дружиловский, весь отглаженный, с начищенными пуговицами и сапогами, благоухающий модными духами «Коти», прохаживался около собора, где обещала быть на обедне Кира Николаевна. Утро было солнечное, тихое, нежно-прохладное, с деревьев медленно падали желтые листья; освещенные солнцем дорожки церковного сада казались ему мощеными золотом. Он чувствовал себя красивым, значительным, на него оглядывались, и он еще выше поднимал маленькое худощавое лицо.

Игриво заблямкали колокола, и из собора повалил народ. Подпоручик встал у чугунной решетки, с любопытством смотрел на лица выходивших из церкви и посмеивался над их задумчивой отрешенностью. Сам он не верил ни в бога, ни в черта и считал, что все без исключения ходят в церковь только за тем, чтобы показать на людях свою добропорядочность. Ну вот тот, толстый, в дорогой поддевке и картузе, в сопровождении разряженных женщин,— о чем он сейчас беседовал с богом? Как побольше денег загрести?

Мелькали кокетливые шляпки с цветами, хорошенькие молодые лица, старики с белыми бородами, пожилые женщины в темном. Оказывается, это очень забавно — стоять у церкви и смотреть на эту разношерстную толпу.

И вдруг он услышал за спиной:

— Ах вот вы где, а я искала вас в церкви.

— Вы праздник моего одиночества,— сказал он, глядя в голубые, немного испуганные глаза Киры Николаевны.

— Расскажите мне, почему же вы так одиноки? — сочувственно попросила она.

— Одиночеством, Кира Николаевна, не делятся, оно всегда и безраздельно принадлежит одиноким,— грустно и наставительно ответил он.— А мне оно тяжело вдвойне: я одинок и на земле, и там...— Он посмотрел в бледно-голубое небо и добавил тихо:— Мы и погибаем в одиночку.

— Зачем вы так говорите, зачем? — Она смотрела на него с нежной грустью, а он был очень доволен — наступление начато им правильно.

Они бродили среди заваленных цветами прилавков, расставленных возле курзала. В раковине военный духовой оркестр играл вальсы. Царицей праздника была хризантема. Белые, голубые, алые пушистые цветы, разноцветные наряды дам, солнце, музыка

создавалн праздинчную атмосферу. Кира Николаевиа говорила, что ей почему-то грустно — это последине цветы, последиее солнце.

Оии слушали певицу в глухом черном платье, низким вибрирующнм голосом оиа пела: «Отцвели уж давио хризаитемы в саду...»

Потом Дружнловскнй подарил Кнре Николаевне букет иераспустившихся хризантем.

— Со зиачеинем,— сказал он, влюбленно смотря иа нее.

Как часто в здешиих местах, на склоне дня ветер с моря нагиал тучн — погасло солице, и вместе с ним погас праздник. Начал иакрапывать дождь. Публика тороплнво покидала выставку. Миогие устремилнсь в ресторан. Дружиловский со своей спутнницей пережидалн дождь в вестнбюле рестораиа, н, когда кельиер предложил им стол, отказаться было нельзя.

— Мы только переждем дождик,— оправдывалась Кира Николаевиа.

Неподалеку, за столом около эстрады, шумела компаиия поручика Кирьяиова, н оттуда можно было ждать любой пакости. «Хорошо бы отсюда уйтн»,— думал Дружиловский, ио не знал, что делать дальше. Кира Николаевиа смотрела на его красивое сумрачиое лнцо н думала, какой же он, оказывается, скромный, этот офицерик. Ои ей все больше нравился — чистеиький такой, волиистые волосы, острые черные глаза, элегантные уснкн, малеиькие жеиственные рукн. И вот иа тебе, авнатор, а такой чувствнтельный. И такой одинокий... Чтобы ободрить его, оиа попросила заказать вина.

— Я хочу выпить за то, чтобы вы ие чувствовали себя однноким нн в небе, ии иа земле,— сказала Кира Николаевиа, подняв свой бокал с золотнстым «Каберне».

Ои благодарно склонил напомаженную голову н иа одиом дыхании осушил свой бокал.

— Спаснбо... Но вы ие представляете, какнм одииоким чувствуешь себя в иебе,— печальио сказал ои, взглянув на разрисоваииый потолок.— Великое вам спасибо за ваш тост,— он поцеловал ей руку, н оиа не отняла ее.

— Одии мой друг, тоже авиатор, говорнт: против иашего одиночества есть только одиа великая сила — любовь...— продолжал он, держа ее руку и смотря в ее голубые, заблестевшие от внна глаза.

Покончив с бутылкой «Каберне», он заказал шампанское. Кнру Николаевиу точио подменили — оиа раскрасиелась, чопорность как рукой сняло, она не закрывала рта, громко смеялась.

— Зиаете, кому я больше всего верю? — говорнла она, смотря

иа иего потемиевшими, горящнми глазами.— Картам! Да, да, картам! Не дальше как в пятиицу я три раза бросала карты, и три раза сверху оказывался валет треф.

Ои просиулся в душиой постелн и долго не мог поиять, где находится. Над инм был глухой сииий купол, с которого к подушке свисал шиурок с кистью. Он потяиул за шнурок, и купол стал отделяться от постелн, подннматься вверх. В свете раниего утра ои увидел рядом безмятежио разметавшуюся Киру Николаевиу. Все стало иа свое место. Но кто же она, чёрт побери?

Выбравшись из-под балдахниа, ои осмотрелся. На стене висел портрет мужчииы в чериом сюртуке, с острыми чериымн усами и строгим взглядом из-под кустистых бровей. Кто это?

За завтраком Кнра Нниколаевиа вдруг запрнчитала:

— Какой ужас, что мы с тобой иаделали...

— Хорошо бы все-таки зиать, кто он, этот мой соперннк? — спроснл ои очеиь серьезио, взяв ее за руку.

— Геиерал Гарднер...— еле слышно ответила она.

— Еще одна тыловая крыса? — спросил он.

— Что ты... что ты...— ее глаза расширились.— Он свой человек при дворе, друг-приятель гатчииского комендаита генерала Дрозд-Бонячевского, его зиает весь Петроград, ои очень опасиый человек!

Он, смеясь, поднял руки:

— Сдаюсь и обращаюсь в паиическое бегство.

— Я его ие люблю... Ои очень плохой человек... ои измеияет мне направо-налево, а меия держит в этой камеиной клетке.

Оиа выпустнла его через кухию на задиее крыльцо.

В тот же день ои разузиал, что геиерал Гарднер занимается закупкой продовольствня и оборудования для привилегнроваииых воеиных лазаретов, патроиируемых особами царской фамилии, и, кроме того, причислен к «состоявшему под августейшим председательством ее императорского велнчества государыни нмператрицы Александры Федоровны Верховному совету по призреиию семей лиц, призваииых на войиу, а также семей ранеиых н павших воинов». Так илн иначе, пока шла войиа, Гардиер купил в Питере два коммерческих дома н особияк для любовницы. В петроградском доме геиерала в префераис играли по рублю, и за ночь там проигрывались состояиия... «Великий вор»,— решил Дружиловскнй н иа этом построил свои дальнейшие плаиы.

Разыгрывая роль влюбленного, тяготящегося своей бедиостью и страдающего от иеобходимости скрывать свою любовь, ои без труда уговорил Киру Николаевиу прниять участие в шантаже геиерала. Оиа оказалась прекрасио осведомленной о делах своего невериого мужа.

Под угрозой обнародовать его воровские проделки генерал выдал счастливым любовникам крупную сумму. Дружиловский положил эти деньги в банк на свое имя, сговорившись с генеральшей о покупке дома в Крыму.

В январе семнадцатого года пришел приказ об отправке курсантов авиашколы на фронт. Снова пришлось беспокоить генерала, и на этот раз пригодилась его дружба с гатчинским военным комендантом. Дружиловский превратился в преподавателя школы и на всякий случай был положен в лазарет. Он снова спасся от фронта и уже думал, что выбрался, наконец, на счастливую дорогу. Лежа в госпитале, строил планы, как он использует хранящиеся в банке 30 тысяч рублей, и почему-то чаще всего приходила в голову мысль завести в Питере собственный ресторан. Он видел себя — респектабельного, независимого, встречающего легким поклоном денежных клиентов. Странным образом генеральша в его мечтах, как правило, отсутствовала.

Никогда не забудет он то страшное утро... В палату вошла сестра милосердия и сказала не то испуганно, не то радостно, что в Петрограде революция. Больше она ничего не знала. Его сосед по палате, по гражданской жизни фабрикант, еще вчера лежачий больной, вскочил с постели и побежал звонить кому-то по телефону. Он вернулся в палату и, глядя на Дружиловского безумными глазами, сказал: «Все полетело к черту, царь свергнут». Он потребовал свою одежду и поспешно покинул госпиталь.

«Деньги! Что будет с ними?» — с ужасом подумал Дружиловский и на другое утро тоже ушел из госпиталя.

Банк работал как обычно. Чиновник быстро выдал ему справку о процентном начислении на его капитал. Он немного успокоился. Но, побродив по шумному и тревожному Петрограду, послушав, о чем говорит улица, снова пошел в банк и забрал деньги.

— Правильно делаете, все умные люди переводят деньги в ценности,— шепнул ему чиновник.

Что это значит и как это делается, Дружиловский толком не знал, но тяжелый сверток с деньгами безотчетно успокаивал.

В Гатчинской авиашколе, куда он вернулся, по случаю революции царила полная вольница. Каждый день митинги — одни говорят: войне конец; другие: надо воевать до победного конца. Поди разберись, что будет. А пока занятий в школе нет. Начальники первые отдают честь курсантам. На поверках отсутствует половина личного состава. Однажды срочно собрали всех, кто был на месте, и перед ними выступил сам Керенский. Он говорил час,

а может, и больше. Дружиловский слушал его очень внимательио, ио главиого — что будет дальше? — так и ие узнал. И оставалась главная тревога: что делать с деиьгами?

Ои съездил в Петроград, нашел там маклера, с помощью которого хотел перевести деньги в цениости. Он уже выясиил, что это такое. Но маклер, узнав, о какой сумме идет речь, потерял к иему всякий иитерес и сказал, что такими мелкими операциями ои ие занимается.

— Как мелкими? Тридцать тысяч! — возмутился Дружиловский.

— На ныиешнем рыике это мелочь,— ответил маклер.

Катастрофа с деньгами сильио его пришибла. Золотая его мечта сгорела в трижды проклятой революции. Все полетело к черту, и геиеральша с ее домом оставалась для него единствеииым надежиым убежищем от всех несчастий.

В школе революциоиная вольиица вскоре коичилась. Офицеры снова кричали иа курсаитов и строго взыскивали за малейший проступок. Возобиовились ежедиевиые заиятия, строевая муштра, и опять возникли слухи о фроите — Кереиский на каждом митиигe умолял всех воевать до победиого конца...

В воскресеиье, когда Дружиловский валялся иа постели у своей геиеральши, явился Гардиер. Два с лишиим месяца ои пропадал иеизвестио где и вдруг пожаловал. На своего счастливого сопериика ои ие обратил никакого виимаиия, вызвал жену в другую комиату, и оии там долго спорили о чем-то.

Дружиловский старался понять, о чем оии говорят, но массивиые дубовые двери слабо пропускали звуки. Потом все стихло.

Кира Николаевна, всхлипывая и утирая платочком слезы, вернулась в спальию.

— Разбойник...— Горько плача, она рассказала, что геиерал отобрал сейчас у иее зиачительиую часть цениостей.

Наступила глубокая осень. Геиеральша порядком надоела Дружиловскому, ио он привык к ее вкусиым обедам, к ее мягкой просторной постели и даже к ее глупости — все вокруг было так шатко, так непоиятно, а возле генеральши можио было прожить, пока коичится вся эта иеразбериха.

Свершилась еще какая-то революция, и в школе появилась иовая и грозиая фигура — комиссар. Это был высокий худой человек с болезиенио желтым лицом. Казалось, ои иикогда не сиимал с себя скрипучей кожаиой тужурки и маузера иа ремие через плечо. Говорил ои тихим голосом, а когда сердился, дергал шеей, будто ему вдруг становилось трудио дышать. В день своего появле-

ния он созвал персонал школы и всех курсантов в актовом зале.

Комиссар сидел за столом, покрытым красной материей, и сердито поглядывал на опоздавших. Над ним, на стене, где до недавнего времени долгие годы висел поясной портрет царя, остался светлый прямоугольник. Его пересекал лозунг на красном полотнище: «Вся власть Советам!»

В первом ряду никто сесть не решился. Все смотрели на комиссара, а он тоже вглядывался в зал прищуренными глазами и подергивал шеей.

В зале было очень тихо, и стало слышно, как скрипнула комиссарская кожанка, когда он вставал. Он медленно оглядел зал.

— С пролетарской революцией я вас не поздравляю, так как знаю, каким элементом засорена школа,— начал он негромким, надтреснутым голосом и, дернув шеей, продолжал: — Я комиссар школы. Эта должность рождена пролетарской революцией. Я послан сюда своей партией большевиков. А вообще-то я моторист по аэропланам, служил в четвертом авиационном полку. Вместе со мной сюда, в школу, пришла революция. Отсюда и выводы. Ничего враждебного революции не останется в этом здании. Школа будет выпускать летчиков, преданных революции, красных летчиков. Классовым врагам мы крыльев не дадим!

Комиссар прошелся перед столом и, резко дернув головой, повторил, повысив голос:

— Классовым врагам крыльев не дадим! Все слышали? С сегодняшнего дня допуск к аэропланам и другой технике — только по моим пропускам. Занятия в классах и строевую подготовку приказываю продолжать. Ясно всем?

— Разъясните, пожалуйста, что такое классовые враги? — послышался голос из задних рядов.

Многие засмеялись.

Комиссар сердито дернул шеей, поправил на плече ремень маузера и вдруг улыбнулся.

— Тот, кто спросил, я думаю, будет летать. Разъясню вкратце. Был царь...— Комиссар большим пальцем через плечо показал на стену, где остался светлый прямоугольник от царского портрета.— Нет царя. Революция выбросила в мусорную яму истории царя и с ним монархию. Кому это нож в горло, те наши классовые враги. Была буржуазия — фабриканты, банкиры, купцы, помещики и прочие толстосумы. Революция отняла у буржуазии власть, а заодно фабрики, землю, банки. Кому это нож в горло, те наши классовые враги. Они это сами понимают, они здесь смеялись над тем, кто этого не понимает. А задал вопрос человек, который сам от революции не пострадал и хочет знать, не по-

страдает ли ои теперь от меия. У меия есть желание побеседовать с иим по душам.

Дальше... Революцня еще ие все отияла у буржуазнн и моиархнстов. У ннх еще осталась возможиость бороться с революцией, вредить иашей пролетарской власти. Предупреждаю — дело это безиадежное и коиец одни — гибель от беспощадно карающей руки революцни. Прошу это уясннть и сделать выводы, каждый для себя. А теперь можио разойтись.

В тот же деиь был вывешеи прнказ комнссара — всем заполннть аикеты нз десятн вопросов. Самый страшиый четвертый — социальиое происхождеине, в скобках разъясненне: «Кто ваши родителн?» Анкету следовало сдать в трехдиевный срок.

«Наш банкнр» Кирьянов заполиять анкету ие стал и в тот же деиь исчез. Его прнмеру последовалн еще иесколько офицеров. Дружнловский не зиал, куда ему податься, и, просндев иад аикетой целую иочь, иа четвертый вопрос так и ие ответнл.

Спустя несколько дней его вызвалн к комнссару. Ои робко вошел в сумрачную комнатку, за едииственым окном которой кружнлась метель. Комнссар сндел за столом в своей иеизмеииой кожаике и при маузере. Пригласив Дружнловского сесть иа табуретку, комиссар сказал глухо:

— Разговор будет по вашей анкете,— комнссар держал аикету в руке н смотрел на иего поверх листка бумаги.— Зиачит, роднтелей у вас иет? — запустнв пальцы за воротник, комиссар оттяиул его, точио ему было душио.

— Почему иет, есть,— ответил подпоручик, опустив голову.

— Так...— комиссар бросил анкету на стол н спросил:— Кто ваш отец?

Земля колыхнулась под Дружиловскнм, но он стисиул колеин, медлеиио подиял голову и, будто приию хиваясь к воздуху в комиссарской комнатке, ответил:

— Служил...— И после долгой паузы добавнл:— В провницин...

— Полицейским исправииком?

— Исправинком,— тихо повторил подпоручик, верхияя губа его задрожала, приподиялась, открыв мелкие зубы.

Комнссар встал, подошел к окиу, постучал пальцами по стеклу и, ие оборачиваясь, спросил:

— А вы-то, собственио, кто? Почему вы преподаете в школе пулеметиое дело? Из вашнх докумеитов это поиять невозможио.

— Поручили, я и преподаю,— уиыло ответил он.

— А еслн вам поручат нграть на скрипке? Вы ж и не летчнк, н ие иавнгатор. И вообще, я думаю, что вы здесь просто отснжнваетесь от фроита. У иас этот иомер ие пройдет.

Он сидел ссутулясь на табуретке, сжав коленями мокрые руки, и молчал.

— Вы не собираетесь покинуть школу, как некоторые?

— Нет,— поспешно ответил Дружиловский.

— Мы можем предложить вам только... вольнонаемную должность кладовщика. Согласны? — равнодушно спросил комиссар.

— Я хочу подумать...— сказал Дружиловский и в эту минуту решил сегодня же уехать в Москву.

Глава вторая

Дышать в вагоне было нечем. Кто-то, не выдержав, открывал дверь, и в переполненный вагон врывались белые клубы морозного воздуха, сразу становилось холодно, и тогда раздавалась яростная брань. Дверь закрывали, и снова люди задыхались, кричали, что нечем дышать, и все начиналось сначала.

А поезд, качаясь на стрелках, вздрагивая на стыках рельсов, катился и катился сквозь метельную ночь, вез в Москву взбудораженный революцией пестрый люд: военных и штатских, старых и молодых, городских господ, деревенских мужиков.

Вагон стонал во сне, разговаривал, ругался, надсадно кашлял, грохотали колеса, и металось в фонаре над дверью зыбкое пламя свечи.

Забившись на верхней полке в самый угол под потолком, Дружиловский со страхом думал о том, что ждет его в Москве. Он очень надеялся, что ему поможет Саша Ямщиков — его приятель и однокашник по 4-й Московской школе прапорщиков. Саша писал ему недавно, что работает теперь метрдотелем в ресторане «Аврора», звал бросить военную каторгу и перебираться в Москву. «Здесь царит невероятный хаос,— писал он,— если не растеряться, можно иметь все и жить как у Христа за пазухой...»

— Эй там, на галерке! Слезай! — кричал кто-то снизу и дергал его за шинель. Сжавшись от страха, он сделал вид, что только проснулся, и посмотрел вниз.

— Слезай! — кричал ему широкоплечий парень в кожанке и с комиссарским маузером на ремне.— Проверка документов!

Уже светало. Сквозь замороженные окна в вагон лился густой синий свет, лица людей в нем были мертвенно-белыми.

Склонившись к фонарю, который держал проводник вагона, парень в кожанке долго рассматривал временное удостоверение Дружиловского, утверждавшее, что он является преподавателем Гатчинской авиашколы.

— Командировка? — миролюбиво спросил парень, возвращая удостоверение.

— Отпуск...— еле слышно ответил Дружиловский и закрыл рукой рот с усиками.

— Куда едем?

— В Москву,— дрожащими губами ответил он.

— Если пробудешь там более трех дней, заявись в военкомат по месту жительства.

— Слушаюсь...— вытянулся он и крепко сомкнул губы. Еще не верилось, что все сошло благополучно.

Наверх он больше не полез, сел на полу. Никто не обращал на него внимания.

На московском перроне было очень людно, шумно, и он совсем успокоился — кто тебя заметит среди плывущих над толпой мешков, узлов, чемоданов, корзинок. Тех, кто нес их на своих плечах, не было видно, и казалось, что вещи сами двигались к выходу. Все это дымилось на ходу, пахло дублеными шубами, дегтем, карболкой.

Дружиловского вынесло на снежную просторную площадь. Извозчики кричали и гикали, зазывая седоков. На трясучем, громыхающем трамвае он поехал к центру города.

Москва выглядела так же, как в первый год войны, когда он учился здесь в школе прапорщиков. Скрипя по снегу железными подрезами, проносились конные возки с важными пассажирами, по тротуарам текла оживленная толпа, улицы и трамваи заполняли спешившие на работу люди. На стенах домов, на витринах магазинов, на афишных тумбах, столбах, на трамваях и даже на памятниках — всюду были наклеены плакаты и объявления. Они призывали к пролетарской бдительности, разоблачали дурман религии, разъясняли международное положение и снова звали к беспощадной бдительности. У Страстного монастыря он сошел с трамвая и стоял, глядя на знакомую площадь. Начинался безветренный зимний день с легким морозцем и робким солнцем, золотившим белые крыши домов и макушки заиндевевших деревьев.

Он постоял немного, прошел к памятнику Пушкину и сел там на скамейку — Саша писал, что на работу приходит к полудню, надо было как-то убить время. Рядом на скамейках сидели бабушки и няни, ребятишки с визгом бегали вокруг памятника. Рослый бородатый старик в валенках, подшитых кожей, сгребал снег в аккуратные сугробы. По середине площади ходил милиционер в длинной темной шинели. Все это совсем не было похоже на хаос, о котором писал Саша.

На Петровских линиях, где находился ресторан «Аврора», как и до революции, вдоль тротуара стояли извозчичьи возки. На облучках дремали извозчики в пышных, припушенных инеем армяках, перехваченных кушаками.

В зале рестораиа царил полумрак. Стулья лежали иа столах иожками вверх. Кисло пахло табаком н духами.

Сонный гардеробщик провел Дружиловского через зал в каморку без окои, и там ои нашел своего приятеля.

— Серик! Здорово! — закричал Саша, бросаясь к иему с распростертымн объятнями.— Вот молодец! Прнехал! Саднсь, Серик, садись, мы сейчас кофейку сообразнм,— говорнл он ласково и както беспокойно, а улыбка на его курносом лице то появлялась, то нсчезала...

Дверь открылась, и высокий пожилой мужчииа с краснвым, ио сильио помятым лнцом виес на подносе кофейник. Ои разлил кофе и, суиув поднос за диваичик, сел к столу, за которым сразу стало тесно. Саша взял Дружиловского за локоть.

— Зиакомься, Серик, это Павел Григорьевич, иаш буфетчик,— сиова ласково и беспокойио заговорил Ямщиков.— Павел Григорьевич кончал Пажеский корпус. К большой жнзии был предиазначеи. К очень большой.

Павел Григорьевич недовольно посмотрел на него из-под припухшнх век.

— К чему этот некролог?

— Ладно, ладио, ие буду,— послушно иаклоиил голову Ямщиков.

Буфетчнк медлеиио перевел взгляд на Дружиловского.

— Вас, я слышал, зовут Сергей Мнхайловнч? И вы, я слышал, офнцер? Это прекрасно.— Он сжал рукой масснвный, мягкий подбородок.— Насколько мие нзвестно, вы приехали в Москву попытать счастья. Это прекрасно, время для этого самое подходящее. Где будете проживать?

— Есть далекая родия, ио надо ее отыскать.

— Не иадо,— сказал Павел Григорьевич.— Пока поживете у меия, места много, вдвоем будет веселее. Двум русским офицерам есть о чем поговорнть длииными зимиимн иочами...

— Мие еще надо работу найтн.

— Не торопись, Сернк. Работа ие волк...— вмешался Ямщиков.

— Пока поработаете здесь,— добавил Павел Григорьевнч.

Обычио до полудия Дружиловскнй спал, а потом вместе с Павлом Грнгорьевнчем через всю Москву оии ехали на трамвае в ресторан «Аврора». Там он помогал Ямщикову расставлять стулья, одиим пальцем печатал иа машннке меию н отчетность по буфету. Потом до вечера было несколько свободных часов, н он болтался по Москве. Не очеиь веря в посулы Ямщикова и Павла Гри-

горьевнча, присматривал себе работу. А вечером снова помогал Саше. Надевал великоватый ему официантский смокинг и делал все, что велел Ямщиков,— улаживал конфликты гостей с официантами, утихомиривал, а то и выдворял подвыпивших скандалистов... Поздней ночью на последнем трамвае они с Павлом Григорьевичем возвращались домой в Сокольники. Никаких офицерских разговоров они не вели — измотанные дорогой и длинным днем в ресторане, сразу ложились спать.

Так прошел месяц. На улице запахло весной. К этому времени Дружиловский уже присмотрел себе чистую работу — его брали администратором в кинематограф. Это было гораздо лучше, чем каждый вечер выслушивать пьяные бредни ресторанных гостей.

Вечером он сказал об этом Саше Ямщикову, но тот встревожился и даже обиделся:

— Не дури, Серик, как раз сегодня мы с Павлом Григорьевичем решили сделать тебе солидное предложение.

Дело оказалось очень выгодным... Какие-то умные люди сумели выкачать спирт из цистерны, стоявшей на товарной станции. Теперь они продавали этот спирт. Ямщиков и Павел Григорьевич собирались его купить, разводить водой и подавать у себя в ресторане вместо водки. Дружиловскому пока поручили произвести своеобразную разведку — купить у жуликов пробный бидончик спирта — и за одно это обещали сумму, которая равнялась его жалованью в летной школе за целый год.

— А если меня с этим бидоном задержат? — спросил он.

— Ну и что? — очень спокойно возразил Павел Григорьевич, рассматривая свои сцепленные на столе руки.— Пришел купить спирта — какая же тут вина? Вы же не знаете, откуда тот спирт.

— А откуда же я узнал, что он там есть?

— На Сухаревке кто-то сказал адрес, а ты случайно услышал...— сказал Ямщиков, он был очень серьезен сегодня.— На сутки неприятностей — это в худшем случае...

Вечером он отправился в Сокольники. Пришлось долго плутать по дачным улочкам, по обледенелым тропинкам — на половине домов не было номеров и почти нигде не было названий улиц.

Наконец он отыскал нужный дом. Это была приземистая хибара, почти не видная с улицы за кустами. В двух маленьких окнах горел свет — желтые квадраты лежали на осевшем снегу. Занавески на окнах были плотно задернуты.

Дружиловский поднялся на ветхое скрипучее крылечко и постучался в дверь. Ему тотчас открыли.

— Здесь живут Курихины?

— Идите за мной,— ответил из темноты низкий женский голос.

Вытянув вперед руку, Дружиловский пошел на голос. Откры-

лась дверь, н он шагнул через порог в освещенную комнату. Женщина, ничего не говоря, взяла нз его рук бндончик н ушла, а он ждал, тревожно выставив вперед худое лнцо.

Комнату освещала внсевшая под потолком кероснновая лампа-«молния», в углу перед иконами теплнлась лампада, в лежанке потрескнвали углн, н оттуда тянуло теплом. На подоконннке в клетке, попискнвая, прыгала с жердочки на жердочку канарейка. Все тут дышало уютом спокойной, тнхой жизнн.

Вернувшись, женщина поставнла бндончик к ногам Дружнловского, сказала негромко:

— Цена как было сказано, есть ведер двестн...— Она села за стол н пододвинула к себе раскрытую книгу.

Он взял бндон н направился к выходу.

— Дверь закройте хорошенько, пожалуйста,— попросила женщина.

Тропинка была скользкая, и с полным бидоном ндти было труднее. Подойдя к калитке, он поставил бндон на землю н стал надевать перчаткн. В это время калнтка открылась, н мимо него быстро прошли несколько человек. Один остановился возле Дружнловского, взял бндон н сказал тихо:

— Идемте.

На улнце поодаль стоялн два черных автомобиля.

Везлн его долго, а куда, не понять. Наконец автомобиль въехал в ворота н остановнлся. Дружнловскнй успел заметнть только, что двор тесный, а вокруг дома большие и высокне. Его провели в комнату на втором этаже н сразу же начали допрашнвать.

Следователь был совсем молодой, а когда снимал очкн, блнзорукие его глаза смотрели совсем по-ребячьн.

— Вы знаете, где находнтесь? — спросил следователь, протирая очкн носовым платком н прнщурясь. Не ожндая ответа, он пояснил: — Вы находнтесь в ЧК, на Лубянке. Коротко скажите, кто вы?

— Я преподаватель Гатчинской авиацнонной школы,— ответнл он после долгого молчання, верхняя губа его дрожала, и он прндержнвал усы пальцем.

— Покупкой ворованного спирта заннмаетесь в свободное время? — спросил следователь.

— Просто хотел подешевле купить... для себя... угостить товарищей по школе...

— Для товарнщей, значит? Но товарнщн-то где? Гатчнна, я слышал, под Петроградом, а вы орудуете в Сокольниках, в Москве. Ну? — Следователь взял ручку, занес ее над лнстом бумагн.

— Я прнехал в Москву в отпуск, собнрался возвращаться в школу н решнл порадовать своих товарнщей...

— Документы,— приказал следователь и отложил ручку.
— Пожалуйста.
— Дружиловский Сергей Михайлович?
— Так точно.
— Документ без фото... так что...
— Запросите Гатчину.
— Вот вам бумага, извольте подробно описать свою жизнь от рождения и до... спекуляции спиртом,— строго сказал следователь и ушел.

В комнате у двери остался бородатый солдат с винтовкой.

По следственному делу банды спекулянтов видно, что чекисты считали Дружиловского мелкой фигурой, но поначалу они допрашивали его ежедневно. Хотели выяснить, откуда он узнал о доме в Сокольниках, но он о своих друзьях из ресторана «Аврора» упорно молчал.

Были очные ставки с хозяевами дома. Женщину он узнал, и она подтвердила, что продала ему бидончик спирта из запасов мужа. Приводили ее мужа, толстого, с бритой наголо головой.

Через месяц из внутренней тюрьмы ВЧК Дружиловского перевели в Бутырскую и перестали допрашивать. Уже наступило лето, тополь посреди тюремного двора ронял нежный пух, который покрывал высокий подоконник окна и шевелился там от сквозняка, будто живой. Дружиловский наблюдал за ним со своего места на нарах, и ему с острой тоской вспоминалось детство — невозвратное рогачевское приволье.

Однажды навестил буфетчик Павел Григорьевич. Они несколько минут разговаривали через проволочную сетку в присутствии часового.

— Все прекрасно, не волнуйтесь,— сказал Павел Григорьевич, глядя на него из-под нависших век строго и требовательно.— Саша вам кланяется, он не смог прийти, приболел. Скоро увидимся. Только на суде не качнитесь,— тихо добавил он одними губами.

В августе, наконец, наступил день суда. Долго и терпеливо выяснялись преступные связи обитателей домика в Сокольниках с другими шайками спекулянтов. О Саше Ямщикове и Павле Григорьевиче речи не было. Дружиловского допрашивали мало, а когда спросили, он рассказал про свой бидончик и про то, как хотел порадовать спиртом дружков по летной школе. Двоих обитателей домика в Сокольниках суд приговорил к расстрелу. Дружиловский расширенными глазами смотрел, как их уводили из зала суда, у него дрожали колени.

За отсутствием доказательств, что единовременная покупка

спирта была произведена в спекулятивных целях, Дружиловского приговорили к шести месяцам тюремного заключения с зачетом пребывания в тюрьме до суда.

Где и как Дружиловский провел лето и зиму, неизвестно, но в мае 1919 года он объявился в Гатчине. Кира Николаевна, рыдая, повисла на нем и никак не могла успокоиться.

— Я умираю от голода,— сказал он трагическим голосом.

Она внимательно посмотрела на него, и глаза ее округлились:

— Боже! Что это с тобой? — прошептала она, смотря на его землистое лицо, ввалившиеся щеки и обвисшие усы.

— Пять дней ничего не ел...

Она стала его раздевать, поливала горячей водой на руки, потом бросилась на кухню и принесла еду в столовую.

Он долго и молча ел, а она сидела напротив и, подперев пухлый подбородок, смотрела на него.

— Милый, где же ты пропадал?

— Там меня нет...— жуя, пробормотал он.

— Боже, что я тут пережила! Если бы ты знал! Пошла в твою школу. «Нет,— говорят,— вашего Дружиловского и не будет». Представляешь? Три дня проплакала. Потом пошла к гадалке. «Он жив»,— говорит. Господи, что я только не передумала! Опять пошла к гадалке — нет ли у меня соперницы?

— Мне бы к ней сходить и поспрошать о своих соперниках,— улыбнулся он.

— Ты про генерала? Сгинул он, как сквозь землю провалился,— радостно сказала она.

— Ну смотри,— погрозил он очень серьезно.— Я все узнаю. Если что, пожалеешь.

Она с радостными слезами прижала его голову к груди, стала целовать. Он не противился, целовал ее и думал, что все идет хорошо, по плану...

Ночью долго не спали, сговаривались, что делать дальше. Он рассказал ей, как ездил по Крыму и нашел в Гурзуфе, вблизи Ялты, то, что им нужно. На самом берегу, над морем, с садом и огородом, двухэтажный дом, красивый, удобный, с тремя комнатами для сдачи курортникам.

Кира Николаевна обрадовалась, но смотрела на него растерянными глазами.

— Ну и что? Что же мы можем сделать?

— Я свое дело сделал, милая, я нашел и хочу одного, чтобы мы поскорее там поселились. Но сложности, конечно, есть... Во-первых, нужно срочно дать ответ, и, во-вторых, плату требуют золотом, в нынешние деньги веры нет. Хозяин приехал вместе со мной.— Дружиловский тяжело вздохнул и опустил голову.— Не знаю, что делать... Не знаю.

— У меня есть кое-что... но такая малость...— после долгого молчания тихо сказала она.

Вот! Еще один шаг по плану... Он стал рассказывать, как он все это время мечтал очутиться в этом доме, заглянуть в ее глаза и забыть обо всем на свете.

— Я-то в Крым попал, спасаясь от ЧК,— рассказывал он, понуря голову.— Скажу тебе всю правду — друзья-офицеры уговорили меня морем удрать с ними в Турцию. Никакого другого выхода у меня не было: или эвакуация, или смерть в подвале ЧК. Пробраться сюда, к тебе, я даже подумать боялся... Ну вот... Поехали мы с приятелем в Гурзуф за его матерью. А там я увидел этот дом. Представил себе, как мы с тобой здесь заживем... Не могу тебе объяснить, что со мной произошло. Когда я сказал приятелю, что возвращаюсь в Гатчину, он решил, что я сошел с ума. Ему я не мог ничего толком объяснить, но я уже ничего не боялся: ни чекистов, ни черта лысого...— Он взял ее руку и прижал к губам.— Если б ты только знала, что я пережил, чтобы вернуться к тебе.

Кира Николаевна рассеянно гладила его по волосам и думала о том, что ценностей у нее осталось очень мало — о доме над морем и мечтать нечего.

— А может, мы продадим этот дом? — вдруг с надеждой спросила она.

— Этот, гатчинский? Да кому он нужен? Кто сейчас может его купить? — тяжело вздохнул он, отлично понимая ход ее мыслей.— Не томи меня, скажи прямо, что у тебя еще осталось?

Она пошла в спальню и принесла деревянный ларец.

Золотой браслет... цепочка с крестиком... два кольца... часики... Он доставал из ларца, клал вещи на стол, принюхивался к ним и прикидывал, хватит ли ему этого для расчета с чухонцем, который переведет его через финскую границу.

— Да, небогато,— сказал он печально.

— Мне же есть нечего было... я меняла на провизию...— потерянно сказала она.

— Да разве я могу тебя укорять? — воскликнул он и, сложив вещи в ларец, сказал: — Но я надежды не теряю, теперь золото в такой цене, с ума можно сойти. Утро вечера мудренее. Я завтра встречусь с хозяином дома. Знаешь что, я предложу ему еще и этот твой дом. Идея!

— Боже мой, милый, неужели что-нибудь выйдет? — шепотом спросила она.

— Чем черт не шутит, когда бог спит,— рассмеялся Дружиловский...

Он дождался, когда Кира Николаевна наконец уснула, распихал по карманам драгоценности и, оставив ей записку, что

уезжает в Петроград оформлять сделку, покинул дом генерала Гарднера.

Из заявления К. Н. Гарднер в гатчинскую милицию:

«...Прождав после этого 10 дней, я поняла, что случилось несчастье — он стал жертвой грабителей или что-нибудь еще. Перечисленные золотые вещи являлись моими фамильными ценностями и моим единственным средством пропитания, так как на них я выменивала продукты для личного употребления.

Ваше подозрение, будто он сам похитил их и бежал, я отвергаю с возмущением, так как между нами была любовь и обоюдная мечта жить вместе в согласии и счастии...»

Глава третья

Проводник — молчаливый длинноногий чухонец — шагал легко, размашисто, и Дружиловскому приходилось частить шаг, почти бежать. Он уже испытывал неприязнь к маячившему перед ним и все норовившему уйти от него белобрысому, коротко подстриженному затылку чухонца, злился все больше и больше, но отставать было нельзя.

Долго шли они по еловому лесу, казалось росшему из камней. Огромные позеленевшие валуны приходилось обходить, это сильно удлиняло путь, и Дружиловский выбивался из сил.

Но вот лес стал редеть, и им открылась болотистая равнина, вдали на зеленых холмах виднелись домики непривычного темно-красного цвета. Чухонец остановился.

— Туда... Вас ждут,— сказал он, кивнув на дома.

Оказывается, граница была уже позади. Дружиловский остановился, тяжело вздохнул и хотел спросить проводника, сколько еще до тех красных домов, но, когда обернулся, того уже не было рядом — он быстро шагал к лесу, из которого они только что выбрались.

Из кустов вышел финский пограничник, он словно ждал, пока проводник уйдет. Равнодушно глядя на Дружиловского, он карабином показал, куда идти, и пошел позади, насвистывая заунывную мелодию.

В самом большом красном доме, над которым развевался финский флаг, Дружиловского обыскали.

Майор финской контрразведки — рослый, с бесстрастным смуглым лицом, с небольшим шрамом на щеке — предложил ему сесть и долго смотрел на него без всякого выражения. Дружиловский уже собрался начать свою приготовленную исповедь, но в это время майор сказал:

— Вот что рекомеидую вам учесть... Я русский, так что сочииять благочестивые сказки бессмысленно. Отвечайте иа мои вопросы коротко н конкретио.

— Мие ннчего сочиниять ие надо,— обиженио ответнл он, вытирая о брюкн вспотевшне ладонн.— А то, что вы русскнй, меия только радует.

— Сомиеваюсь,— буркиул майор.

Ои пододвииул к себе бумагу, спросил н записал необходимые формальные данные н иачал допрос:

— Что задержались? Что делали два года у большевиков?

— Сндел в тюрьме.

— В какой?

— Сперва в ЧК, потом в Бутырской.

— За что?

— Я участник тайной контрреволюцноииой оргаиизацнн аигличаинна Локкарта.

Эту версню Дружиловскнй придумал, когда еще готовнлся к переходу граннцы, ои понимал, что спекуляция спиртом там «не потяиет». Одиако на майора его признаиие не произвело ннкакого впечатлення.

— Ваша роль в органнзации?

— Связной.

— Неглупо.

— Я вас не поиял.

— Сейчас поймете. Насколько вы былн посвящеиы в дела оргаиизацин?

— Очень мало, связиой есть связной.

— Ну естествеиио,— согласнлся майор, ио Дружиловский в его согласии уловил ироническую иотку.— Сколько вы сидели?

— Шесть месяцев.

— Только и всего? А затем?

— Бежал.

— Как это вам удалось?

— Освободнлн группу анархнстов, а однн из иих за золотой портсигар остался за меия в тюрьме.

— Есть еще в Россин благородные люди,— не то серьезно, не то иасмешливо сказал майор.

В прошлом работник царской охранки, теперь майор верой и правдой служил своим новым хозяевам, спасшнм его от революции н от бездомиой жнзнн эмигранта. Это, впрочем, не мешало ему получать свою долю от проводинков через границу. Кто только не попадался здесь в его руки: н киязья-самозваицы, и лжеархнмандриты, н даже незакониорождеииый сын нмператора. Он хорошо зиал россннскую жизнь, и это помогало ему разоблачать

обмаи. Ои быстро поиял, что Дружиловский — мелкая сошка, и еще в самом иачале допроса решил, что Фииляидии ои ие иужеи. Майор имел строгую ииструкцию прииимать только иужиых и стоящих людей. Фиииы полагали, что к иим, в их трудовую страиу, сразу после революции прорвалось достаточио бесполезиого люда, ие считая вот таких, как Дружиловский, сочиииталей фаитастических биографий.

— Когда вы бежали из тюрьмы?

— В августе прошлого года.

— Чем заиимались до перехода граиицы?

— Готовился к иему.

— На что жили?

— Резервы.

— За переход граиицы, как я понимаю, платили золотом?

— Как уж заведеио.

— Портсигар — аиархисту, золото — проводиику... вы были состоятельиым человеком? Что-иибудь еще осталось?

— Последиее отдал проводиику.

— Вас судили?

— Да.

— Какой приговор?

— Учитывая мою второстепеииую роль в оргаиизации — десять лет.

— Иитересио, это какая статья их закоиов?

— Точио ие помию.

— Обычио осуждеииые помият это лучше собствеииого имеии.

— Нервы.

— Поиимаю.— Майор решил завершить допрос.— Чем вы собираетесь заииматься?

— Мстить.

— Похвальио, и мы вам поможем. Мы отправим вас в русскую армию геиерала Юдеиича, иацелеииую иа Петроград. Месть с оружием в руках — грозиая месть. Я завидую вам.

— Я хотел бы... я же ие только офицер... я заиимаюсь политикой... мие иужио попасть в Париж...

— Зачем? При ваших убеждеииях главиая политика — свериуть шею большевикам, а этим сейчас заиимается Юдеиич.

— У меия есть важиейшее сообщеиие для высокопоставлеииых русских лиц. Оии в Париже.

— Ну что ж, геиерал Юдеиич иайдет иаилучший способ связать вас с этими лицами, да ои и сам достаточио высокопоставлеииое лицо.

— Позволю себе заметить, что вы поступаете иеправильио.

— Я поступаю, как подсказывает мие моя совесть русского

офицера, зиающего, где сейчас главиый фроит борьбы с большевиками, которым вы хотите мстить...

Раио утром его отвезли в приморский фииский город Котку, посадили иа пароход, который вскоре отчалил и взял курс иа Ревель.

Фииский зелеиый берег остался за кормой и быстро удалялся, превращаясь в темиую полоску иа горизоите.

Дружиловский метался по палубе, ие иаходя себе места от бессильиой ярости.

С серого иеба посыпался мелкий дождь, море взбугрили волиы, и малеиький пароход стало качать. Дружиловского скосила морская болезиь, и почти весь путь ои провел в гальюие.

Потом, когда у иего появится диевиик, ои запишет в ием: «Фииы гады — обожрались, видать, иашим братом офицером, подавай им ие ииже геиерала. Но самое гиусиое, что в оцеищики оии иаияли иашего же русского, и эта сволочь старается как может. Но и в Ревеле меия ие ждало иичего хорошего, во всяком случае, иа первых порах...»

Эстоиские полицейские записали его фамилию в киигу и объяснили, как пройти в штаб Юдеиича. В штабе его виесли в какой-то список и предложили явиться завтра. Ои ие решился заявить о своих заслугах в заговоре Локкарта и о том, что ему иадо связаться с самим Юдеиичем. Спросил только, где ему жить, и получил ответ, что здесь это ие проблема. Ои отыскал ювелириый магазии и продал последиюю цеииость — колечко генеральши. Заплатили иеплохо, и ои действительио сразу сиял комиату в частиом паисиоие.

На другой деиь в штабе Юдеиича ои узиал, что причислеи к авиациоииому отделу пока без должиости, получил аваис в счет жаловаиья и обмуидироваиие — аиглийский фреич, брюки-бриджи, сапоги и погоиы подпоручика русской армии.

Делать ему было иечего, и ои болтался по Ревелю — благополучиому, чистеиькому, иаполиеииому медовым запахом цветущих лип. Встретил зиакомого поручика — в Питере играли часто в карты. Оии посидели в парке, поговорили о житье-бытье. Поручик работал здесь в воеииой комеидатуре иа вокзале. Ничего обиадеживающего ои ие рассказал.

— Припеваючи живут лишь те, кто состоит при штабе,— ядовито рассказывал поручик.— У этих и оклады высокие, и сами себе короли. Остальиые ловчат как могут, чтобы ие угодить иа фроит. Там-то, кроме пули, иичего ие получишь...

По вечерам ревельские рестораиы были забиты русскими офи-

церамн, саиовиымн господамн благородиых кровей, биржевымн спекулянтамн, шулерамн, бывшнмн помещиками н фабрикантами. Из петербургскнх кабаков переселнлнсь сюда певнчки н куплетнсты. В табачном пьяном чаду, под цыганскне рыдання шел бесконечный разговор о грядущем спасенни Россин, о том, кто под звон колоколов въедет в Пнтер на белом коне н кто из монаршей фамнлин взойдет на престол, а пока здесь покупалось н продавалось все.

Первое, что сумел продать Дружнловский, былн его рассказы о пережнтых нм ужасах в застенках ЧК. Их купил редактор русской газеты Ляхннцкий, с которым он быстро сошелся. Пережнтое на самом деле помогло ему придать своей брехне вид правдоподобня. Он глухо намекал, что был схвачен чекнстамн как нмевшнй некое отношенне к контрреволюцнонному заговору Локкарта. Какое именно, он не раскрывал, многозначнтельно объясняя, что пока сделать этого не может, чтобы не поставить под удар своих сообщников, оставшнхся там, в Росснн. Особенно красочно он опнсал свой побег нз тюрьмы с помощью анархнста.

«Воспомннання» нмелн успех, н в ревельскнх кабаках Дружнловскнй стал прнметной лнчностью. Какне-то помятые тнпы подходилн к нему чокаться за благородство анархнстов.

Вскоре он позиакомнлся с комендантом штаба Юденича полковником Несвнжевым, н в его жнзни пронзошлн большне перемены. По совету полковннка он женнлся на бывшей певнце нз петроградской оперетки Юле Юрьевой, а прн его содействнн получнл в штабе должиость адъютанта командующего авнацней.

Юрьева с шумным успехом выступала в самом дорогом ресторане Ревеля, очень неплохо зарабатывала н была обольстительна. Она была гораздо старше его, но он никогда ие нмел дела с такнмн роскошиыми женщннамн н, сндя с ней рядом, думал, что для него начннается совершенно новая жнзнь. Он даже готов был благодарить того русского майора, который вышвырнул его из Финляндни в это благословенное место — вот уж вонстнну, ннкогда не знаешь, где вынграешь, где проиграешь.

Свадьба была сыграна без попа н чниовннков, в ресторане. Гостей было не меньше полусотнн. Дружнловский сндел во главе стола, слева от Юлы, а справа как посаженый отец невесты сндел полковннк Несвижев. Поначалу Дружнловскому не нравнлось, что полковннк, пользуясь своим свадебным званием, помннутно лобызал его невесту и называл ее «моя певчая птнчка», но, выпив, он перестал это замечать н даже гордился, что могущественный комендант штаба называет его Серженькой.

Перед рассветом, провожаемые пьяными воплями гостей, молодые направилнсь домой...

В эту же первую брачную ночь Юла призналась ему, что полковник Несвижев является ее, как она выразилась, сердечным другом.

— С этим, котик мой, тебе придется примириться,— весело говорила она, заплетая пышную темную косу.— Но должна тебе сказать, что ты нравишься мне больше, и, насколько я понимаю, полковник сам передал меня тебе. А нам обоим он может еще пригодиться. Я не собираюсь закончить жизнь в этой дыре, мы с тобой удерем отсюда в Англию, есть у меня там друзья с высоким положением. Если хочешь знать, я была в Питере знакома с самим английским консулом и даже оказывала ему услуги.

Командующим авиацией оказался дряхлый генерал, страдавший подагрой. Он не мог подняться из кресла без посторонней помощи. К службе генерал относился как к некоему досадному осложнению болезни, с которым ему приходилось считаться, а мечтал лишь об одном — добраться до Болгарии, где его брат — полковник — служил в свите двора, имел поместье, подаренное болгарским царем. Он собирался разводить цветы и кроликов в поместье брата. Дружиловский быстро освоился и вошел в роль преданного слуги. Утром он делал генералу массаж, помогал одеваться, вечером стаскивал с него сапоги, кипятил воду для согревания генеральских ног, снова делал массаж и укладывал его в постель с подогретыми простынями.

— Мало кто понимает,— говорил ему генерал,— что кролики с их чудовищной размножаемостью — это провиант будущего. А здесь, сынок, мы приставлены с тобой к русской авиации, которой, между нами говоря, на самом деле нет.

Дружиловский поддакивал и благодарил бога, пославшего ему этого старенького больного генерала. Перспектива попасть на фронт по-прежнему была для него немыслимо страшной. Он прекрасно знал, что дела Юденича под Питером плохи — начатое им второе наступление захлебнулось, как и первое, а Красная Армия готовилась к контрнаступлению. Об этом говорили на всех этажах штаба.

Но в жизни Дружиловского всегда так бывало — только ему покажется, что он на коне, непременно стрясется какая-нибудь беда. Так произошло и теперь. Поздно вечером, когда он уже собирался покинуть своего мирно сопевшего генерала и направиться в ресторан, где выступала Юла, позвонили из штаба и приказали немедленно явиться в военную контрразведку.

Что только не передумал он, пока дошел до этого невзрачного дома в узком переулке, про который говорили, что туда легко только войти. Контрразведчики Юденича славились своей беспощадностью.

В сопровожденнн солдата Дружнловскнй поднялся на второй этаж. Несмотря на поздннй час, работа здесь кнпела вовсю — нз-за дверей слышалнсь голоса, по корндору то н дело нз дверн в дверь пробегалн с бумагамн в руках озабоченные офнцеры.

В указанном кабннете он увндел за столом штабс-капнтана Ушннского, н на душе сразу полегчало. Онн былн хорошо знакомы по Пнтеру, где вместе волочнлнсь за одной мнлой курснсточкой. Начало разговора не предвещало ннчего страшного — онн не без грустн вспомннлн то золотое времечко, общнх знакомых, Зночку Снегнреву, шутнлн, вздыхалн, но наступнла мннута, когда Ушннскнй спроснл:

— А что же вас задержало в Росснн? — Его маленькне глазкн, казалось, кольнулн Дружнловского.

— Меня задержала женщнна,— начал он с поннкшей головой: урок, полученный у русского майора в Фнннляндн, не пропал даром.— Я любнл ее, мы хотелн бежать вместе, но она тяжело заболела... Целый год я пытался ее спастн... Она умерла... И только тогда я начал готовнть свой побег... теперь это сделать не так легко, как было раньше.

— Ну что же, вы велн себя как подобает русскому офнцеру,— небрежно похвалнл его Ушннскнй н вдруг сказал офнцнально, очень серьезно: — Мы рассчнтываем на вашу помощь. О вашем согласнн не спрашнваю — оно подразумевается само собой. Вам предстонт выполннть очень важное порученне самого генерала Глазенапа. Не пугайтесь, пожалуйста, оно несложное. С завтрашнего дня у нас новый командующнй авнацней. Полковннк Степнн. Вы его знаете?

— Вндел здесь...— потерянно ответнл он.— А что случнлось с генералом?

— Забудьте об этой старой калоше.— Ушннскнй заговорнл решнтельно, быстро.— Пора наводнть порядок в армнн. Черт знает до чего дело дошло. Генерал Юденнч уже давно отдал прнказ пронзводнть бомбометанне по Пнтеру, а этот пальцем не шевельнул, чтобы выполннть прнказ, н заявнл, что для этого нет необходнмой техннкн. А новый командующнй говорнт — технnка есть. И готов выполннть прнказ. Надо срочно установнть, не болтовня лн это с целью успоконть командующего. И еще. Ваша задача — нзвещать нас о каждом шаге нового патрона, буквально о каждом. Насколько мне нзвестно, завтра вы с нnм уезжаете в Гатчнну.

У Дружнловского непронзвольно прнподнялась, подрагнвая, верхняя губа, а глаза нспуганно замерлн.

— В чем дело? — спроснл Ушннскнй, подняв подбрнтые бровн.

— Я ведь бежал нменно оттуда, нз Гатчнны... н опять оказаться там...

— Лирика,— сказал Ушинский.— Связь с вами буду держать я.

Утром он представился новому командующему авиацией полковнику Степину, а днем на автомобиле они выехали на фронт. Сидя рядом с полковником в автомобиле, Дружиловский пытался заговорить с ним, прощупать, что он за человек, но тот, несколько раз односложно отговорившись, не ответил толком даже на его вопрос: далеко ли им предстоит ехать?

Ехали несколько часов по разбитой дороге вдоль моря и остановились уже в русском селе Никольском. Здесь в здании школы был размещен какой-то оперативный штаб Юденича. Просторный дом священника занимала контрразведка, штабные офицеры шепотом говорили, что там лютует сам генерал Глазенап. Дружиловскому рассказали под большим секретом, что не далее как сегодня утром генерал Глазенап у себя в кабинете застрелил одного полковника только за то, что тот высказал сомнение в победе Юденича.

Толкаясь среди штабников, Дружиловский быстро выяснил обстановку и узнал, что Гатчина уже в руках красных и что вообще дела на фронте швах.

А вечером его потребовали к генералу Глазенапу. С этой минуты его парализовал страх, живой осталась только капелька мозга, в которой билась одна-единственная мысль: как спастись? Но когда он увидел генерала, замерла и эта капелька: спасения не было.

— Мне доложили, что вы воспитанник Гатчинской авиашколы,— начал генерал грубым, рыкающим голосом — непонятно, откуда брался такой голос в тощем теле генерала, в длинной и тонкой его шее с костлявым кадыком, выпрыгнувшим из воротника кителя. Но самыми впечатляющими были его глаза — выпуклые, черные, казалось, без зрачков и неморгающие. Уставившись на Дружиловского, он спросил: — Совесть офицера еще не пропили в ревельских кабаках? Молчите? Уже хорошо... Вы должны знать гатчинский аэродром. Приказываю — завтра ночью поджечь там главный ангар с самолетами...

— Как же его поджечь? Он же из камня и железа? — пробормотал Дружиловский.

— У вас будет бензин, и все сгорит дотла, можете не сомневаться,— рыкнул генерал.

— Бензина нужно много,— безнадежно сказал Дружиловский, сделав нелепый жест обеими руками, будто хотел взвесить что-то на ладонях.

— В вашем распоряжении будет отряд вольноопределяющихся, храбрых и преданных юношей, каждый возьмет по банке бензина — вполне хватит. За неисполнение приказа военно-полевой суд...

Когда Дружнловский вышел нз кабннета геиерала, у иего мелькиула мысль — бежать, спрятаться. Но куда? В Ревеле найдут. Проснть снова жену и ее друга, главного комеиданта штаба? Да ои, когда узиает, что тут пахнет контрразведкой, пальцем ие пошевельнет. Нет, вндать, от судьбы не уйдешь.

Их высадили из грузовнка прнмерио в версте от аэродрома. Отряд вольноопределяющихся состоял нз шестн слабоснльиых мальчишек в длиииых шннелях. Банки с бензнном онн волоклн по земле, задыхаясь от напряжеиня. Артнллерия красиых бнла совсем блнзко, сиаряды со свистом пролеталн иад нх головами н разрывались где-то далеко-далеко позадн. Создавалось впечатлеиие, что красиые уже зашли с тыла.

Онн добрались накоиец до иазиаченного места н затанлнсь в кустах у проволочиого заграждення. Стояла темная осенияя ночь. Только иа востоке шаткое зарево большого пожара шевелило черное иебо. Дружнловский действовал как под гипнозом, его ие оставляла мысль — бежать, бежать...

— У кого иожннцы? — шепотом спросил ои.

— Здесь.

— Режь проход прямо перед собой!

Несколько раз лязгиулн иожницы.

— Проход готов,— доложнл сиплый мальчишескнй голос.

Дружиловский прнказал развести обрезаиные концы колючкн, взял две банки бензииа н направился прямо к ангару, зиакомый снлуэт которого вырисовывался вдали. Он зиал, что отсюда до аигара было шагов триста.

Он стал счнтать шаги, это помогало собраться, побороть страх. Стало жарко, баики с бензнном оттягивалн рукн, а земля под иогами была неровная: ямки, бугоркн, зарослн цепкого репейника. Ои иасчитал уже сто пятьдесят шесть шагов, когда иога его провалилась куда-то н он упал в неглубокую яму, больно ударнвшнсь головой о железиую банку. Он еще матернлся, лежа на дне ямы в колючем репейннке, как ему в голову прншла спасительная идея.

Это же так просто! Ои подиял вверх банкн н вылез сам. Тело было легким, упругнм, н он зиал, что теперь делать. Быстро отвиитив крышки, ои вылнл беизии в яму и побежал за другими банками. Пришлось бежать самому трн раза туда н обратио, чтобы перенестн все банки, но свидетелей быть не должно. Опорожинв в яму последиюю банку, завернул в паклю камеиь. Отошел от ямы на несколько шагов, поджег паклю, бросил камень в яму и побежал, делая огромные прыжкн. Пламя рванулось к небу, заревело, закрутилось в жгут, метнулось по ветру огнениым хвостом. Возле аи-

гара раздались одиночые выстрелы, и иад головой Дружиловского просвистели пули. Ои упал, выждал, потом вскочил и снова побежал.

Вольиоопределяющиеся за колючкой округлившимися глазами смотрели иа бушевавшее пламя, они слышали свист пуль и не знали, что делать, но подпоручик виделся им бесстрашным героем.

Тяжело дыша, огромными прыжками Дружиловский подбежал к ним:

— Быстро за мной! — прошипел он, и все помчались к лесу, где ждал грузовик...

Когда они вернулись в Никольское, там уже не было ни штаба, ни полковника Степниа, ни генерала Глазенапа — все уехали в Ревель. Лихих воспоминаний вольноопределяющихся об этой «славной ночке» никто не слушал. Никому не был нужен и Дружиловский. Командующего авиацией он разыскал в Ревеле и узнал, что полковник в адъютанте больше не нуждается.

И снова, как всегда, только чуть повезло, сразу беда... Именно в эти дни от красных к Юденичу перебежал летчик, поручик Старовойтов. На допросе он рассказал о фиктивном поджоге ангара в Гатчине. Немедленно был подписан приказ — предать Дружиловского военно-полевому суду. Ему запретили вход в главный штаб, лишили жалованья, но судить не спешили. Полковник Несвижев обещал Юле замять дело, но недавнего ощущения благополучия как не бывало... Почти все вечера подпоручик с женой проводили в ресторанах за бесконечными разговорами о том, как и кто нажился в эмиграции. Баснословные истории о разграблении воинской кассы Юденича он слушал, сатанея от ярости,— и эти казнокрады собирались его судить!

Однажды ночью, вернувшись домой сильно выпивший, взвинченный, он до рассвета просидел за письменным столом и написал фельетон, обличавший штабную камарилью. Он спрашивал, например, у генерала Штамберга, куда тот дел 50 тысяч английских фунтов, которые получил для закупки самолетов? Генерал, как известно, поехал в Англию за аэропланами, но почему-то оттуда не вернулся... и самолетов нет... Писал он, что называется, кровью сердца, писал как защитительную речь на своем несостоявшемся процессе и как бы подсказывал, кого надо судить вместо него.

В это время в Ревель прибыл из Белоруссии штаб разгромленной Красной Армией банды братьев Булак-Балаховичей. У них была своя маленькая газетка «Жизнь», которая охотно напечатала фельетон Дружиловского — у братьев Балаховичей были свои счеты со штабом Юденича.

Фельетона, однако, никто не заметил, потому что в этот же

день в других газетах был иапечатан прощальный прниказ Юденича: «Солдаты н офицеры моих войск свято выполнили свой долг и сделали все, что моглн, для спасення отечества от поругання большевиков. Но, значнт, воля божья, чтобы мы проигралн это кровопролнтне...»

В воскресенье главный комендант штаба Несвнжев, как всегда, обедал у Дружнловскнх — кухарка-эстоика постаралась на славу. Полковник прннес французский коньяк. Слушалн граммофон — цыганскне романсы в исполнеинн Варн Панниой, а под коиец Юла тряхнула старнной н спела для своего друга арню нз «Снльвы». Вне себя от восторга, полковиик подбежал к ией н поцеловал в губы.

— Наша дружба с Юлой чнста н свята,— объяснил он подпоручнку н, прощаясь, еще иесколько раз поцеловал Юлу.

Утром главного коменданта уже не было в Ревеле. Опустело все здаиие штаба. Дружнловский встретил на улнце контрразведчнка Ушннского, тот был в штатском. Узнав, что подпоручик ищет полковиика Несвнжева, контрразведчнк рассмеялся.

— Ваш родствениик со стороны жеиы сегодия ночью с остатком штаба выехал, иасколько мие известио, в Париж. Так что, если вы решнли, иаконец, вызвать его на дуэль, то опоздали.

— А вы чего же... задержались? — спроснл подпоручнк ледяиым голосом.

— Мие в Парнже делать иечего, по моему рангу Ревель — лучшее место.

Дружиловскнй зашел к редактору русской газеты Ляхницкому, н тот посоветовал ему остаться в Эстоини.

— Кроме всего прочего, в Парнже вас за ваш фельетон съедят с костямн,— сказал он.

Дружнловский поплелся домой.

Юла, убитая вероломством Несвнжева, слегла в постель, ее трясла лнхорадка, оиа инчего не ела н в припадках истернн крнчала, что не хочет жить.

Дружнловский очень хотел жить. Он только ие знал как.

Известный политнческий деятель царской Россин Милюков в своей выходнвшей в Париже эмнгрантской газете «Последние иовости» по случаю пятилетия Октябрьской революцни напечатал статью о положении н надеждах русской эмнграцни. В этой статье ннтересно прнзнание, что, к несчастью для эмиграцин, в ее среде оказалось великое множество всяческих аваитюристов — крупиых и мелкнх. Просто иепостижимо, говорилось в статье, почему эти отбросы нашего миогострадальиого общества покинулн Россию? Разве не было нм безразличио, где заннматься свонми сомнительиыми делами, зачем им поиадобилось обжитую

петроградскую Лиговку помеиять на чужестраиные Елисейские поля?

Милюков ие был глупым человеком, но понять закоиомерность этого явлеиня не смог.

Говорнт на эту тему в своих запнсках н довольио популярный в дореволюциоиной России журналнст Александр Яблоновский. Ои встретнл в Парнже зиакомого по Кневу мелкого ростовщика, высказавшего ему свои суждення о судьбе русских эмиграитов. «Вы и здесь бедствуете потому же, почему у вас не было денег н дома,— сказал тот.— И там н здесь деиьгн текут к тем, кто знает, что, если ие прижмешь блнжнего, сам наверх не выплывешь». Яблоиовский спроснл, почему же его собеседннк уехал нз России. Ростовщик ответнл: «Батенька мой, там же большевики всех ближних взялн под свою охрану, а тех, кто нх прижнмал,— к стенке. А во Францин большевнков, господи спасн, нету, и тут воздух для нашего брата вполне прнвычный...»

Ростовщнк, как мы внднм, высказался ясиее Милюкова...

Вот что об этом сказал бывшнй русскнй публнцнст Петр Пнльскнй, с которым автору этнх строк привелось встретнться в 1940 году в Рнге, где Пнльскнй сотруднмчал в эмнгрантской, злобной антнсоветской газете «Сегодия». Я прочнтал его статьи, хлестко, а нн503огда н талаитливо иапнсаниые, которые, однако, нельзя было назвать ииаче, как гиусной брехней. Наш разговор иачался с заявления Пнльского, что нскать правду в его статьях бессмыслеино. Автор сказал ему: «Вы же былн довольно нзвестным русскнм публнцистом, были знакомы с Буниием, Купрниым н другимн русскнми писателями, относили себя к цвету русской интеллигеиции, иеужели вам ие стыдио за собствеииое многолетиее вранье?» Он долго молчал и потом ответил: «Стыдно илн ие стыдно, это уже ие имело инкакого зиачеиня. То, что я делал, было единствеииым товаром, который я мог здесь продать. Когда я бежал нз Россни в Румыиню, я еще в пути зиал, что попаду в мир, где смогу торговать только этнм товаром. И я убеднлся в этом в первые же днн эмнграции, когда румынский генеральный штаб купнл у меня днслокацню частей Красной Армии, которую я высосал нз пальца, сндя в номере бухарестской гостнннцы. А то, что я прииадлежал, как вы говорите, к цвету русской иителлнгеиции, что я был дружен с нзвестными русскимн писателями, и, накоиец, то, что я умел писать, мой товар иесколько повышало в цеие... И это ие только моя судьба. Все так иазываемые мыслящие людн Россни, желавшне в эмиграцни сохраинть «возвышеииые принцнпы», должиы были погнбиуть в иищете нли жить, продавая свою совесть богатому Западу. И эту куплю-продажу тем легче было совершнть, что иа вывеске лавкн зиачились слова о спасенни

Росснн от большевиков. Отвратнтельио только то, что этим промыслом заинмается и всякая шваль, у которой иет н иикогда не было ии приицнпов, ин ндеалов... Я созиательио стал профессиональным изготовителем товара, в котором нуждался западиый газетный рынок. Дороги иазад для меня нет. Но, слава богу, остался иензмеиным благословеииый Запад. Прибалтнка этим Западом теперь быть перестала, и, вероятно, прндется мне, если ЧК меня не схватит, перебираться туда, где еще есть мой рыиок...»

Его не схватнли, он пробедствовал в Риге до иачала войны н вскоре умер. Гитлеровцы в некрологе о ием иаписали: «Это был известиый русский журиалист аитибольшевистского иаправлеиня, н только смерть помешала ему стать пропагаидистом идей великой Германии и иового порядка в любимой им России».

Глава четвертая

Темио. Гардииы в спальие, как всегда, иаглухо задериуты — Юла после иочиой работы спит до полудия. Дружнловский осторожио встал и прошел в столовую. Осеииий деиь только-только заиимался, часы показывали семь. За окиом — безлюдиая серая и мокрая улнца, темиое иебо, ветер хлещет по окнам мелким дождем. Ои невольио вспомиил прочитаииое иакануие в русской газете эссе Ляхиицкого «Осеиь» про то, что серой пеленой затяиуло все: н небо, и землю, и перспективу для русских эмигрантов: куда иам идти, в самом деле?..

Куда ндтн, что делать, не знал и он. Поступить как киязь Курбатов, который стал продавцом в богатом коифекциоие? Заметку об этом эмиграитская газета озаглавила «Начало иовой жизин». Ляхинцкий объясиил: «Мы обязаиы поддержнвать у русскнх дух иадежды». Избави бог от таких иадежд!.. Нет, это не для иего! Надо иайти дело чистое, самостоятельиое, деиежное, с солидным положеиием в обществе. И ои иайдет!

Пока все его иачииания окаичивалнсь пшиком, прямо рок какой-то! Только что пережил, может быть, самую тяжелую из своих катастроф. Ои иачал нздаиие кинжек о похожденнях зиаменитых сыщнков Ната Пннкертоиа и Ннка Картера иа русском языке. Плаи был иастолько хорош, что даже Ляхиицкнй вошел в дело н дал взаймы деиег. У Юлы проснть ие хотелось, хватит с иего ежедиевных уиижеиий, когда прнходнтся брать у нее мелочь на карманные расходы и выслушивать дурацкие шуточки: «Сутенерчик ты мой хороший, ие все у меия отбираешь». Просто страшио, как оиа ие поиимает, что творится у иего иа душе.

Два месяца с утра до позднего вечера он мотался с этим издательским делом. Надо было найти дешевого переводчика с английского — он нашел. Бедствующая учительница сделала хороший перевод. Нужно было найти типографию, где взялись бы печатать книжки с последующей оплатой,— в этом помог Ляхницкий, уговорил хозяина типографии, где печаталась его газета. Нужно было достать бумагу в кредит, заказать художникам рисунки обложек, подготовить рекламу, выхлопотать разрешение на издание, договориться с книготорговцами...

Но вот, наконец, вышла первая книжка, за ней вторая, третья — выпуски раскупались молниеносно, успех был явный, он уже собирался начать расплачиваться с кредиторами, но перед выходом четвертой книжки все рухнуло. В типографию явился судебный исполнитель и приостановил печатание, предъявив обвинение в нарушении закона о налоге и в неправильной регистрации предприятия. Перед кем он только не гнулся, доказывая неумышленность своих ошибок, его и слушать не хотели.

Ляхницкий выяснил, что эту катастрофу организовал местный издатель, известный богач Вейлер. Он обнаружил на книжном рынке изделия неизвестно откуда взявшегося конкурента и устранил его.

— Прекратите пустые хлопоты, оставетесь без штанов,— сказал Ляхницкий Дружиловскому.— А мне деньги вернете по частям...

Но он еще барахтался, надеялся на что-то... Вчера его вызвали в судебную палату, показали счет владельца типографии, поставщика бумаги и переводчицы, якобы обманутой им, и спросили, может ли он немедленно эти счета оплатить? Немедленно... Даже если бы на это дали срок, он не представлял себе, где взять деньги...

Почему невезение такое? За что? Куда идти теперь, что делать? От обиды ему не спится, проснулся вот ни свет ни заря...

Он пошел на кухню и сам приготовил себе завтрак — кухарка-эстонка приходила только к пробуждению Юлы. Потом оделся и, накинув пальто, пошел на улицу купить газеты.

Возвращаясь, он увидел перед своей дверью пастора и выругался про себя — не к добру по примете. Высокий, с веселым румяным лицом, пастор смотрел на него, улыбаясь, и отряхивал мокрую черную сутану.

— О! Вы из эта квартира? — спросил он на плохом русском языке.— Может, вы господин Дражиловский?..

— Дружиловский,— хмуро поправил он священника.

— О да, о да... Я звони, звони, и никакой звук нет...

— Что вам угодно?

— Могу ли я видать мнсс Юрьеву? Я ему старый друг.

— Она еще спнт.

— Разрешнте ждать... такой погода, бррр...

Ои провел пастора в гостииую н разбудил Юлу.

— Который час? — спросила оиа, не открывая глаз.

— Скоро девять.

— Ты с ума спятил!

— К тебе пришел какой-то поп.

Юла шнроко открыла глаза — сон как ветром сдуло. Она вскочнла н начала тороплнво одеваться:

— Иди займи его, я сейчас.

Она вышла в гостииую в черной юбке н белой блузке — сама скромиость. Пастор встал ей навстречу с радостной улыбкой. Дружнловский наблюдал за ними подозрительно — казалось, оии видят друг друга в первый раз в жизни.

— Сержик, оставь иас вдвоем, я тебя позову,— сказала Юла несколько смущенно.

Ои привык не уднвляться, ие спрашивать — ушел в столовую, сел в кожаное кресло н развериул газету...

Примерио через час он услышал, как стукиула дверь иа лестинцу, и в столовую вышла сняющая Юла.

— Ну, Сержнк, могу тебе сказать, на всей земле еднnствеииые прилнчиые люди — аигличане,— сказала она, подойдя к нему и держа одну руку за спиной.

Он отложил газету и молча глядел на иее с усмешкой.

— Ну что, что ты смотрншь на меия как прокурор на вора? — Лнцо у нее сразу стало злым.

— Что-то он очень долго отпускал тебе грехн. Их так много? — спросил он, глядя на иее снизу вверх н поглаживая усики.

— Дурак! — крикнула оиа с перекошенным злостью лнцом и, выиув руку из-за спины, бросила на стол толстую пачку денег.— За свон миогочисленные грехи ты ие имеешь ии копейкн,— добавила она н повериулась к нему спнной.

— О, за этот грех попы платят так миого?

Юла повериулась и влепила ему пощечину.

Дружиловскнй броснлся вон из квартиры.

— Пальто, дурак, иадень, простудншься! — крнкиула оиа ему вслед.

Ои быстро шагал по улнце, спускавшейся к порту, на мокрой мостовой иогн противио скользилн, лнцо хлестал влажный холодный ветер с моря, но злость не остывала. Хотя он уже поимал, что сердиться на жену было, в общем, не за что, да н иевыгодио... Дождь резко уснлнлся, он уже чувствовал на плечах влажиый холод. Проезжавшнй мнмо грузовик обдал грязью — а, будь все на

свете проклято! Он повернул назад. Его бесило теперь подозрение, что Юла, очевидно, причастна к деятельности, о которой он и сам мечтал, почитывая свои любимые книжки про шпионов.

Весь день они не разговаривали, но вечером он пришел в ресторан и попросил у Юлы прощения. Она только что вернулась с эстрады в свою уборную, из зала еще доносились аплодисменты, и он знал, что в эти минуты у жены всегда хорошее настроение. Выслушав извинения, она потрепала его по щеке.

— Что с тебя, дурачка, спросишь? — сказала она, устало опускаясь в кресло.

Он молчал, рассматривая бесчисленные фотографии жены, которыми были увешаны все стены уборной.

— Садись, в ногах правды нет,— сказала она и, когда он присел на краешек кушетки, добавила: — Ляхницкий сказал мне, что он погорел с твоими дурацкими книжками про сыщиков. Долги большие?

— Не очень.

— Я дам тебе денег, и завтра же верни все Ляхницкому, мне не хочется, чтобы мы были у него в долгу.

Он встал, подошел к жене и приник к ее руке долгим поцелуем.

— Спасибо, Юлочка... меня самого этот долг мучил больше всего.

— Ладно, все забыто,— улыбнулась она.— Иди в зал, я закажу тебе ужин. Домой пойдем вместе.

Ляхницкий был у них в доме своим человеком, непременным участником их карточных вечеров. Это был веселый, компанейский мужчина лет сорока, немного тучный, но очень подвижный. Его крепкое, гладкое лицо всегда излучало веселую доброжелательность. С ним было легко и весело, он всегда был начинен анекдотами и новостями. Судя по всему, больших денег у него не было, газета его, рассказывали, не приносила почти никакого дохода, но он не унывал и, как истый поляк, любил жить вкусно, с форсом.

Когда Дружиловский вернул ему долг, Ляхницкий вроде даже обиделся.

— К чему такая спешка? — спросил он, огорченно глядя на Дружиловского черными масленными глазками.— Я у вас в большом долгу за то, что имею счастье часто видеть вашу красавицу Юлочку.— Он уже давно с чисто польской пылкостью и красноречием изображал безумную влюбленность в Юлу, грозил при случае застрелить ее мужа.

Ляхницкий знал все политические новости и охотно рассказывал друзьям и такое, о чем газеты не писали. Дружиловский заметил, что последнее время Юла слушает его особенно внимательно и, разыгрывая наивное любопытство, задает наводящие

вопросы. Он догадывался теперь, зачем ей это нужно. Впрочем, слушая Ляхницкого, часто с ним встречаясь, выполняя его задания для газеты, имея возможность сопоставить некоторые факты, он все чаще подумывал, что их друг тоже не просто редактор.

В этот вечер он условился с Ляхницким встретиться в ресторане «Метрополь» и поджидал его в баре. Редактор, как всегда, опаздывал, и Дружиловский очень злился — денег было разве что на рюмку коньяку, это мешало держаться независимо. А тут еще важный бармен в белоснежном смокинге, будто заглянув в его карман, сновал мимо него и вьюном вился возле белобрысого юнца с перстнями чуть ли не на всех пальцах. Ничего так не угнетало, не выводило из себя, как отсутствие денег. После провала издательской затеи Юла посадила его на голодный паек, а гонорар в газете у Ляхницкого — копейки.

Но вот бармен наконец обратил на него внимание, учтиво поклонился, и пришлось заказать коньяк.

Дружиловский взял со стойки русскую газету и углубился в чтение объявлений... Русский офицер страстно желал соединить свою судьбу с судьбой хорошо обеспеченной вдовы... Молодая русская учительница, знающая французский и немецкий языки, хотела бы бескорыстно посвятить себя одинокому пожилому человеку... «Наймусь сторожем в солидное торговое дело с проживанием и столом...», «Русский с высшим политехническим образованием и довоенным опытом желает стать компаньоном в богатом хозяйстве, имеющем машины...»

Он отбросил газету, его всегда угнетали эти объявления — становилось тревожно и страшно за себя.

Ресторан начинал заполняться, в баре зажглись неяркие бра.

Наконец Ляхницкий взгромоздился на высокий стул рядом.

— Извините, пришлось переделывать первую полосу,— сказал он, шумно дыша.— Получили новое сообщение о предстоящей мирной конференции в Риге. Английское правительство хочет послать своих наблюдателей.

— Чертова политика, всем она мешает жить,— сказал Дружиловский.

— Ой не так, дорогуша, политика нас кормит,— мягко сказал Ляхницкий. Он посмотрел на часы, торопливо допил свой коктейль и легко соскочил со стула.

— Пойдемте-ка лучше в зал и поедим за счет той самой политики...

Они прошли в зал, мягко освещенный настольными лампами с зелеными абажурами, и сели за стол в уютной нише. Официант стал убирать лишние стулья, но Ляхницкий остановил его.

— Кого ждем? — спросил Дружиловский.

— Во-первых, не ждем ни минуты, я тоже голоден как волк,— засмеялся Ляхницкий.— А во-вторых, придет, если сможет, один мой приятель. Познакомитесь. Человек очень полезный.

Ляхницкий стал заказывать обед. Он делал это обстоятельно, и было видно, что сама эта процедура доставляла ему удовольствие. Принимавший заказ кельнер — пожилой, очень важного вида — не только терпеливо выслушивал гурманские рассуждения редактора, но и почтительно в них участвовал. Наконец обед был заказан. Дружиловский немного обиделся, что его друг с ним не советовался и даже не спросил, чего он хочет. С этим, однако, надо мириться, когда в кармане у тебя пусто...

— Еда, друг мой, она, как политика, должна быть продуманной до последней детали,— смеялся, потирая крупные руки, Ляхницкий.— Учитесь, я на еде собаку съел!

Им подали холодную закуску и водку.

— А хорошую газету делать очень трудно, очень...— жаловался редактор, сдирая жирную шкурку с копченого угря.— Замкнутый круг: чтобы газету покупали, надо, чтобы в ней было что читать. А чтиво — это продукция пишущих, а пишущим нужно платить, и чем они лучше пишут, тем большие деньги хотят получать. Деньги же должен дать читатель, покупающий газету.— Ляхницкий вилкой нарисовал в воздухе круг.— Кольцо замкнулось, и выскочить из него невозможно...

— Люди больше всего любят читать новости и всякие происшествия,— солидно сказал Дружиловский, ему нравился этот серьезный разговор под вкусную еду, хотелось быть на уровне.

— Но и за это, друг мой, тоже надо платить...— весело заметил Ляхницкий, намазывая масло на поджаренный хлеб.

Оркестр играл негромко, вокруг слышался тихий говор за другими столами, в этот час здесь обычно заканчивали свой день деловые люди.

— Если бы у меня были деньги, я бы открыл одно дельце,— вдруг решительно сказал Дружиловский.

— Если бы да кабы...— пробурчал, хрустя хлебом, Ляхницкий и, прожевав, спросил: — Вам удалось сделать то, что я просил? Это деньги для вас более реальные.

— Даже Юле не удалось.

— А она тут при чем? Неужели вы ее просили? — быстро спросил Ляхницкий, он даже перестал жевать и смотрел на приятеля злыми глазами.

— Ничего я у нее не просил,— отвечал Дружиловский.— У нее, видите ли, возникла такая блажь — очень хочется познакомиться с кем-нибудь из красных земляков. Так у нее-то шансов больше, чем у меня, а ничего не получается.

Официант принес жаркое. Ляхницкий упоенно занялся едой. Официант приоткрыл мельхиоровые крышки, редактор с блаженным лицом принюхивался.

— Прекрасно. Именно то, что надо,— радостно приговаривал он, и лицо его снова было добродушно-веселым.

С жарким расправились в молчании.

— И все-таки, если бы у меня были деньги, я бы знал, как начать одно большое дело,— снова вернулся к своему Дружиловский.

— В миллионеры захотелось? Ну-ну...— покачал головой Ляхницкий, явно думая о чем-то другом.

— А вы послушайте, не отмахивайтесь.— Дружиловский наклонился к нему и продолжал, быстро оживляясь: — Вот вы гонитесь за тем, чтобы успеть втиснуть в номер хотя бы одно интересное и свежее сообщение. И все равно многое и очень интересное в завтрашнюю газету не попадет. А ведь можно к самому вечеру выпускать что-то вроде сводки интересных сообщений, только сообщений. Бюллетень сенсаций.

— Не хватит,— сказал редактор, ковыряя во рту зубочисткой.

— Чего «не хватит»?

— Сенсаций.

— Во-первых, бюллетень должен быть небольшим — две-три тетрадочные странички,— все более увлеченно говорил Дружиловский, он видел, что редактор слушает его с интересом.— Во-вторых, если не хватит, можно кое-что и выдумать, да еще и с пользой для местных политиков. В обмен, так сказать, на льготы и прочее.

— Слушайте, Сергей Михайлович, а это действительно неплохая идея,— удивленно сказал Ляхницкий. Он наполнил рюмки коньяком.— Давайте-ка выпьем за нее и подумаем...

Они чокнулись.

— Меня если потрясти, я еще не то могу придумать,— подмигнул Дружиловский и опрокинул рюмку.

— Знаете что? — энергично произнес Ляхницкий.— Я завтра же иду к министру внутренних дел Хеллату. Если он даст лицензию и бумагу, мы начинаем большое дело.

— О каком деле речь? — послышался скрипучий голос, и за спиной Ляхницкого появился высокий мужчина лет сорока пяти, с косматыми бровями, черными остроконечными усами и массивным носом. На нем был дорогой пиджак из грубой шерсти, стоячий крахмальный воротничок, охваченный черным галстуком с жемчужной булавкой.

— Наконец-то! — воскликнул Ляхницкий, показывая на свободный стул.— Прошу знакомиться. Пан Дружиловский, пан Богуславский...

Подбежавшнй метрдотель сам принимал заказ от иового гостя и называл его «пан полковннк».

— На улице мразь,— скрипел Богуславский, зябко потирая красные руки.— Не то сиег, ие то дождь, не то черт знает что. А с моря ветер, с ног валнт. Здешняя знма — это сплошное безобразие. Ну а что за дела вы тут обсуждали?

— Да так, шевелеине воздуха,— весело и беспечио ответнл Ляхиицкий.— Паи Дружиловский фаитазировал, как нз рубля сделать сотню.

— Паи Дружиловский поляк? — вдруг спросил сердито полковинк Богуславскнй, взгляиув на подпоручнка нз-под косматых бровей.— Впрочем, по виешности вы мало похожи иа поляка.

Дружиловскнй объясинл, что, кажется, прадед у иего был поляк.

— Уж еслн польская кровь у кого есть, то, мало ее или миого, зиачеиня не имеет, важио, что она есть, н тогда перед иами человек особого покроя,— сказал Богуславский. Из-за его скрипучего голоса казалось, что ои все говорит серднто н раздражеино.

Разговор зашел об иннцнативе Москвы заключнть мир с Прнбалтнйскими странами н о предстоящей в Риге мириой конфереиции этнх страи... Дружиловский был ие очеиь в курсе всей этой нстории и зиал только, что против прнбывшей в Ревель советской делегацни ведутся интриги.

— Суета сует,— сказал он важно.

Богуславскнй посмотрел на иего удивлеиио нз-под косматых бровей.

— К счастью, такой взгляд на нсторню не имеет успеха у государственных деятелей,— сказал он.— Может, вам захотелось сесть с большевиками за однн стол н сыграть в покер?

Ляхинцкий поспешил объясинть, что его прнятелю прнходится туго.

— Если человек хочет чего-то добиться, у иего должен быть более твердый взгляд на современные дела,— серднто проворчал Богуславскнй, опустнв массивный нос к тарелке.

— Моя неиависть в большевнкам всегда со мной,— с достоннством сказал Дружиловскнй, поиявшнй свою оплошиость. Ои заметил, что редактор одобрнтельио смотрнт на иего, н продолжал, заиосчиво вскииув голову: — И иикто ие имеет права подозревать меня в желаини мириться с инмн. Одиако, чтобы всецело думать о борьбе, я должеи высвободить свою голову, не думать о средствах для существоваиия.

Теперь редактор перевел беспокойиый взгляд иа жующего полковиика, ожидая, что тот ответит.

— О да, о да. Я согласен,— миролюбиво проговорил полковник.

Как только было покончено с десертом, Ляхиицкий сказал, обращаясь к полковиику:

— Я думаю, мы извиним моего друга, ему иадо уйти...

— Какой может быть разговор, дело прежде всего,— под усами Богуславского шевельнулась благосклоииая улыбка.

— Да, прошу извииить,— торопливо сказал Дружиловский и откланялся. Его выпроваживали как бедного родствеиника или надоевшего иахлебиика! Как страстно хотел бы ои сейчас иебрежиым жестом положить иа стол крупиую купюру. Но, эх!..

Ляхиицкий проводил его до двери и, вериувшись к столу, спросил:

— Какое у вас впечатлеиие?

Полковиик расправил усы.

— Пригодится.

— Вполие, вполие.

— Хотя ие из прочных... ио изворотлив.

Наклонившись иад столом, оии заговорили тихо, без выражения, как люди одного дела, понимающие друг друга с полуслова.

— Ои сказал, что его жеиа лезет к русским.

— Неудивительно. Вы увереиы, что ои не зиает о ее английских связях?

— Увереи. Ои говорит, что это у иее такая блажь — позиакомиться с красиыми земляками. Нет, нет, и оиа и англичане достаточио умиы.

— Как оиа ест иаши коифеты?

— Глотает.

— Подбросьте ей: поляки договариваются с французами тайио, за кулисами мирной конфереиции, выясиить возможиости торговли с русскими. Может, тогда, иакоиец, в Лоидоие стукиут кулаком по столу и обуздают прибалтов.

— Сделаю завтра.

— А его вербуйте.

— Ои сейчас предложил стоящее дело — выпускать бюллетень сеисаций и использовать его для дезииформации.

— Смотри-ка — ие ожидал. Будете выпускать вместе?

— Естествеино.

— А для иего это станет хорошей крышей. Надо все-таки вербовать и жену.

— Торопиться опасно... иеглупа...

— Неужели англичане хорошо ей платят?

— Думаю — да. Оии вериули мне долг, оплатили счет за бумагу. К ней нужен очеиь тоикий подход.

— У них любовь?

— Вряд ли... Я как раз об этом думаю.

— Думайте поскорее. Что говорит министр Хеллат?

— Все то же: деловой мир жмет на правительство, хотят торговать с русскими.

— Напечатайте-ка у себя статейку... нет, лучше фельетончик... как, скажем, глупые овечки решили дружить с голодным волком и что из этого вышло.

— Сделаю.

Вышколенный официант с давно подготовленным счетом не позволял себе даже показаться в зале — в этом ресторане деловым людям никогда не мешали. Оркестр стал играть чуть громче, но это только для того, чтобы гости знали, что уже вечер.

Глава пятая

«Бюллетень экстренных сообщений» поначалу имел успех. Обыватель рассудил просто: зачем покупать утром газету без самых последних новостей? Лучше вечером взять, да еще за полцены, бюллетень, полный сенсаций.

Деньги хлынули в руки издателей бюллетеня. Дружиловский снял для редакции помещение на одной из главных улиц Ревеля и даже завел секретаря. Пока бюллетень выходил только по-русски, но они уже распустили слух, что скоро начнется издание на эстонском языке. Впервые в жизни он был по-настоящему увлечен делом и считал, что вошел в мир политики, где все отмечено особой значительностью.

Ляхницкий оказался прав — сенсаций не хватало, и приходилось их сочинять, а это оказалось совсем не таким легким делом.

Возвращаясь ночью после работы в ресторане, Юла не раз заставала мужа за письменным столом в густом табачном дыму. Отношения их последнее время стали получше.

Теперь он всячески подчеркивал свою самостоятельность и причастность к важным делам политики. Юла делала вид, что не замечает этого, и даже сама подогревала его честолюбие. Теперь она и от него получала полезную информацию, во всяком случае, могла регулярно сообщать своему пастору, что в бюллетене, который делал ее муж, правда, а что его выдумки.

В эту ночь Юла вернулась, как всегда, около трех часов. Он сидел за столом, на котором были разбросаны листы исписанной бумаги, и даже не услышал, как она вошла.

Юла подкралась и обняла его:

— Ах ты мой писатель-бумагомаратель, ты же умрешь от такой работы!

— Да, чирикать перед ресторанными завсегдатаями значительно легче,— ответил он, целуя ее руки.— Я не могу каждый день петь один и тот же романс.

— Ну что же ты намарал за целую ночь? — нежно спросила она, вороша рукой его волосы.

— Все очень сложно,— с усталой важностью ответил он.— Обстановка меняется каждый день, и надо поспевать. Послушай, если охота.

Юла присела на подлокотник кресла. Он взял со стола исписанный лист.

— Ну вот, к примеру. Слушай: «Париж. Агентство Гавас, ссылаясь на авторитетные источники, сообщает: красный Кремль приступает к чудовищной операции против Европы. Первый ее этап — Прибалтийские государства. Советы добиваются заключения мирного договора, чтобы иметь возможность официально расположиться в этих трех государствах и отсюда начать готовить красное наступление на Европу». Поняла? — спросил он, бросив лист на стол.

— Любой дурак поймет, а вот поверит ли?

— Поверит,— убежденно ответил он.— Газетный опыт говорит, если раз, другой, третий бить в одну точку, обыватель поверит во что угодно. Вот, к примеру, мой удар номер два...— Он взял со стола другой лист и прочитал: — «Из Риги нам сообщают: за последнее время усилилось проникновение в Латвию через границу советских тайных эмиссаров. Они доставляют в заранее приготовленные места оружие, коммунистическую литературу, листовки и типографские шрифты». Чувствуешь, какой заход с другой стороны? А вот что на закусочку. Слушай: «Компетентные английские круги с тревогой наблюдают активные происки красных Советов в прибалтийском крае. Тайные агенты Кремля действуют в Риге, Каунасе и Ревеле. Их главная цель ясна — устройство революции, экспроприация собственности, то есть все то, что столкнуло несчастную Россию в бездну небывалых бедствий».

— И ты все это придумал сам? — удивилась Юла.

— Черт подсказывал,— рассмеялся он.

— Ну, раз дело дошло до чертей, надо кончать,— поднялась Юла и погасила настольную лампу: — Спать! Не добивайся, чтобы я начала ревновать тебя к мадам Политике. Пошли...

Ляхницкий быстро понял, что на таких сенсациях они долго не продержатся, пытался говорить об этом с компаньоном, да куда там, тот и слушать не хотел... Эстонский министр внутренних дел Хеллат, который был давним агентом польской разведки и сильно помог рождению бюллетеня, тоже начал высказывать

опасения, что сенсации бюллетеня могут возбудить у обывателя мысль о бессилии властей: ведь получается, что большевистские агенты бесцеремонно действуют в стране.

Ляхницкий не знал, что предпринять, тем более что бюллетень был выгодным делом и для него. Он мог бы доложить о своих сомнениях шефу, полковнику Богуславскому, и попросить совета, но тот попросту приказал закрыть бюллетень — последнее время полковник отзывался обо всей этой затее неодобрительно. В конце концов редактор решил, что все должна спасти вербовка Дружиловского.

Был воскресный вечер. Дождавшись, когда выпуск бюллетеня поступит в киоски, Ляхницкий направился в редакцию, рассчитывая остаться там с Дружиловским наедине. Резкий ветер с моря швырял ему в лицо мокрый снег, слепил глаза. Сквозь снежную пелену уютно светились окна — конечно же, все уважающие себя люди в такую погоду сидят дома. Впрочем, Ляхницкий свою холостяцкую квартиру не любил и вечером предпочитал пойти в ресторан или в гости, у него было даже расписание — когда к кому. Сегодня он пошел бы к хозяину типографии, в этом доме всегда великолепная еда. Вместо этого ему надо заниматься вербовкой своего компаньона.

Возле отеля «Палас» Ляхницкий подошел к газетному киоску — сегодня первый раз бюллетень выпущен в воскресенье. Продажа шла довольно бойко. Но сейчас это не обрадовало — тем труднее будет разговаривать с Дружиловским: раздувшаяся уверенность компаньона становилась непереносимой...

Дружиловского он застал в прекрасном настроении.

— Сегодня мы даем тысячи сверх тиража! Я открыл вам Клондайк! — закричал он, увидев в дверях Ляхницкого.

— Прекрасно, прекрасно,— рассеянно ответил редактор, снимая и отряхивая серое ворсистое пальто и садясь в кресло по другую сторону стола.

— Чего это вы такой кислый? — насмешливо спросил Дружиловский, поглаживая усики. — Опять будете петь, что снижается тираж вашей газеты. Бухгалтер сказал мне, что ваш убыток по газете в четыре раза перекрывается прибылью от бюллетеня.

Ляхницкий молчал, решая, как начать разговор. Не любил он заниматься этим делом, всегда оно проходило как-то тяжело, туго. Еще не было случая, чтобы кто-то согласился стать агентом из возвышенных политических убеждений, всегда надо было прибегать к сильнодействующим средствам: деньги и страх. Пугать он не умел, сам был не из храбрых, а его денежные посулы не выглядели убедительными, он сам получал далеко не то, что ему когда-то было обещано полковником Богуславским...

— Все разговоры, что наш бюллетень быстро выдохнется,— отчаянная чепуха,— продолжал меж тем Дружиловский.— Смею вас заверить...— Он внезапно замолк и уставился на дверь. Ляхницкий тоже повернулся туда всем своим крупным телом...

В дверях стоял господин Вейлер — издатель книг и самой популярной эстонской газеты. Его крупное лицо с обаятельной улыбкой часто мелькало на газетных страницах, и компаньоны сразу узнали его. Это был очень богатый и влиятельный человек, все знали, что он близок с самим президентом. Появление его здесь, в маленькой скромной редакции бюллетеня, было настолько невероятным, что Дружиловский и Ляхницкий смотрели на него, не пытаясь скрыть своего изумления, и молчали. Он стоял перед ними в светлом пальто из мохнатого драпа, в модной шляпе с широкими полями, с массивной тростью в руке и с неизменной обаятельной улыбкой.

— Здравствуйте, господа,— сказал он мягким, вкрадчивым голосом по-немецки.

— Здравствуйте... здравствуйте,— вразнобой ответили хозяева бюллетеня, один — по-немецки, другой — по-русски.

Вейлер прошел к столу, поставил в угол палку, снял шляпу, стряхнул с нее мокрый снег и положил на стол, расстегнул пальто и, не дожидаясь приглашения, сел в глубоко просиженное кресло напротив Ляхницкого.

Оглядевшись и подождав немного, он сказал:

— Мой отец начинал дело в такой же обстановке. Я хорошо помню, это было на Морской улице...— И добавил с улыбкой: — Только мой отец не издавал бюллетеня, он торговал гвоздями.— Он подождал, пока смысл и интонация сказанного им достигли цели, и спросил: — Это правда, что вы собираетесь издавать свой бюллетень на эстонском языке?

— Успех бюллетеня окрыляет нас,— вежливо и холодно ответил Ляхницкий, он уже понимал, что́ привело к ним издателя и что ничего доброго от этого ждать нельзя.

— Высоко взлетать я вам не рекомендую. Больнее потом падать.— Вейлер вынул из жилетного кармана сигару, раскурил ее неторопливо и продолжал все с той же ласковой улыбкой: — После выхода вашего вонючего бюллетеня тираж моей газеты снизился на семь процентов. Люди еще не разобрались, какие вы жулики.

— Ну знаете... — возмущенно начал Ляхницкий, но издатель остановил его жестом руки.

— Прошу выслушать меня,— сказал он, серьезно глядя на Ляхницкого серыми глазами из-под белесых бровей. На Дружиловского он вообще не обращал никакого внимания, будто его

тут и не было.— По-русски можете продолжать свое издание, хотя я уверен, что и русские не так глупы, как вы думаете. Но если вы начнете переводить свои сочинения на эстонский язык, вы об этом пожалеете... — Издатель встал и обратился к Дружиловскому: — Жаль, что вас ничему не научила ваша афера с изданием книг... — Он выждал немного и отчетливо произнес по-немецки: — Я точно знаю, господа, какому иностранному богу вы молитесь, и при случае сообщу об этом эстонской общественности.

Он взял шляпу и, остановившись у двери, добавил:

— Да, не пытайтесь прибегнуть к помощи вашего высокопоставленного друга из эстонского правительства. Этим вы его только выдадите... Или провалите... Или, как там у вас это называется...

Хлопнула дверь.

Мясистое лицо Ляхницкого побледнело.

— Что же это такое? — бормотал он, вытаскивая платок и прикладывая его ко лбу. Он рывком поднялся с кресла и грузно зашагал по комнате из угла в угол, бормоча что-то себе под нос.

— А что, собственно, случилось? Это же обычная конкурентная борьба,— сказал Дружиловский, вскидывая маленькую красивую голову.

— Что? Что-о? — задохнулся Ляхницкий, остановившись посреди комнаты.— Вы же ни черта не поняли! Катастрофа! Вот что произошло! Надо принимать срочные меры! — Он схватил пальто и шляпу.— Ждите меня здесь! — крикнул он уже из дверей.

Ляхницкий прибежал на квартиру Богуславского, когда там уже собрались и сели за зеленый стол гости полковника — партнеры по традиционному воскресному покеру. Они только начали игру.

Полковник вышел к редактору в переднюю с картами в руках, собираясь выставить его без всяких разговоров. Но когда он узнал, что произошло, из него точно воздух выпустили.

— Матка боска,— еле слышно проскрипел он.

Они молча стояли друг перед другом. Оба они понимали, что, если Вейлер предаст гласности польские связи министра внутренних дел Эстонии, Варшава им этого не простит.

Полковник поднял косматые брови, и Ляхницкий увидел его горящие бешенством глаза.

— Все ваш проклятый бюллетень, ваша вечная погоня за деньгами! — шипящим шепотом начал Богуславский и вдруг вскрикнул хрипло: — Немедленно закрыть!

— Это будет выглядеть как наше прнзнаиие,— после паузы осторожио возразил Ляхинцкнй, но, увндев, как запрыгалн стрельчатые усы полковиика, поспешио добавил: — Мы его прнкроем, но ие сразу. А сейчас иемедлеиио опублнкуем опровержение слухов об нздаини иа эстоиском языке. И я предупрежу мнннстра, у него достаточно возможностей поставить нздателя на место.

— Ни в коем случае! — полковник поднял руку с картами, точно собирался ударить нми Ляхинцкого.— Он испугается и сам порвет с иами. Немедлеиио опровергиите слух. Если издатель знал об этом н до сих пор молчал, зиачнт, все дело в вашем проклятом бюллетеие.

— Но, может, ои ннчего н ие знает и просто шантажнровал нас? — спроснл Ляхннцкнй, но, взглянув на шефа, добавил: — Так илн иначе мы его больше раздражать не будем.

Постепеиио онн успокоилнсь. Оба поималн, что предпрннять сейчас что-нибудь раднкальное иельзя, нужио выжидать, как пойдут события дальше.

— Дружиловскнй поимает снтуацню? — спроснл полковиик.

— Разве что догадывается.

— Он завербоваи?

— Как раз сегодня собирался, ио явился Вейлер.

— Что вы медлите? — закричал полковник.— Завербовать, и пусть это дерьмо стоит во фроит и делает то, что мы прнкажем!..

Дружнловский понимал, что стряслась беда, хотя ие все ему было ясио, и, надеясь, что проиесет, тверднл:

— Где удачн, там и беда... где удачи, там и беда,— и матерился.

Увидев вернувшегося Ляхиицкого, он броснлся к нему:

— Ну что? Что случилось? Вы живы?

Ляхиицкнй, не отвечая, долго сннмал и отряхнвал пальто, причесывался, потом опустнлся в кресло, в котором недавно сндел нздатель.

— Шутнть ие время, Сергей Мнхайлович,— угрюмо сказал он.— Наша с вами судьба поставлеиа под удар. Да н не только иаша...

— Скажите, ради бога, что случнлось? Я же плохо зиаю немецкий язык, что сказал этот чертов босс? — взмолился Дружиловский, вытяиув вперед свое острое лицо.

— То, что вы не поияли, это даже хорошо, а сказать вам я ие могу. Но хочу предупредить, что вы находитесь на крутом повороте судьбы и все сейчас будет зависеть только от вас...

— Ничего не поимаю! — Дружиловский развел малеиькими женскими руками.

Ляхиицкнй молчал, барабаня по столу толстымн пальцами.

— Мне кажется, у вас есть основания считать, что я вам не просто компаньон,— заговорил он наконец.— Во всяком случае, зла вы от меня не знали.

— Я признателен вам за вашу дружбу,— негромко ответил Дружиловский.

— Как вы думаете, Сергей Михайлович, на какие деньги вы начали наш бюллетень?

— На ваши, конечно,— несколько обиженно ответил Дружиловский.

— Нет, Сергей Михайлович, это были деньги не мои. Это были деньги Польши. Если хотите знать правду, у меня вообще никаких своих денег нет. И моя газета тоже выходит при поддержке Польши, так что, когда вы меня утешали прибылями от бюллетеня, мне смешно было вас слушать.

Сдвинутые черные брови Дружиловского разошлись, напряжение на лице погасло — он все понял. Понял, но еще не знал, куда клонит редактор.

— Так как же вы, Сергей Михайлович, собираетесь отблагодарить Польшу за помощь??

— Совершенно не представляю,— ответил Дружиловский.— Но догадываюсь, что дело не в деньгах.

— Да, не в деньгах,— подтвердил Ляхинцкий.

Он неторопливо достал из кармана давно приготовленный им документ вербовки.

Дружиловский прочитал текст и поднял на редактора наглые, веселые глаза:

— Ну и что же я должен сделать? — Ни удивления, ни испуга не было в его вопросе.

— Подписать, и все,— ответил Ляхинцкий.— Но подписать с полным сознанием высочайшей ответственности, вашей личной ответственности.

Дружиловский размашисто расписался под вербовочным обязательством.

— Поздравляю вас,— сухо сказал Ляхинцкий, вкладывая обязательство в портмоне тисненой кожи.— А теперь садитесь и пишите опровержение дурацкого слуха о выпуске бюллетеня на эстонском языке. Тон самый категорический.

— Приказывайте, приказывайте, теперь я ваш слуга,— говорил Дружиловский, подвигая к себе бумагу,— беда оказалась совсем не бедой, и он не мог скрыть облегчения.

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 12 декабря 1920 года

«Согласно вашему указанию выезжал в Ревель. Там действительно начал выходить на русском языке бюллетень экстренных сообщений. В первых трех номерах опубликованы провокационные измышления о якобы имеющем место проникновении в Прибалтийские государства агентуры Москвы или Коминтерна с целью подрывной работы. Сообщения вызывают среди населения нежелательные суждения, однако наш Друг считает, что публиковать опровержения не следует — издание того не стоит. Издателем бюллетеня является некто Дружиловский Сергей Михайлович, в прошлом офицер русской армии, затем белой, участник походов Юденича на Петроград, где он был адъютантом командующего авиацией. Его компаньоном и, очевидно, политическим руководителем или резидентом является Ляхницкий... Таким образом, корни издания, о котором сейчас идет речь, уходят в польскую разведку, и это многое объясняет...

Кейт».

На этом донесении советского разведчика из Ревеля написана следующая резолюция:

Дружиловского впредь иметь в виду.

Глава шестая

Случилось как-то само собой, что бюллетень перестал выходить. Дружиловский отнесся к этому спокойно. Однажды утром секретарша дала Ляхницкому справку о том, сколько экземпляров бюллетеня продали накануне, и Ляхницкий, прочитав ее, сказал без тени сожаления:

— Все ясно, контору надо закрывать.

— Когда? — спросил Дружиловский.

— Немедленно. Сегодня...— равнодушно ответил Ляхницкий, читая еще раз лежавшую перед ним справку. Он поднял хитрые, невозмутимые глаза: — Не собираетесь же вы заработанные на бюллетене деньги истратить теперь на оплату типографии?

— Не собираюсь,— усмехнулся Дружиловский, приглаживая усики согнутым пальцем. Теперь, после вербовки, он почувствовал почву под ногами и держался независимо.

Ляхницкий умышленно свел все дело к чисто материальной стороне и не сказал, что закрыть бюллетень приказано свыше.

— Люди стали ленивы к политике,— нарушил молчание Дружиловский.

Этот их спор начался, когда тираж бюллетеня стал неуклонно падать. Ляхиницкий объяснил это тем, что их издание выдохлось, перестало быть интересным, а Дружиловский, не желавший брать вину на себя, обвинял читателей, которые погрязли в меркантильности и отвернулись от политики. Продолжать этот бесполезный спор сейчас Ляхиницкий считал бессмысленным — все было ясно.

— Ну что ж, бюллетень свое дело сделал,— продолжал глубокомысленно Дружиловский, закинув голову и глядя в грязный потолок.

— Согласен,— тихо отозвался Ляхиницкий и подумал, что, если бы конфликт с эстонским издателем не рассосался и тот исполнил бы свою угрозу, бюллетень погубил бы их обоих. Но, слава богу, обошлось, и теперь надо кончать не затягивая. Ляхиницкий позвал секретаршу и сообщил ей, что сегодня она получит расчет. У нее округлились глаза, она выхватила из рукава платочек и, прижав его ко рту, медленно вышла из кабинета — эта пожилая, интеллигентная эмигрантка была единственным человеком, который искренне горевал о бюллетене.

Вейлер напечатал в своей газете коротенький юмористический некролог, который начинался так: «Справедливая на сей раз смерть вырвала наконец из нашей на глазах расцветающей жизни чахлый сорняк, который, однако, распространял неприятный запах места, куда люди ходят в одиночку». Но конец некролога был серьезнее: «Просто непонятно, как доверчивы бывают иной раз наши официальные инстанции, с разрешения которых вылез из земли этот сорняк,— ведь покойный бюллетень «заслал» в нашу страну такое огромное количество московских агентов, что, если бы это не было ложью, мы с вами уже давно сидели в подвалах ЧК...» Поляки, однако, поняли, что Вейлер настроен в общем миролюбиво, иначе некролог не носил бы юмористический характер. Кончина бюллетеня исчерпала этот опасный конфликт...

Ляхиницкий ускоренно готовил Дружиловского к новой работе. Занятия проходили в опустевшем помещении редакции и на улицах. За столом шло обучение тому, как пользоваться шифром, кодом, паролями, симпатическими чернилами. На улице Ляхиницкий показывал, как надо вести слежку и как уходить от нее самому, как выбирать место для конспиративных встреч, как устраивать тайный «почтовый ящик». Все это Дружиловскому было интересно и напоминало книжки про знаменитых шпионов. Премудрости нового дела он постигал весьма старательно. В свободное время он шел на улицу потренироваться. Выбирал в толпе человека и ходил за ним по городу, не спуская с него глаз... Вечером он шел в ресторан, где высту-

пала Юла, садился, как всегда, за столик возле эстрады и изучал зал, как учил его Ляхницкий... Однажды, когда они возвращались ночью, Юла вдруг сказала:

— Хозяин ресторана пожаловался мне, что ты ведешь себя как шпик из уголовной полиции. Я посмотрела, действительно — липнешь глазами к людям, как репейник.

— Не твое дело,— огрызнулся он и задержал шаг, чтобы не идти рядом.

В последнее время отношения с женой у него испортились. Она почти не разговаривала с ним. Возле нее вертелся красивый эстонский дипломат. Дружиловский не ревновал, но не хотел в глазах других выглядеть смешным. Отношения с Юлой становились все хуже, и он мечтал об одном — скорее бы в настоящее дело, он покажет всем, и ей в том числе, на что он способен. Правда, поляки строжайшим образом предупредили, что жена не должна знать о его тайной службе, и он говорил ей, что работает штатным корреспондентом газеты Ляхницкого.

За три дня до Нового года Дружиловские получили письменное приглашение польского посла почтить своим присутствием вечер по случаю встречи нового, 1921 года.

Все было обставлено с дешевым шиком. Посольство сняло зал офицерского клуба. Играл оркестр. Посол с супругой встречали гостей в вестибюле. Мальчик и девочка, одетые в польские национальные костюмы, дарили гостям по цветку. Девочка, вручив цветок, делала книксен, а мальчик щелкал каблуками и отдавал честь, прикладывая руку к белой конфедератке... Без четверти двенадцать появились официанты с подносами и стали обносить гостей шампанским. Ровно в полночь жена посла — высокая седеющая красивая шатенка — пожелала гостям в новом году большого счастья, оркестр грянул польский гимн.

Посол обратился к гостям с краткой речью. Он предложил забыть на этот вечер, что жизнь, в общем-то, достаточно сложна, и быть просто людьми, собравшимися с единственной целью — провести новогоднюю ночь среди друзей.

Раздались звуки шопеновского вальса, толпа расступилась к стенам, и посол с супругой открыли танцы. Они кружились легко, слаженно, гости смотрели на них, но никто не решался последовать их примеру. Провальсировав целый круг, посол и его жена остановились; она, улыбаясь, поманила к себе эстонского дипломата, а ее муж направился к Юле. Когда посол попросил разрешения пригласить его жену, Дружиловский растерялся, пробормотал нелепое «извольте» и подтолкнул Юлу. Посол низко поклонился, она медленно положила ему руку на плечо и, гордо закинув голову, послушно и плавно вошла в вальс.

Постепеиио круг заполиился таицующими. Но Дружиловский, впервые попавший иа такой раут, чувствовал себя все-таки сковаиио. Первый вальс окоичился, Юла стояла иеподалеку, оживлеиио болтая по-фраицузски с эстоиским дипломатом. Ничего ие скажешь, в бордовом бархатиом платье с большим вырезом оиа выглядела эффектио.

Ляхиицкий видел, что его протеже ие в своей тарелке, и ие отходил от иего.

— Вы чего, дружок, тушуетесь? Здесь ие боги, ой ие боги. Видите господииа с рыжей толстухой?.. — шептал ои Дружиловскому в самое ухо.— Это оптовый торговец сливочным маслом. Жулик, каких свет ие видел. Но депутат парламеита и друг мииистра просвещеиия. Говорят, жеиа мииистра к иему благосклоииа. А вот и оиа со своим благовериым. Хороша, слов иет, и, иаверио, раза в два моложе мужеиька, так что вполие возможио, что ее бриллиаиты из сливочиого масла.— Грузиое тело Ляхиицкого колыхиулось в тихом смехе.

— А вои тот свирепый геиерал — эстоиский воеииый мииистр. До мозга костей иемецкая штучка. Там ои учился, туда и теперь смотрит. Ои с иашим Пилсудским каждую зиму охотится в Беловежской Пуще, оии зиакомы по Германии... Смешио: войны в глаза ие видел, а весь в ордеиах.

...Видите, с иашим послом разговаривает красотка? Оиа иепремеииая гостья иа всех раутах. Если кому иужио провести через верхи выгодное дело, идут к ией, оставляют в передией пухлый пакетик — и дело в шляпе.

...А вои тот белобрысый, крупиый — посол Латвии. Не дай бог заговорить с иим о разведеиии свиией, ие отвяжется до рассвета. Его ферма в Латвии поставляет бекои в Аиглию, так что ои иа своих свииьях едет к большому богатству.

Дружиловский молча и жадио впитывал в себя эту ииформацию, и оиа безотчетно успокаивала его, придавала увереииости, ои уже ие чувствовал себя потеряииым среди этих фраков, смокиигов и бальиых платьев. Вот уж действительио ие боги... Вдруг ои схватил Ляхиицкого под руку — через весь зал, с обаятельиой улыбкой, к иим иаправлялся эстоиский издатель, тот самый всемогущий господии Вейлер. Дружиловский затаил дыхаиие...

— С Новым годом, уважаемые коллеги! — весело сказал издатель и пожал обоим руки.— На вашем приеме, как всегда, обилие красавиц и иедостаток крепких иапитков. Не собираетесь потом восполиить иедостающее? Готов сопутствовать.

— Увы, иам это иеудобио,— вздохиул Ляхиицкий.

— Тогда пойду искать, кому удобио,— рассмеялся издатель

и проследовал дальше, большой, пышущий здоровьем, ни от кого не зависимый.

— Что вы замерли? — захохотал Ляхницкий.— Забудьте, все давно в полном порядке.

Официанты стали разносить коньяк в маленьких рюмочках и крохотные, величиной с пятачок, сандвичи.

Ляхницкий с Дружиловским выпили коньяку, съели по сандвичу и посмеялись бережливости посла.

Послышалось надрывное польское танго, и они увидели Юлу. Она вышла танцевать с эстонцем, снова вызывая всеобщее внимание. Дружиловский начал крутить аккуратно причесанной головой в поисках подходящей партнерши, а Ляхницкий снова рассмеялся:

— Пригласите вон ту, в серебристом платье, она жена издателя...

В это время к ним подошел секретарь посольства:

— Господа, вас просит посол.

Он провел их через узкую лестницу в большую комнату с плотными гардинами на окнах, небольшими удобными креслами и столами, затянутыми зеленым сукном. За одним из них сидели посол и военный атташе полковник Богуславский.

Когда посол танцевал с Юлой, ловкий, подтянутый, с розовым лицом, он казался еще вполне крепким мужчиной. Сейчас, вблизи, Дружиловский видел склеротический румянец на его бритых щеках, под глубоко запавшими глазами — вспухшие белые мешки. Черные усы были явно покрашены. Дружиловский остановился перед ним, маленький, стройный, затянутый в смокинг, с красивым, старательно ухоженным и напудренным лицом. Сдвинув каблуки, он слегка склонил напомаженную голову — на уроках офицерского этикета это называлось бальным поклоном.

— Садитесь, панове,— посол указал на кресла желтой, с распухшими суставами рукой.

Они сели.

— Почувствовав под руками зеленое сукно, вы, наверное, хотели бы начать игру,— сказал посол полковнику Богуславскому и повернулся к Дружиловскому: — Ваша супруга танцует великолепно.

Тот благодарно, с независимой улыбкой склонил голову.

— Веселье весельем,— продолжал посол,— но я решил воспользоваться тем, что вы здесь все вместе, и оторвать вас на несколько минут в связи с делом, которое не терпит отлагательств. И заодно лучше познакомиться с вами...— посол посмотрел на Дружиловского сквозь толстые очки.— Как вы себя чувствуете в нашей дружной семье?

— Очеиь хорошо,— ответил тот и улыбиулся, приоткрыв под усиками ровиые белые зубы.

— Это естествеиио,— любезно кивиул посол.— Полковиик Богуславский говорил, что в ваших жилах есть польская кровь. Прислушивайтесь почаще к ее голосу, и все будет хорошо.

Дружиловский с очень серьезиым лицом согласио иаклоиил голову.

— А мы, в свою очередь, очень рассчитываем на вас...— продолжал посол.— Обстаиовка такова, что мы обязаны иапрячь все свои силы, забыть о личиом и помнить только об иитересах иашей милой Польши. Готовы ли вы к этому? Скажите откровеиио и честно.

— Я весь в вашем полном распоряжении,— иегромко ответил Дружиловский и оглянулся на Ляхиицкого, ища поддержки. Но редактор не отрывал глаз от посла.

— Прекрасно сказаио, молодой человек, прошу повторить...— вдруг холодио произиес посол.

Дружиловскому пришлось повторить.

Посол стал говорить об остроте создавшегося момеита... Москва хочет изолировать Польшу и проникиуть в Прибалтику. Правительства здешних лимитрофов слепы и во имя барыша идут на постыдиую сделку с большевиками. Однако Польша еще ие ослепла, и она выполиит свою священную миссию спасения Европы. Сейчас главное событие — мирные переговоры в Риге. Польша тоже сядет за стол переговоров, но только для того, чтобы превратить его в поле битвы за свои идеалы. Быть может, мы даже подпишем подготовленный мирный договор с русскими, ио на самом деле это не больше как иовая и мудрая тактика. Это надо понимать, из этого исходить в своей деятельиости во имя великой Польши.

Когда посол попрощался со всеми за руку и ушел, полковиик Богуславский сказал:

— Ну что ж, панове, иадеюсь, все ясио. Мне остается только объявить вам, пан Дружиловский, что вы иаправляетесь в Ригу и будете там работать. Вы для этого очеиь удобная фигура — вас там никто не знает. О деталях договоримся завтра, а теперь, панове, вериемся к дамам...

Дружиловский оторопел, ои ие поимал: радоваться или огорчаться. Наверное, это очень хорошо — поездка, настоящие дела, связаиные с секретами высокой политики,— мечты сбываются. Но почему-то стало и очеиь страшио — ои не любил и боялся всяких перемеи.

— Я поеду туда с жеиой? — спросил ои у Ляхиицкого, когда оии возвращались в зал.

— Нет,— категорически ответил редактор.— Это ие прогулка.

Ляхнищкий, конечио, не сказал Дружиловскому главиого. За время его отсутствня молодой эстонскнй днпломат, давний польский агент по кличке Красавчик, должеи был сблизиться с его женой, устаиовить, кто ее резидент от аиглийской разведки, затем завербовать Юлу и в дальнейшем через нее снабжать Англию ниформацией, полезиой для Польшн.

— В Риге вы явитесь к редактору газеты «Рижский курьер»,— сказал Ляхиицкий.— Это тоже наша газета. Более того, редакция фактически является оперативной группой второго отдела польского геиерального штаба. Но для вас «крышей» в Риге останется журналистика, н поэтому редактор даст вам поручеиия, которые вы спокойио можете не выполнять. Ваш настоящий начальиик майор Братковский. Ну а всякие детали завтра.

ИЗ ДНЕВНИКА ДРУЖИЛОВСКОГО:

«...Все же я прибился к настоящему делу, интересному и, возможио, денежному. В книжках про шпнонов этот народ живет дай бог — роскошиые отелн, пульмаиовские вагоиы, шикарные бабы и все такое прочее. Для начала я агент Польшн. Дадеио мне кодовое имя «Летчик». Ладно, полетаем, посмотрим, а потом найдем хозяина и покрупиее. Ушинский звал меня вместе с иим иа валютные дела, он уже загребает на этом немало, ио, когда ои стал мне растолковывать свои премудрости про то, как курс одиой валюты вдруг падает, а другой иаоборот, и как надо успеть что-то продать, а что-то купить, я поиял, что это ие по мие, моя голова этого ие выдержит, и я вляпаюсь с первого же раза. А главное, что дело Ушинского без звоиа, ои там мудрует свои курсы, а кто про иего зиает? Только такие же дельцы третьего ряда, как и он сам. А я сразу вырвался на верхи — имею дело с послом н выполияю его задаиие, я был зваиым гостем у него иа балу. Коиечно, Польша не Америка, а все ж государство, свое пятно на карте мира имеет. А сама работа и вовсе не трудная. Москва, Кремль, Комиитерн, большевики, ГПУ, я сочинял про это для своего бюллетеия, и рука у меня иа это набита, а моим полякам надо это же самое...»

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 9 января 1921 года

«Полученные от вас рекомендации сработали. Связь установил. Кузнец производит впечатление серьезного и разумно осторожного человека, связи у него отличные, широкие и разнообразные. Я уже пользуюсь ими.

О ходе подготовки переговоров вы имеете официальные сведения от нашего полпредства. Атмосфера напряженная. Главный

очаг напряженности — польское и французское посольства. Польское — в большей степени. В оправдание этой своей позиции поляки кричат, что у них есть кровные интересы в Литве. Занимающийся иностранными делами местный журналист из окружения Кузнеца говорит, что поляки, чтобы сорвать переговоры, пойдут на все, вплоть до террора против русских представителей.

В Риге действуют два польских центра. Посольство и редакция «Рижского курьера», являющаяся также прозрачным прикрытием польских связей с русскими монархическими кругами эмиграции, а также всевозможными и тоже готовыми на все русскими авантюристами.

Общее настроение местного населения — за мирный договор. Надоела война. Привожу слова владельца большого конфекционного магазина: «Какая может быть еще война? С красными Ленина? Кому это надо? Белым русским господам, которых мы приютили? Но при чем тут мы?»

По моему ощущению, Латвия в этом смысле настроена более радикально, чем Эстония.

Кейт».

Резолюция на донесении:
Информировать Наркоминдел.

Глава седьмая

Дружиловский ехал в спальном вагоне с кожаными сиденьями и широкими окнами. Стены обиты малиновым плюшем. Он видел себя на этом фоне — в строгом темно-сером костюме, в крахмальной рубашке с синим полосатым галстуком, красивого, чисто выбритого, тщательно причесанного, пахнущего дорогими духами.

Первая служебная поездка... И все было как в книжках, все было, как он мечтал... Он причастен к тайному делу самого высокого ранга.

Его распирало от гордости, ему были необходимы свидетели его великолепия... К сожалению, в вагоне было всего три пассажира. В соседнем купе ехала дама. Он видел, как она садилась в вагон, красивая, дородная, в котиковом манто, сопровождаемая носильщиками, тащившими ее чемоданы и коробки. Увы, времени для разбега не было — поезд шел до Риги всего несколько часов. Он все же сделал попытку и медленно прошелся по коридору, но она тут же закрыла дверь своего купе. Ну и черт с ней... В другом купе, судя по форме, ехал латвийский генерал. Загово-

рив с ним в коридоре, Дружиловскнй иазвался журналнстом из русской, выходящей в Парнже газеты. Генерал посмотрел равнодушными водянистыми глазамн, сказал: «Пора ложнться спать»,— и ушел, энергнчно закрыв свою дверь... Ну и тоже черт с ним...

Ои вериулся к себе, сел иа мягкое снденье и начал смотреть в окио — ннчего ннтересного, в быстро густевшнх сумерках проиосились чериые пятна хуторов, да н окио иачал быстро затягивать морозный узор.

На границе глубокой ночью была проверка документов. Жандармы злые, а он усмехался: «Смотрнте, проверяйте, все равно вам не узнать, кто я на самом деле...»

Утренияя заснеженная Рига показалась ему вполне европейским городом, похожим чем-то и на Петроград н на Москву. Ну а против Ревеля — так вообще столнца. Извозчики возле вокзала былн в точностн московские, в таких же длнннополых армяках и так же иазойливо зазывалн седоков. Он бы взял извозчнка, но ему приказано поселнться в отеле «Лондон» у самого вокзала. Он шел по Марьинской улице, глазел иа внтрины н вскоре остаиовнлся перед замызгаиной дверью с иадписью по стеклу: «Отель «Лондон». Но ннчего, от иазваиня все же веяло Европой, и он подумал, как позвонит отсюда Юле и скажет, что уже живет в ее вожделенином Лоидоне — она смеялась дома, что он очень важничает, будто едет в Нью-Йорк, а не из дыры в дыру...

Однако номер, в котором ои поселнлся, повергал в уныиние. Комната была узкая, как щель, в глубокой нnше — маленькое окошечко, покрытое толстым слоем льда. Стоял тяжелый запах сыростн, грязные обон былн в мокрых потеках.

Ничего, главиое — дело.

Он пришел в страниую редакцню, где никто не слонялся по корндору, не звоиили телефоиы, ие трещали машникн, а в комнатах сиделн серьезные люди, говорившне вполголоса... Газета между тем выходнла, н у нее был редактор господии Домбровскнй — веселый поляк, не похожнй нн на редактора, ни на то, чем был на самом деле. Он носнл галстук «павлиииий хвост», а все в редакцин называлн его «паи майор». Когда Дружнловский представился ему и передал привет от коллегн Ляхницкого, редактор весело хмыкнул:

— Еще одии нахлебинчек на шею моей бедной газеты. Когда у польского мужика спрашнвают, как ои живет, он отвечает: еле выкручнваюсь — лошадь одна, а у жеиы родствеиииков пол-Польши, и все нищне... Но ннчего, как-нибудь выкручусь. Считайте, что я вам дал газетных заданнй на год вперед и что вы их уже выполннли. Но в редакцни вы должиы бывать регулярио. А сейчас прой-

дите в соседнюю комнату, на двери табличка «Информация», там ваш непосредственный начальник — майор Братковский...

В комнате сидел штатский господин лет сорока, с красивым, неподвижным, точно высеченным из камня, лицом. Говорил он одними губами, негромким, ровным голосом, смотря серыми стеклянными глазами.

— Мне сообщили, что вам ближе всего журналистика, но нам этого не надо,— сказал майор Братковский тихим голосом и долго молча смотрел на Дружиловского. Подпоручик молчал, да и что он мог на это ответить?

— Вы будете подчинены мне и будете выполнять то, что я прикажу,— добавил Братковский, повысив голос, и, пригласив Дружиловского сесть ближе, стал объяснять, что и как надо было делать.

Задание делилось на три этапа. Первый — внедрение в салон русской актрисы Веры Дмитриевны Ланской. Сделать это было совсем легко — Ланская была агентом польской разведки. Второй этап — подобрать среди посещающих салон русских офицеров смелого, надежного человека, который согласился бы за солидное вознаграждение совершить покушение на одного из членов большевистской делегации, приехавшего в Ригу на мирные переговоры. На кого именно, будет уточнено позже. И третий этап — он совмещался со вторым — подобрать группу из пяти-семи человек, которые, тоже за приличную плату, хулиганили бы у здания советского посольства и там, где будут проходить переговоры. Сверх того было приказано с помощью некоего господина Воробьева, посещающего салон, сблизиться с его другом, который располагал какой-то возможностью проникновения в посольство красных. Сделать это надо было очень осторожно.

— Все ли вам понятно? — спросил майор Братковский.

— Да, все ясно,— ответил Дружиловский, опасаясь спрашивать.

— Меня предупредили еще, что у вас растрепанный характер. Важность дела должна заставить вас собраться. Каждый ваш шаг только для дела. В ином случае вас постигнут крупные неприятности.

На другой день около полудня он подошел к православному собору, куда должна была прийти Ланская. Вокруг было очень красиво. Парк с покрытыми пушистым инеем деревьями казался сказочным миром неподвижности и тишины, а рядом шумела бойкая улица, катились гремучие трамваи. Неподалеку на оживленном перекрестке газетчики шалыми голосами выкрикивали

иовости. Дружнловский наблюдал все это рассеянно. Он нервничал — начиналась работа, и он ие хотел обнаружнть свою неопытиость... Ланская между тем опаздывала, н он, чтобы согреться, ходил вдоль парадиой лестиицы собора, засуиув поглубже руки в карманы узкого пальто.

Он узнал ее сразу. Оиа иетороплнво шла вдоль бульвара, высокая, стройная, в горжетке нз чернобуркн, рукн спрятаны в огромной муфте.

— Вы не зиаете, в субботу служба есть? — глубокнм, грудным голосом спроснла она, подойдя н сверху вниз разглядывая его.

— Разве сегодия воскресеиье? — ответнл он паролем.

— Возьмнте меня под руку,— сказала она, улыбаясь и отставляя локоть.

Он вопросительно смотрел на нее — только этого ие хватало, вести ее под руку, такую башню.

— Прошу прощення,— рассмеялась Ланская.— Пойдем как супругн.

Ланская жнла на Елизаветннской улнце в пятиэтажном богатом доме с высокимн венецианскнми окнамн. Оин поднялнсь иа второй этаж по мраморной лестнице, иа каждом повороте которой стоял фонарь в внде бронзовой женщины с факелом в руках. Дверь открыла молоденькая горинчиая в белом фартуке и наколке. Она помогла раздеться хозяйке, потом гостю н нсчезла за одной из миогочнслеиных дверей, выходнвшнх в просториую круглую переднюю, уставлеииую зеркалами.

Лаиская провела его в огромную комнату. Здесь было так много цветов, что комната была похожа на ораижерею. Раскрытый белый рояль, в углу — днваи нз красной кожи и перед ннм — ннзкий овальный стол на львиных лапах. Стеиы увешаны картинами, а над днваном внсел портрет лысого добродушного мужчины.

— Это мой бывшнй муж! — живо рассказывала Ланская.— Ои коммерсант, н все в этой квартире осталось от него. И дом этот тоже принадлежнт ему. А я бедная русская актриса.

— Он умер? — сочувствеино спросил Дружиловский.

— Я же сказала бывший, а не покойиый,— улыбнулась Ланская.— Когда нам обонм стало скучно, мы разошлнсь. Так что я свободна...— Она иасмешлнво посмотрела на него и продолжала: — А вы довольно симпатнчный шпноичик, в моем вкусе. Но...— она подияла палец и сказала просто и деловито: — У меия есть велнколепный любовник. Между прочим, тоже поляк.

— Я русскнй,— уточнил Дружиловскнй.

— Не может быть! — всплеснула рукамн Ланская.— Вы же говорите по-русски, как оии, с акцеитом...

— С кем поведешься...— усмехнулся ои.

— Хотите выпить? Завтракали?

— Спасибо, ннчего ие иадо,— ответил Дружнловский и тут же пожалел: ои встал поздно н не успел позавтракать.

— Я попрошу кофе,— оиа взяла со стола колокольчик н громко позвоннла.

Ланская села на диваи, а ои — в кресло по другую стороиу стола. Только теперь он увидел, что актриса не так молода, наверно за сорок, и иа лице, еще красивом н гладком, многовато косметики. Оиа чем-то иапоминла ему Киру Ннколаевиу, гатчинскую генеральшу, н ему стало смешно.

— Так вот...— начала Ланская очеиь серьезно.— Ваше нмя, отчество, пожалуйста?.. Так вот, Сергей Мнхайловнч, сюда скоро прндет некто Воробьев, которым ннтересуется майор Братковский. У него шнрокне связи.

— Я зиаю о нем все, что нужно,— сказал он. Не хватало еще, чтобы она учнла его.

— Тогда мои лнчные впечатлення...

— Я хотел бы раскуснть его сам.

Горничная пршнесла подиос с кофейннком и чашкамн нз дорогого сервиза и хрустальный графиичик с золотистым лнкером.

Разлив кофе н лнкер, Лаиская подняла рюмку.

— За ваш успех...— она чуть подчеркнула «ваш».

От лнкера и кофе Дружнловскому стало тепло и приятио... В общем, все как надо: н эта роскошиая квартнра, и хозяйка-актрнса, н антикварный сервнз. И сам он — в отличиом костюме, с иапомаженной головой. Надо только держаться независимо, иепрннуждеиио н с достоинством.

— Впрочем, сам Воробьев нам н не нужен,— настойчиво продолжала Ланская.— Интерес представляет какой-то его приятель, непоиятным образом нмеющий доступ в московское посольство. Но Воробьев его старательно прячет.

— Ничего, найдем,— улыбнулся он, приглаживая пальцем свон аккуратные усикн.

— Как представлять вас монм гостям? — спроснла Ланская.

— Издатель из Эстонии, нзучаю возможность открыть дело в Риге.

— А откуда я вас знаю?

— Ну... по Петрограду.

— Я была там одни раз в жнзнн, лет пятнадцать назад, вы тогда ходнли в гимназию.

— Мы познакомилнсь в Ревеле, н больше ничего объясиять не надо.

Воробьев н его спутник, с которым он пришел, являлн собой полиую противоположиость друг другу. Воробьев — мужчина лет сорока с лишиим, казалось, только встал с постели н не нмел мииуты привестн себя в порядок. Его лица сегодия явио не касалась бритва, снльио поношеиный костюм висел мешком, галстук сдвннут на стороиу, волосы всклокочены.

— Поручик Крошко,— представнл ои высокого господнна лет тридцати, спортивиого склада, в элегантном костюме.

— Вы так давио хотнте с иим познакомнться,— говорил Ланской Воробьев.— А я ну никак ие мог его к вам затащить, он у меня стесинтельный, как уездная барышия.

— Не верьте ему,— сказал Крошко с мягкой улыбкой.— Просто я чертовскн занят, мне в Рнге за неделю надо сделать столько, сколько иормальному человеку хватнло бы на месяц...

— Ну вот, сам сознался, что ненормальиый,— громко рассмеялся Воробьев и подмигнул Дружнловскому.

Лаиская повела Воробьева в дальннй угол гостнной, за цветы, оии приселн там иа малеиькой козетке, о чем-то разговаривая.

Крошко рассматривал картнны, то отходя, то приблнжаясь к стене.

— Какая прелесть... какая прелесть...— тихо, словно про себя, говорил он, остановившнсь перед акварельиым портретом девочкн с венком из ромашек.— Мадам Лаиская, кто автор этого нзумительного портрета?

— Не имею понятия, все это собирал муж,— нздали ответила хозяйка.

— Посмотрите, какая прелесть! — повернулся Крошко к Дружнловскому.

— Да, да, я уже вндел.— Он подошел н тоже стал смотреть на портрет.— Откуда вы пожаловалн в Ригу? — вдруг спросил ои.

— Моя постоянная работа в Варшаве,— рассеянно ответил Крошко, не отрывая глаз от девочкн с веиком.

— А моя в Ревеле. Я нздавал там русскую газету, но прогорел и теперь прощупываю обстаиовку здесь. Пока впечатление грустиое. А у вас дела коммерческие?

Крошко оторвал взгляд от портрета.

— Вы что-то спроснлн? Извиииte меня, но я, когда вижу хорошую акварель, стаиовлюсь глух и нем.

— Я поинтересовался, вашн дела здесь иосят коммерческий характер, еслн не секрет, коиечно?.. — спросил Дружнловскнй.

— Какне там секреты,— улыбиулся Крошко.— В общем, да, коммерция, но сказать, что успешная, означало бы солгать.

— Я столкнулся с невероятной ситуацией,— оживленно продолжал Дружиловский.— Русские, у которых есть деньги, не хотят вкладывать их в газету, и как бы вы думали — почему? Они боятся посольства красных.

— Вполне вероятно... вполне...— задумчиво согласился Крошко.— Красное посольство очень внимательно следит за тем, что пишут об их стране в местных газетах. Оно использует малейшую возможность для опровержения.

— Вы, я вижу, знаете о красных больше, чем я...— сказал шутливо Дружиловский.

— Нет, просто в их посольстве у меня оказался родственник, брат, так что моя информация точная,— спокойно ответил Крошко и, наклоняясь к Дружиловскому, тихо спросил: — Здесь курить разрешается?

— Я сам тут впервые,— тоже тихо ответил Дружиловский.— Но, думаю, да...— он оглянулся и с улыбкой показал на стоявшую на столе огромную хрустальную пепельницу.

Крошко протянул Дружиловскому раскрытый портсигар.

— Попробуйте турецких, великолепный табак, без всяких примесей.

Они закурили. Выпятив губы, Дружиловский пустил вверх струю дыма.

— Крепкая штука.— Он помолчал немного и спросил: — И что же, вы там тоже бываете?

— Где? — удивленно спросил Крошко.

— Да в посольстве этом, у красных.

— О нет. Мне идти туда опасно,— с улыбкой ответил Крошко.— Я ведь случайно встретил своего родственника здесь на улице, и мы с ним мило поговорили на нейтральной территории парка. Вот как бывает в наш все перепутавший век: жили в Киеве почти что на одной улице, ходили в одну гимназию, оба были взяты в армию защищать матушку-Русь, а потом сверкнула молния, грянул удар, и между нами — пропасть, которую не перейти. Несколько лет ничего друг о друге не знали... Самое удивительное, что он доволен своей судьбой и жалел меня. Ну а я, естественно, жалел его. На том и расстались...

— Вон что случается,— заметил Дружиловский и многозначительно помолчал.— А как вы проводите здесь свободное время? — спросил он с интересом.— Я, когда наступает вечер, чувствую себя одиноким, как в пустыне.

— Но я слышал, в этом доме бывает очень весело,— наклонясь, тихо сказал Крошко.

Дружиловский оглянулся на хозяйку дома и тоже тихо доверительно сказал:

— Хорошо представляю себе, что тут происходит... Собираются наши с вами соотечественники, бесплатно едят и пьют, честят большевиков и намечают сроки своего возвращения в Россию под белыми знаменами. Та же пустыня.— И он вздохнул, изобразив на своем красивеньком лице тоску и печаль.

— Вы злой человек,— сказал Крошко.

— Нет, я просто человек реальный,— он вздохнул и вдруг, взяв Крошко за руку, зашептал: — Давайте-ка как-нибудь вечерком, когда дела будут позади, завалимся в хорошее местечко, а такие здесь есть, и славно проведем время.— И добавил: — Вы мне нравитесь.

— Вы и женщин атакуете с такой же решительностью? — рассмеялся Крошко, но на вопрос не ответил.

Дружиловский понял, что вел себя слишком напористо...

— Вы нас извините, мы идем к вам...— послышался из угла сильный голос хозяйки. За ней, ухмыляясь и покачивая лохматой головой, шел Воробьев. Крошко вскочил и предупредительно пододвинул хозяйке кресло. Она села и, сжав пальцами виски, капризно сказала:

— Господин Воробьев замучил меня политикой. Излил на мою бедную голову всю мировую скорбь.

— Не всю... далеко не всю,— ухмыльнулся Воробьев.

— У вас, поручик Крошко, не легкий друг,— вздохнула Ланская.

— Со мной он о политике не говорит, боится,— улыбнулся Крошко.

— Давайте условимся, кто заговорит о политике — штраф,— предложила хозяйка.

Они болтали о всякой чепухе — о том, что нынешняя зима в Риге небывало холодна, что латышские женщины слишком холодны, что в местном русском театре нечего смотреть и вообще негде в нынешнем опрокинутом мире весело провести время...

Дружиловский доложил майору Братковскому о знакомстве с поручиком Крошко и получил приказ не торопиться, терпеливо ждать появления поручика у Ланской, закреплять знакомство. А пока выполнять ранее полученные задания...

Почти каждый вечер к Ланской приходили русские. Здесь были такие, как сама хозяйка, которые всю жизнь прожили в Риге, и эмигранты, покинувшие родину из-за революции. Но большинство гостей составляли русские офицеры, которых забросили сюда война и та же революция.

Все происходило именно так, как Дружиловский представил поручику Крошко: пили, ели, играли в карты, проклинали боль-

шевнков, обменнвались сведеннями нз «серьезиых нсточинков» о том, кто н когда спасет Россню.

Дружнлŏвского ннтересовали офицеры — тут что ни человек, тŏ своя особая судьба, свой характер, свой взгляд иа событня. Но ни с одинм он не решался заговорить о покушеннн на красиого днпломата. Пока ои выполнял только одно задаине — каждый деиь возле советского полпредства собнралнсь толпы рнжан, наблюдавших, как бесновалнсь ианятые им людн. Братковский требовал ускорнть подбор исполинтеля для покушения.

Каждый вечер в салоне Ланской появлялся ротмнстр Губенко, н Дружнловский наблюдал за ннм.

Ротмнстр был похож иа цыгана — чериоволосый, смуглый, бешеио выкаченные глаза с желтоватыми белкамн вокруг чериых зрачков. Порывистый в движеинях, ие умевшнй говорнть тихо, ои поминутио ссорился с кем-то, и тогда хозяйка спешнла его утнхомирить. Всех своих собратьев-офнцеров ои обвниял в том, что оии «прокисли» и что иа Россию нм наплевать. Сам ои был из богатой казачьей семьн, н воспоминанне о «райском», как ои говорил, хуторе на Дону не давало ему покоя. Всякнй раз перед тем, как произнести слово «большевнки», ои запннался, будто это слово вставало ему поперек горла, и потом злобно его выплевывал, а глаза его в это время горелн яростью.

После очередной ссоры с «прокнсшнмн», когда Лаиская отвела ротмистра в староиу, к иему подошел Дружиловскнй. Хозяйка оставнла их вдвоем.

— Разрешнте представнться — подпоручик Дружиловскнй.. Я, ротмистр, как ннкто, поинмаю вас,— начал он.— Это страшно, когда люди прокнсают.

— Все прокнсли! — взревел ротмнстр.

Дружиловскнй взял его за руку.

— Успокойтесь. Я личио ие прокис. Наоборот, я действую.

— Да как вы можете тут действовать? — ротмнстр кнвнул на болтавшнх за столом гостей и добавнл: — Лягушки в болоте.

— Я, ротмистр, действую ие здесь.

— Везде болото,— вздохнул Губеико, ио вннмательио посмотрел на Дружнловского: может, и впрямь этот краснвенькнй подпоручик имеет что-то за душой?

Около полуиочи онн покннулн салон н иаправилнсь в ресторан.

— Здесь о серьезном деле говорнть иевозможно,— сказал Дружнловскнй.

В иочиом баре иа Мельничной они заиялн отдельиый кабннет. В тесной комиате без окон нх голоса звучалн глухо, как в подвале, а через дверь доноснлась музыка из общего зала.

— Закажите водки и не поскупитесь,— угрюмо попросил ротмистр.

— Нет,— строго сказал Дружиловский.— Сначала поговорим о деле. Пусть «прокисшие» решают судьбу России с затуманенными мозгами...

Он заказал бутылку сухого вина и бисквит. Губенко смирился.

— Вы, подпоручик, не тяните, давайте сразу о деле,— попросил он.

Выслушав предложение Дружиловского, Губенко нисколько не удивился, запустил пятерню в свою спутанную черную шевелюру и долго молчал.

— Убью с одного выстрела,— произнес он наконец.

— Другого ответа я и не ждал,— сказал Дружиловский.

— Но погодите...— Губенко поднял голову.— Десять тысяч долларов. Именно долларов. Только долларов. Десять тысяч,— повторил он и спросил: — Ну, что скажете?

Дружиловский не знал, что ответить. О долларах в условиях не было и речи.

— А если не доллары? — осторожно спросил он.

— Все остальные деньги дерьмо,— отрезал Губенко.— Только доллары!

На этом переговоры были прерваны, и они условились прийти сюда завтра, в это же время.

Утром Дружиловский на конспиративной квартире встретился с майором Братковским. Когда он сказал об условии Губенко, майор наклонился над столом, точно хотел поближе рассмотреть своего агента.

— Вы сошли с ума,— произнес он тихо.— Да за такую сумму... можно разнести в щепки весь Московский Кремль. Как вы могли с этим бредом прийти ко мне? Вам надо было плюнуть этому ротмистру в его бесстыжие глаза. Или он решил, что имеет дело с идиотом?

Дружиловский покорно проглотил оскорбление и спросил:

— Больше встречаться с ним не надо?

— У вас лишние десять тысяч долларов?

— Но, может, он, услышав категорическое «нет», изменит условия?

— Вам хочется лишний раз посидеть в ресторане?

Дружиловский обиженно промолчал.

— Столько времени потратили, а задание сорвано,— тихо и печально сказал Братковский.— Ладно, поговорите с ним сегодня, но ваше реноме может спасти только чудо. Предложите ему пятьдесят тысяч польских марок.

Чуда ие произошло. Услышав встречное предложение, Губеико взял со стола рюмку с водкой, опрокииул ее в рот и молча ушел.

На оперативиом совещанин майор Братковскнй жестоко высмеял Дружиловского, иесколько раз назвал его ндиотом н в заключеиие зачитал характеристнку, которую дала ему Лаиская: оиа иазывала его опасио самовлюблеииым типом с примитивиым мышлеиием.

Ои ие защищался.

Ему больше ие давали задаиий и сказали, что скоро отправят обратио в Ревель. Дружнловский обрадовался — все, что угодио, только ие оставаться здесь, с этой камеииолицей сволочью Братковским. Он боялся его и ненавндел.

Приходилось нметь дело еще н с поручиком Клецом, помощииком польского военного атташе, который, кроме того, ведал фииансами. Каждый раз, выдавая деиьги, Клец находил нужным предупредить, что Дружнловскнй получает их иа дело, только иа дело... И накоиец, иад Клецом н Братковским был еще военный атташе полковник Матушевский. Этот шнроколнцый, совсем иепохожий иа поляка человек казался веселым, ио ие дай бог вызвать его недовольство. На совещаиин по поводу неудачи с вербовкой ротмнстра Губеико ои сказал:

— Ждать от вас хорошей работы так же безиадежно, как пытаться научнть таракана разговарнвать.

Стонло Дружиловскому подумать о своих иачальннках, как у иего пропадал ромаитнческнй интерес к его иовой работе, и его прежияя жизнь в тихом Ревеле, рядом с Юлой, казалась ему потерянным раем.

В довершеиие всего с иим случилась беда, в которой ои иикого, кроме себя, виинть не мог. Еще до последией историн с Губеико он растратил часть деиег, выдаиных ему на обеспечеине оператнвиой деятельности. На лнчиые нужды давалн очень мало, а его то в ресторан заиесет, то дериет нелегкая в салоие Лаиской сесть к карточиому столу, причем и тут ему днко не везло...

Был момеит, когда Дружнловскнй хотел скрыться, бежать куда глаза глядят. Но, поияв, что бежать некуда, срочно состряпал фнинансовый отчет о расходах якобы на оперативиые иужды. Поручнк Клец прниял у иего отчет, бегло просмотрел и иичего ие сказал...

Вечером его вызвали нз гостиинцы на коиспнратнвиую квартиру. Его ждали майор Братковскнй, поручнк Клец и полковиик Матушевский.

— Вы же, оказывается, еще и примитивиый вор,— тихо сказал Братковский.

— Каналья, пся крев! Сколько ты украл денег? — крикнул поручик Клец.

— Я верну...— начал он, но Братковский поднял руку.
— Замолчите,— негромко сказал он.— Вы арестованы.

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 4 мая 1921 года

«Мирные переговоры, насколько мне известно, развиваются хоть и медленно, но в положительном направлении. Далее сообщаю о делах своих. Очевидно, я совершил ошибку, избрав Воробьева своим рекомендателем в салон Ланской. Я смог побывать в ее салоне только один раз. Там я познакомился с Дружиловским, о котором однажды сообщал вам как об издателе в Ревеле лживой газетки. Он сказал, что приехал сюда по делам своего издания, но тут же выдал себя тем, что пошел на меня напролом, пытаясь выяснить мои связи с нашим полпредством. Я уверил его, что у меня связи там неофициальные, но это его нисколько не охладило, и он пригласил меня в ресторан, стало совершенно ясно, зачем он в Риге, учитывая его польские связи в Ревеле. Но затем он из салона Ланской исчез. Воробьев спросил у нее, где ревельский издатель, и объяснил, что интересуется им только потому, что тот одолжил у него деньги. Она ответила: «Дом мой открытый, могут в нем оказаться и жулики».

Кейт».

Резолюция на донесении:

1. Срочно сообщите Кейту, чтобы в салон Ланской не внедрялся, достаточно Воробьева.

2. Подготовить возвращение Кейта в Варшаву с использованием там его старых русских связей.

3. Зафиксировать в досье появление Дружиловского в Риге и его исчезновение оттуда.

В жизни, а тем более в истории ничего не происходит случайно. Это относится и к жизни Дружиловского, и к тому, казалось бы, невероятному факту, что он будет «делать» историю и от того, что он сделает, погибнут тысячи честных людей.

За всю историю антикоммунизма среди его наемных деятелей вы не найдете ни одной Личности. Это было бы удивительно, если бы не было закономерно. Даже когда какой-нибудь известный писатель, политик или философ вдруг отдавал себя в распоряжение антикоммунизма, на этом и кончалась его слава... Примеров сколько угодно. Именно так случилось, скажем, с поэтессой

Зинаидой Гиппиус. Уехав из СССР на Запад, она написала такие стихи:

> Мой поезд вырвался из черного тоннеля,
> Я вижу восхитительный простор!
> Я — птица на упругих крыльях!
> Лечу куда хочу! Лечу куда хочу!

А вскоре на своих «упругих крыльях» она прилетела в Варшаву, в антисоветскую савинковскую газету «За свободу» и вместе со своим мужем, писателем Мережковским, печатала там антисоветские небылицы в стихах и прозе.

Мережковский на страницах газеты «Общее дело» публикует ложь... Зинаида Гиппиус в изданных ею за границей дневниках навалила столько мелкой и крупной злобной лжи и попросту глупости, что невозможно поверить в здравый смысл пишущего: неужели автор всего этого та самая «голубая звезда русской поэзии» Зинаида Гиппиус? Ну такое, например: «Блок болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало их целых 12». Или: «Максим Горький катается на автомобиле великой княгини... Он не способен к культуре». Излагая свои мечты об иностранной интервенции в Советской России, она гневно обрушивается на «пугливых интеллигентов, бормочущих о неловкости вмешательства во внутренние дела России», и пишет: «Каким вмешательством, в какие внутренние дела России была бы стрельба нескольких английских крейсеров по Кронштадту?» И дальше: «Хоть сам черт, хоть дьявол — только бы пришли».

Как говорится, ниже падать некуда...

Такие, как Дружиловский, более полезны антикоммунизму, чем поэты,— дружиловские готовы на все. То, что первой его подобрала именно польская разведка, тоже не случайно. В то время три маленьких Прибалтийских государства оказались в сфере острых интересов крупных западных держав. Англия и особенно Франция, ничего не выигравшие на войне, увидели в Прибалтике надежного поставщика сельскохозяйственной продукции и перспективный рынок. В это же самое время Советское правительство обратилось к Прибалтийским государствам и к Польше с предложением подписать мирный договор. Запад допустить этого не мог. Поэтому соседство этих стран с большевиками должно быть обращено против Москвы. Прибалтика и Польша должны быть использованы как плацдарм для активной разведки, для устройства всевозможных антисоветских провокаций. Однако идти в открытую против мирной инициативы Москвы было опасно, слишком велики были симпатии народов к первой Советской стране. В качестве ударной силы было решено выставить бело-

панскую Польшу, и прежде всего ей было поручено подорвать мирные переговоры. Именно в эту пору Дружиловский оказался в Прибалтике, снова приходится констатировать, что ничто не происходит в мире случайно.

И он уже начал действовать. Правда, сразу проворовался.

Глава восьмая

Поручик Клец считал, что Дружиловского надо передать латвийским властям как уголовного преступника. С помощью своего агента, занимавшего высокий пост в местной полиции, он хотел упрятать Дружиловского в тюрьму без суда. Майор Братковский возражал против этого — его вообще смешила ярость Клеца, который сам систематически обсчитывал своих агентов, и об этом знали все. Он боялся, что Дружиловский разболтает, какие задания он выполнял в Риге. Кроме того, он мог еще пригодиться. Братковский предложил отправить провинившегося агента в Варшаву и там спокойно с ним разобраться. Полковник Матушевский был всецело с этим согласен.

— Я предпочитаю гадюку видеть,— сказал он,— а не наступить на нее в темноте.

Клецу пришлось уступить, но он не мог примириться с тем, что Дружиловский отделается легким испугом, и сам отвез незадачливого агента на товарную станцию, где на запасных путях стоял направляющийся в Варшаву арестантский вагон, и сдал его конвою, строго приказав не оказывать заключенному никаких услуг.

Привыкнув к жиденькому свету, проникавшему сквозь закрашенное бурой краской окно, Дружиловский осмотрелся. Купе как купе в обычном жестком вагоне. Только окно замазано и затянуто изнутри тугой проволочной сеткой, а снаружи на него падает тень решетки. Дверь обита железом и заперта. И все-таки ничего страшного, даже напротив — это было гораздо лучше того, что грозился сделать с ним мерзавец Клец. Здесь в его распоряжении четыре полки, никто не помешает выспаться, не то что в битком набитом вагоне, в котором он ехал когда-то из Петрограда в Москву.

Он сидел на нижней полке в обступившей его глухой тишине, абсолютно не представляя себе, что ждет его в Варшаве. Позже он записал в своем дневнике, вспомнив однажды эту историю: «Я понял тогда одно — от поляков справедливости не жди. Сколь-

ко раз я у того же Клеца расписывался в получении денег и видел в ведомости совсем не ту сумму, которую он мне выдавал. И я молчал, я же понимал... А они, гады, какую надо мной подлость проделали...»

Вагон дрогнул и с глухим грохотом покатился. Ожидая, что сейчас кто-нибудь войдет, он принял непринужденную и независимую позу — выпрямился, скрестил руки и закинул ногу на ногу. Его всегда преследовала тревожная забота — не выглядеть смешным. Он носил обувь на высоких каблуках, тщательно следил за своей внешностью и даже за соответственным обстановке выражением лица. Сейчас его лицо выражало холодное презрение. Но никто не пришел, и он расслабился — ничего, придет час, они явятся и не увидят его униженным.

Но все получилось иначе.

Арестантский вагон немилосердно трясло, качало, он гремел, дребезжал, гудел — заснуть никак не удавалось.

Вдруг стало очень холодно, начал болеть живот, и он бросился искать парашу. Лазил внизу под лавками, полез наверх, дрожа от озноба, ничего не нашел. Он стал кричать, бить кулаками в дверь, в стены и затих, согнулся, присел на пол...

Забрался потом с ногами на лавку, свернулся, сжался, закрыв голову пиджаком. Вагон, казалось, трясло все сильнее, и снова схватило живот... Темно... Ничего не видно... Спичек нет... Не сдерживая жалобных стонов, забрался на верхнюю полку и, обессиленный, забылся. Перед ним в зеленом тумане проплывали видения беспечного детства в родном Рогачеве, а то — четко, как на фотографии,— суд в Москве, вернее, один только момент: из зала уводят приговоренных к расстрелу. От ужаса щемило внизу живота...

Очнувшись, он испугался грохочущей темноты. Снова схватило живот... Он смотрел туда, где было окно, и не видел его. Значит, ночь? Но какая? Первая?.. Вторая?..

Кто-то приподнял его за шиворот и встряхнул, светя в лицо фонарем:

— Эй, вставай!

Он вскочил и зажмурился от света, качавшегося перед его лицом.

— Тьфу! Выходи быстрей.

Он рванулся вперед и наткнулся на человека, державшего фонарь. Дверь в коридор вагона была открыта, и там горел свет. Его остановила чья-то сильная рука:

— Спокойно. Пошли!

Качаясь, он шел между двумя людьми, видя только плывущий из-под ног круг света, за пределами которого ему мерещилась пропасть.

Сзади снльно толкнулн, и он, как мешок, свалнлся с площадкн вагона на землю. Не чувствуя болн, он встал н, судорожио дыша, огляделся. Еще не совсем рассвело, н все внделось ему как сквозь матовое стекло. Арестантский вагои одиноко стоял возле длннного пакгауза, а там, где кончался путь, чернел полицейский фургон.

В тряской машнне его повезли куда-то, он думал — в тюрьму. А его привезли в гарннзониую баню, отдалн чемодаи н довольно вежливо сказалн, чтобы ои прнвел себя в порядок.

В гулком зале крнки, хохот, от пара ничего не видио. Он с трудом иашел шайку, налнл горячей воды, окуиул голову. Какое блаженство, господи!.. Вместе с мыльной пеной с него сходнло все пережитое, он странным образом уже меньше тревожнлся о том, что будет дальше, н по мере того, как становнлось легче, прнходнла уверенность, что самое страшное позадн.

Людей, которые привезли его сюда, в раздевалке не было, и иикто не обращал на иего вннмання. Вокруг одни солдаты — бритые головы, красные распарениые тела, бумажные гимнастерки. Он свериул крепкнм комком загаженную одежду, засуиул за шкафчнк. Достал нз чемодана чериые в полоску брюкн н серый пиджак, оделся и прнсел на лавку. Что делать, еслн конвой не ждет его н иа улнце? Адрес второго отдела польского генштаба он зиал, но сейчас ндтн туда слншком рано. Решил сначала найти недорогой отель.

Около полудня, чнстенькнй, отглажеиный, выбрнтый, пахнущнй крепкнм одеколоном, он пошел в геиштаб. Однны свонм видом он хотел сказать, что ие так-то легко его затоптать.

Он медленно шел по весеиней Варшаве, останавлнвался, заметнл, что варшавянки элегантно одеты, средн нних много хорошенькнх. Зашел в уютную коидитерскую, выпнл хорошего кофе н только потом отправился в свой второй отдел.

В сумрачном вестнбюле он представнлся дежурному офнцеру, и тот, окинув его взглядом, немедленно доложил о нем кому-то по телефону и объясиил, куда следует пройтн.

Перед нужиой дверью он остановился, внимательно оглядел себя, прнгладнл уснки, поправил манжеты н галстук н вошел решнтельно н даже нахально — это он продумал зараиее.

— Моя фамнлия Дружиловский,— сказал он с достоинством, подойдя к столу, за которым сидел щуплый человек в черном костюме.

— Я знаю. С приездом в Варшаву. Садитесь...— пронзиес сндевший за столом.— Как доехалн?

Дружнловский не ответнл. Только посмотрел специально отработанным взглядом, выражавшнм равнодушное презрение.

— Что же касается вашей работы — два-три дня надо подождать,— продолжал господин в черном.— Майор Братковский вернется из Риги в начале будущей недели, и вы снова будете работать с ним. А пока отдыхайте, знакомьтесь с нашей столицей...— Сухое лицо господина в черном перерезала пополам улыбка широкого рта.— Варшавянки, как всегда, прелестны. Майор Братковский распорядился выдать вам денег, вы получите их в соседней комнате.

В начале следующей недели Дружиловский пришел к Братковскому в его служебный кабинет и поразился — никогда бы не подумал, что этот каменнолицый истукан может стать вдруг совсем другим.

— Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь. Ну, как вам в нашей Варшаве? — спросил Братковский, и Дружиловский в первый раз увидел на его лице улыбку.

Дружиловский не ответил.

Майор провел рукой по лицу и точно убрал с него улыбку.

— О том, что позволил себе поручик Клец, я узнал только здесь,— тихо сказал майор своим обычным ровным голосом.— Полковник Матушевский доложил о происшедшем начальству и потребовал наказать поручика за самовольство. И оставим это...— Он помолчал, смотря на Дружиловского неморгающими глазами.— Здесь, в Варшаве, завариваются большие дела, и мы возлагаем на вас большие надежды. Вам предоставлена квартира в центре, там все приготовлено. Вам следует сегодня же позвонить супруге, она ждет вашего звонка, чтобы уточнить день ее переезда в Варшаву. Передайте ей, кстати, что все ее пожелания в отношении квартиры нами по возможности выполнены...

— Как это... решили... без меня? — вяло возмутился Дружиловский.

— Ваша супруга, насколько мне известно, рада переезду из провинциального Ревеля в нашу столицу. Вы же, позвольте вам напомнить, служите в военной организации. А мы заинтересованы в том, чтобы вы прочно здесь обосновались и спокойно работали. И давайте лучше говорить о деле.

Что же это за большие дела заварились в Польше?.. Польша в Риге подписала мирный договор с Советской Россией и Украиной, формально с польско-советской войной было покончено. Но только формально. Ни о какой мирной, добрососедской жизни со Страной Советов белопанская Польша даже не могла помыс-

лить. Польские политики, пришедшие к власти с помощью того же Запада, изменять ему не собирались.

И после подписания мирного договора Польша оставалась, по выражению Ленина, «тараном против Советской республики».

По договору к Польше отошли западные районы Белоруссии и Украины, и польская печать затрубила о создании великой независимой Польши.

Именно в это время Польша заключает с Францией и Румынией военный союз, который носит откровенно антисоветский характер. Чтобы погасить растущие симпатии польского народа к Советскому государству, внутри страны устанавливается режим беспощадного террора. Устами своего президента Войцеховского польская буржуазия заверяет Запад, что «граница с Россией мирной не будет никогда, а Польша станет надежным щитом Европы от большевиков».

Но теперь в ход пущена новая техника — против большевистской России воюют сами русские, а Польша тут ни при чем.

В польском генеральном штабе разработан коварный план — спровоцировать на Западе Советской страны гражданскую войну и под ее прикрытием захватить всю Белоруссию. В случае успеха предусматривался даже поход на Москву. Автором и душой этого плана был Пилсудский. Он в это время еще не был единоличным властителем Польши, но на Западе знали — он им станет, это ему было обещано. А пока Запад безоговорочно поддержал его план...

Необъявленную войну против Советской России готовил второй отдел польского генерального штаба. По приказу Пилсудского для «русского стихийного движения» спешно подыскивали вождя. Дело было нелегкое — нужен был человек достаточно известный и авторитетный, чтобы сплотить вокруг себя пеструю армию вторжения. Одновременно он должен быть представительной фигурой для европейского общественного мнения. Муссировались имена эсера Савинкова, барона Врангеля, царского генерала Кутепова, бандитов братьев Булак-Балаховичей и даже вождей «украинских националистов».

Пилсудский склонялся к кандидатуре Савинкова. Он хорошо его знал лично. У Савинкова была сенсационная биография антимонархиста, он поднимал руку на столпов русской монархии и занимал высокий пост при Керенском. Но Пилсудского беспокоило, что Европа, приютившая русских монархистов, не поддержит цареубийцу в роли вождя нового крестового похода. Впрочем, можно было заверить европейские правительства и монархических лидеров, что Савинков — фигура временная, что важно свалить власть большевиков, а тогда уж будет решен вопрос о будущем вожде России...

Но Савинков был человеком в военном отношении безграмотным, при нем нужен военный специалист. Известных царских генералов Пилсудский привлекать опасался, за ними стояла тень монархии с ее извечными притязаниями на Польшу. Более подходящей ему казалась кандидатура самозваного генерала Булак-Балаховича. Это был человек без политических претензий, готовый на все во имя личного обогащения. Но поладит ли с ним Савинков? Пойдет ли за ним пестрое русское воинство?.. Все это должна была выяснить польская дефензива, которая вела активную разведку среди находящихся в Польше русских.

Однажды на стол Пилсудскому был положен потрясающий своим цинизмом документ под названием «Предварительные данные по разработке русского контингента в Польше». В этом документе мы читаем: «Говорить о какой-то объединяющей этот контингент идее не приходится. Те, кто находится в лагерях на положении интернированных, представляют собой сборище разношерстных людей, потерявших признаки своей принадлежности — государственной, национальной и даже сословной. Их объединяет лишь одно — отсутствие средств к существованию и желание вырваться из нынешнего прозябания. Для достижения этого они пойдут на все, в том числе и на участие в военных действиях, тем более что последнее предоставит им возможность осуществить месть большевикам. В связи с этим не следует проявлять особого беспокойства о политической программе предстоящей акции, как и о том, кто ее возглавит: кусок сала сегодня и военные трофеи завтра явятся и движущей и объединяющей силой. Несколько иное положение с небольшой частью русских офицеров, свободно проживающих в Польше и в других европейских странах. В этой среде политические взгляды определяются только тем, на чьем содержании находятся данные офицеры. И если мы им предоставим лучшее содержание с добавлением реальной перспективы вернуться в Россию, они охотно будут исповедовать взгляды, которые мы им предложим...»

Любопытно, что на этом документе появилась чья-то (возможно, самого Пилсудского?) резолюция: «Опасное упрощение проблемы».

Польской разведке было приказано в кратчайший срок установить истинную картину настроений среди русских. Для этой цели и был предназначен Дружиловский, который был абсолютно неизвестен русским, находившимся в Польше.

В генеральном штабе Дружиловскому сказали неправду. Майор Братковский и полковник Матушевский приехали в Варша-

ву тем же поездом, к которому был прицеплен арестантский вагон. И перед ними сразу возникла новая ситуация, тесно связанная с Дружиловским. Дело в том, что эстонский дипломат, их Красавчик, выполнил задание — Юла Юрьева стала агентом польской разведки. И она очень нужна была в Варшаве, с ее помощью польская разведка собиралась выявить действующую здесь английскую агентуру. Да и сам Дружиловский тоже нужен сейчас именно в Варшаве, где его никто не знает. Вот ему и предложено несколько дней отдыхать, чтобы за то время, пока он не будет болтаться под ногами, подготовить переезд Юлы Юрьевой в Варшаву.

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 14 июня 1921 года

«...Подготовку к возвращению в Варшаву заканчиваю. Михаил прибыл благополучно, обосновался согласно легенде... Воробьев работает хорошо, поляки ему верят и дают серьезные поручения. Известные вам Матушевский и Братковский отбыли в Варшаву. В отношении Дружиловского неясно, не вернулся ли он в Ревель? О моем отъезде в Варшаву сообщит Михаил...

Кейт».

Резолюция на донесении:

Запросить Ревель в отношении Дружиловского...

Глава девятая

Юла послала к черту свои планы об отъезде в Англию. Она была сильно влюблена, мечтала, что дипломат бросит жену, а ее введет в ревельское общество. Вместо этого возлюбленный, сделав ее агентом польской разведки, объявил, что они больше не могут встречаться. Столь внезапно и коварно оборвавшийся роман поверг ее в отчаяние. Она несколько дней совсем не выходила из дому, не выступала в ресторане, ничего не ела, то рыдая в бессильной ярости, то забываясь в тяжелом сне.

Но однажды утром она встала с сухими глазами и ясной головой — надо было снова начинать жизнь. Оставаться в Ревеле она не могла ни в коем случае. И как раз в это время поляки предложили ей переехать в Варшаву. Она обрадовалась и сразу дала согласие, боялась только, что станут возражать ее английские друзья. Но те не только одобрили ее переезд, но даже выплатили приличную сумму на устройство в Варшаве и предупредили, что там с ней свяжутся.

Супруги встретились радостио, и им ие пришлось при этом особеиио кривить душой... Любви между иими иикогда ие было, ио после того, как оии расстались, оба пережили иемало тяжелого, и теперь им просто хотелось иайти друг в друге поддержку.

Оии поселились в хорошо обставлеииой квартире в цеитре Варшавы и очеиь быстро освоились в иовой жизии. Завели зиакомых и по вечерам или прииимали гостей, или шли в гости, встречались с иужиыми людьми в ресторанах и кафе. По субботам и воскресеиьям Юла выступала в ресторане «Бристоль» — полякам иужио было держать ее иа виду. Но оиа ие имела здесь успеха — после переживаиий в Ревеле что-то случилось с голосом...

Муж, коиечио, зиал, что Юла теперь работает иа поляков, и ему было иитересио, как отиосятся к этому ее аиглийские друзья. В его голове шевелились кое-какие идеи иа этот счет...

Одиажды утром оии сидели за завтраком, в халатах, домашиие, дружелюбиые. Такой, как сейчас, Дружиловский ие видел Юлу иикогда, даже после сильиых попоек в Ревеле. Оиа осуиулась, прищурениые иа солице глаза тоиули в сетке мелких морщии, и особеиио старили лицо твердые, припухшие крылья ее красивого иоса.

— Какая ты сегодия иитересиая, Юлочка, тебе так идет быть блединой,— сказал Дружиловский, иаливая себе сливки.

Оиа быстро взглянула иа иего. Чисто выбритый, с мокрым иачесом, ои тоже ие стал красивее со времени их расставаиия — весь как-то съежился, посерел лицом и был сейчас до смешиого похож на малеиького усатого хорька.

— Я все ие могу привыкиуть, что мы сиова вместе, Серж! Господи! — сказала оиа своим хорошо поставлеииым иизким грудиым голосом и рассмеялась: — Я только ие поиимаю, Серж, коллеги мы или как? Я совсем запуталась.

Дружиловский усмехиулся в ответ:

— А с прежиими друзьями ты порвала?

— Ну, естествеиио, иа две службы меия бы просто ие хватило.

— Жаль,— вздохиул ои и, прихлебывая кофе, продолжал: — Наши польские иачальиики — порядочиая рваиь, я от иих уже иатерпелся и иичего хорошего ие жду. Ты ие представляешь, иа какие мерзости оии способиы.

— Почему? Очеиь даже представляю,— тихо отозвалась оиа.

— И я, призиаться, думал, что иеплохо бы...— ои иаклоиился к ией и миогозиачительио, долго смотрел в большие глаза жеиы.— Неплохо бы иметь в запасе... твою старую дружбу, ведь иа тех-то положиться можио... иарод серьезиый. Здорово можио было бы иасолить паиам ляхам...

Оиа взяла его за руку и сказала серьезио:

— Я, Серж, тоже думала об этом... Но я очень боюсь.

— Я рад, что мы думаем одинаково! — ответил он с неподдельным чувством, сжимая ее руку.— И жалею, что ты потеряла старых друзей.

Тем не менее Дружиловский снова начал работать на поляков и старался как мог... Ему дали список русских, которые интересовали польскую разведку, он должен был с ними знакомиться и выяснять их настроения.

Как начать это дело, он попросту не знал — громадный город, поди найди в нем какого-то князя Ливена да еще заведи с ним знакомство... Он стал ходить по кабакам, где бывали русские офицеры, не очень умело знакомился с ними и пытался узнать хоть что-нибудь о тех, кто был в его списке. Удалось узнать только об одном — о полковнике Кирееве: он работает теперь в какой-то конторе лодзинской текстильной фирмы. Дружиловский нашел эту проклятую контору, но оказалось, что Киреев на две недели по делам фирмы уехал в Вильно. Братковский столько ждать не будет... Завтра оперативное совещание. Придешь на него с пустыми руками, а полковник Матушевский выльет на голову ушат яда.

Он брел в унынии по бойкой торговой улице и вдруг услышал:

— Подпоручик, вы ли это?

Перед ним стоял некий Швейцер. Он знал его по Ревелю. Там Швейцер выдавал себя то за латыша, то за немца и сотрудничал в контрразведке Юденича. Помнится еще, он все мечтал заняться коммерцией... Сейчас вид у него был какой-то потрепанный, и только белобрысые реденькие волосы были, как всегда, аккуратно расчесаны на прямой пробор.

Поначалу Дружиловский был с ним холоден, он всегда остерегался людей, которые знали его раньше — мало ли что помнят они и как к нему относятся. Но Швейцер был очень рад встрече и весело вспоминал о ревельских временах. Заметив настороженность Дружиловского, он перевел разговор:

— А теперь я все-таки перешел на коммерцию — это дело спокойнее и вернее,— состою коммерческим агентом у князя Ливена.

— Что, теперь в коммерцию кинулись и князья? — насмешливо спросил Дружиловский, лихорадочно обдумывая, что же сейчас предпринять: княжеская чета Ливен сама шла ему в руки.

— Князь занимается политикой, а политики без денег не бывает,— ответил Швейцер.— Но князь живет по-царски, а мне только крошки с его стола.

— Ну, а пока у вас наступят лучшие времена, я приглашаю вас

в кафе...— Он взял Швейцера под руку, и они завернули в кафе, возле которого стояли.

Дружиловский заказал кофе с коньяком, и они уселись у окна, где на виду была вся улица. Кафе было маленькое, на три столика, и в этот дневной час здесь никого не было.

— А чем промышляете вы? — пригубив коньяк, спросил Швейцер.

— Представьте себе, тоже коммерцией,— ответил Дружиловский, поглаживая усики.— Только посолиднее вашей.

— Может, меня возьмете в свое дело? — спросил Швейцер не то серьезно, не то шутя.— Что-то мне кажется, князья — товар очень ненадежный.

— Об этом можно подумать,— солидно ответил Дружиловский и стал расспрашивать об общих знакомых из контрразведки Юденича.

Через час он уже докладывал майору Братковскому о своей неожиданной встрече.

Польской разведке было известно, что русский делец Бахметьев, живущий в Америке, установил в Польше контакт с княжеской четой Ливен и через них начал вербовку русских офицеров. Но было непонятно, для какой цели их вербуют. Недавно выяснилось, что людьми Ливена в Риге зафрахтован пароход «Саратов», на котором русских офицеров собираются куда-то увезти. Куда?

Дружиловский совершенно неожиданно и для себя, и для дефензивы приблизился к этой тайне. Времени на обстоятельную обработку Швейцера не было, и Братковский приказал действовать напролом.

Через два дня Дружиловский встретился со Швейцером и прямо спросил, не сможет ли он за хорошие деньги достать, хотя бы в копии, переписку князя Ливена с Бахметьевым.

Швейцер нисколько не удивился и уже на другой день сообщил, что копии писем у него. Как рекламный образчик он дал Дружиловскому выдержку из одного письма Бахметьева, в котором говорилось: «Всяк в России или возле нее, если он собирается не болтать, а действовать, может рассчитывать на материальную помощь из Америки...» Это было именно то, что нужно...

За всю переписку, но без предварительного с ней ознакомления, Швейцер потребовал тридцать тысяч польских марок.

Целую неделю Дружиловский, по указаниям Братковского, торговался со Швейцером о сумме и требовал ознакомления с письмами до окончания сделки. Швейцер не соглашался — не зная покупателей, он не может быть столь доверчивым. Дружиловский не имел права назвать покупателя и по инструкции Братковского говорил, что речь идет об одном богатом польском

аристократе, который в частном порядке занимается созданием фонда борьбы с большевиками.

— Давайте сюда вашего аристократа и будем говорить в открытую,— отвечал Швейцер.

В конце концов, переписка была куплена вслепую за десять тысяч. Всего было приобретено шесть писем, три — Бахметьева и три — Ливена. Из них можно было узнать только то, что в Америке в распоряжении Бахметьева на дело «спасения России от большевиков» есть какие-то солидные суммы, которые он, однако, не спешил отдавать кому попало. Судя по всему, он не очень доверял и князю.

В присутствии Дружиловского эти письма прочитали майор Братковский и полковник Матушевский.

— Лучше бы вы эти деньги присвоили себе, как те, в Риге, по крайней мере, можно было утешиться, что кому-то из нас они пригодились,— сказал Матушевский Дружиловскому, прочитав письма.

Бледное лицо Братковского, как всегда, ничего не выражало. Он сложил письма в папку и, спрятав ее в стол, сказал примирительно:

— Информация, конечно, тех денег не стоит, но следует отметить быстрый выход на нужную цель.

Однажды утром Дружиловский в прескверном настроении сидел в кондитерской «Опера», расположенной напротив оперного театра. Здесь обычно кейфовала актерская братия, и он с завистью наблюдал эту веселую, беспечную публику... Но сейчас было еще рано, и уютный зал, обставленный мягкой мебелью, пустовал. Он пил пахучий черный кофе и смотрел на серую дождливую улицу.

Напротив витрин кафе остановился высокий человек в потрепанном костюме. Серое худое лицо под полями обвисшей шляпы, рубашка грязная, без галстука. Человек сосредоточенно и мрачно рассматривал большой коричневый торт, выставленный на витрине. Дружиловский вдруг узнал его и, не успев как следует сообразить, нужно ли это делать, выбежал на улицу.

— Полковник Степин?

Полковник несколько секунд оторопело смотрел на него, не признавая в стоявшем перед ним щеголеватом господине своего бывшего адъютанта.

— Господи,— сказал он глухим, осевшим голосом, и Дружиловский, ничего не говоря, повел его в кафе.

Сергей Петрович Степин, последний командующий авиацией Юденича, поведал своему бывшему адъютанту грустную, хотя и банальную историю... С момента расформирования армии Юде-

нича он скитается по белу свету и нигде не может устроиться, повсюду русских полковников хоть пруд пруди. Кем только он не работал — грузчиком, каменщиком и даже швейцаром в отеле... Но вот прослышал, будто в Варшаве набирают офицеров в какую-то русскую армию, продал все, что у него было, и приехал сюда. Со вчерашнего дня ничего не ел.

Они перешли в соседний ресторан, Дружиловский накормил своего бывшего шефа до отвала и дал ему до лучших времен пятьдесят марок. У него возникла идея использовать Степина. Они вместе будут ходить по местам, где русские собирают своих офицеров, и Дружиловский получит нужную полякам информацию из первых рук. Полковник вопросов не задавал, он был готов на все.

Борис Савинков принял их в дешевом отеле «Люкс» на узкой варшавской улочке. В комнате — железная кровать с облупленными никелированными шишечками, столик с кувшином и тазом для мытья, и в углу — кособокий шкаф. За ломберным столом сидел, склонясь над бумагами, Савинков. Он поднял на них внимательные глаза.

— Что вам угодно, господа?

— Мы русские офицеры,— ответил Дружиловский и, показав на пришедшего с ним, добавил: — Полковник Степин.

— Расскажите коротко о себе,— сухо сказал Савинков и прикрыл глаза, приготовившись слушать.

Степин начал рассказывать свою жизнь с конца, и как только сказал, что он командовал авиацией у Юденича, Савинков резко поднял руку и заговорил отрывисто и гортанно:

— Довольно, довольно! Ваша близость к Юденичу исключает какой бы то ни было мой интерес к вам. Объясню: Юденич мог вышвырнуть большевиков из Питера, сделать это ему помешали трусость, лень и коррупция. Россия никогда не забудет этого позора, и я тоже не забуду. Нет смысла затягивать свидание, мне нужны люди, воспитанные в духе самоотверженной веры. Прошу простить...

Полковник Степин стоял навытяжку, как новобранец перед генералом, и только подергивал головой.

— А вы кто? — обратился Савинков к Дружиловскому.

— Подпоручик Дружиловский, летчик,— ответил он, тоже опустив руки по швам.

— Где служили?

— Я был адъютантом полковника Степина! — ответил Дружиловский.

— Тогда то, что я сказал полковнику, относится и к вам,— сухо произнес Савинков и придвинул к себе бумаги.

— Неужели вам не нужны офицеры? — спросил Дружиловский.

— Чего-чего, а офицеров у меня хватает,— ответил Савинков, не отрываясь от бумаг.

Степин вышел в полном унынии, а Дружиловский был доволен — получил полезную информацию: у Савинкова, оказывается, офицеров достаточно...

На другой день они разыскали братьев Булак-Балаховичей, с которыми Дружиловский был знаком еще по Ревелю, когда напечатал в их газетке обличительный фельетон о генералах-казнокрадах из штаба Юденича.

Братья с остатками своей банды размещались в казарменном помещении на окраине Варшавы. Их провели в громадную комнату, которая была раньше гимнастическим залом — под потолком висели деревянные кольца, глухая стена была прочерчена гимнастической лесенкой. В левом углу, увешанном коврами, стоял длинный стол, на одном конце которого возвышалась груда грязной посуды, а на другом братья Балаховичи рассматривали военную карту.

Дружиловского они узнали. Адъютант принес графин водки и тарелку с нарезанным салом. Пришлось выпить...

Здесь история жизни полковника Степина не требовалась, и первый к нему вопрос был: ездит ли он верхом? Услышав утвердительный ответ, старший Балахович сказал:

— Вы нам пригодитесь, мы как раз потеряли в последнем рейде в Белоруссию одного полковника, царство ему небесное. Но условия такие: кормить будем, а жалованья не дадим. Зато во время похода получите все сполна и даже больше, у меня никто на службу не жалуется.

Степин тут же написал заявление о зачислении его в «ударную армию» и получил приказ завтра явиться сюда для несения службы. Дружиловский, разговаривая с братьями, снова получил полезную информацию: никакой политической программы у них по-прежнему нет.

— Цель одна — перерезать большевиков,— говорил старший Балахович.— А кого повезут за нами в обозе, меня интересует как прошлогодний снег. Есть царь, везите царя, есть Савинков, везите его. Даже если повезут царскую шлюху Аньку Вырубову, я тем более не против. Я требую одного — полной свободы действий моим орлам! И чтобы никакие попы возле меня не путались. У меня с богом дела без посредников...

Дружиловскому было предложили пойти «по письменной

частн» — в банде некому было сочинять прнказы для населення. Он обещал подумать.

Новым его объектом стал американский корреспондент. Надо было выясннть, откуда тот черпает опасную для Польшн ннформацию. Почтн трн часа он поил и кормнл этого американца в самом дорогом ресторане, не жалея денег, заказывая все, чего желала его ненасытная душа, разговор вел сверхосторожно, н вдруг, когда офнциант прнпес счет, американец встал, покровнтельственно похлопал Дружнловского по плечу и, нагнувшись к нему, тнхо сказал:

— А теперь платн, ндн к своим начальникам и скажн нм, что я не такой дурак, как им померещилось... Гуд бай!..

Спустя две неделн ему поручнлн негласное наблюдение за господином, который должен был утренним поездом прнехать нз Кракова. Дружиловскнй встретнл господнна на вокзале, сразу и безошнбочно его опознал и потом целый день мотался за ним по городу. Это было совсем не легко — господин нанимал нзвозчика, неожиданно саднлся в трамвай, заходил в учреждения, которые размещались в многоэтажных домах. Он не терял его из внду до четырех часов дня, когда господни, наконец, зашел в ресторан. Постояв в подъезде дома напротив часа два, Дружнловскнй начал беспокоиться н пошел в ресторан — господина там не было.

Эти неудачн сопровождались унижениямн, которые он терпел от начальников. С легкой рукн полковника Матушевского за Дружнловскнм закрепилось прозвнще Мыльный пузырь.

Едннственным его утешеннем была вечерняя светская жнзнь. Но теперь в этой жнзни у него появилась своя особая цель. В сплетнях, в которых не было недостатка, он тщательно выужнвал все, что касалось его начальников. Он собирал на них свое досье, чтобы в благопрнятный момент отомстнть за все...

Он узнал, что у Братковского есть две любовницы: одна латышка Зельма, по прозвищу Жемчужннка, а другая — полька Стасевич, и познакомился с обеимн. Жемчужннка ему понравнлась — миниатюрная, всегда веселая, острая на язык и с удивительными голубыми глазамн, которые вдруг становились зелеными... Братковский к маленькой латышке охладел и теперь отдавал предпочтенне Стасевич, любовнице Матушевского. Положнтельно, Жемчужннка была кладезем драгоценных сведений. Объяснив жене, что латышка ему нужна для дела, Дружиловский встречался с ней почтн каждый день.

Его упорство было вознаграждено — однажды, танцуя с ним в ресторане, Жемчужинка снова завела разговор о Братковском.

— А вы знаете, что он вульгарный вор? — спросила она, прижавшись щекой к его плечу.

— Как это вор? — Дружиловский отстранился, чтобы видеть ее глаза.

— Очень просто! — ответила она, улыбаясь, но глаза у нее были злые.— Однажды он пытался подарить мне перстень с бриллиантом, но я, к счастью, узнала эту вещицу, она принадлежала жене коллеги Братковского Белянина-Белявского, у которого он часто бывал в гостях. Я от подарка отказалась...

— Вы не ошиблись?

— А как вы думаете, почему он дал мне отставку и променял меня на эту корову Стасевич? Я ошибиться не могла. Потом я узнала, что этот перстень у жены Белянина пропал, но они не хотели поднимать шума.

Дружиловский ликовал.

Вот когда он с необыкновенной ясностью, до озноба, вспомнил ночь в арестантском вагоне. Месть! Он на своей шкуре испытал, что работа в разведке капризно изменчива, и нетерпеливо ждал, когда фортуна повернется спиной к Братковскому, чтобы в этот момент нанести ему сокрушительный удар.

Но как раз в это время майор, точно почувствовав что-то, приказал ему отправиться в поездку.

В Ровно имелась оптовая торговая фирма «Збышевский и К°». Обозначенные на ее вывеске торговые дела внутри Польши были фиктивными, а главным ее промыслом был контрабандный ввоз водки в Россию. Но и это было всего лишь прикрытием. Истинным делом фирмы являлся шпионаж в России. Все люди Збышевского были агентами польской разведки. Они уходили через границу действительно с водкой, а возвращались с разведывательными данными... Недавно там же, в Ровно, появились люди из разведки Савинкова, и польская дефензива получила сигнал, что Збышевский вступил с ними в сделку и продает им копии разведдонесений, которые Савинков, в свою очередь, перепродает французской разведке. Эту аферу Збышевского необходимо было тщательно расследовать, чтобы привлечь его к строжайшей ответственности.

Дружиловский пробыл в Ровно три месяца, и ему удалось выяснить, что Збышевский продает разведывательные данные, и не только людям Савинкова. Здесь, у советской границы, орудовали разведки многих стран. Рядом с фирмой Збышевского в маленьком домике помещалось «Бюро международной метеослужбы». Все его сотрудники говорили по-немецки и уверяли, что они озабочены только тем, как получить из России метеорологическую информацию, отсутствие которой мешало-де созданию европейской карты погоды. Здесь действовал «Инициативный комитет по сближению

религий», сотрудники которого говорили по-английски. Французский язык преобладал в «Юридическом бюро по реализации претензий лиц, оставивших в России материальные ценности»... Дружиловский установил, что Збышевский был хорошо знаком со всеми этими метеорологами и юристами, впрочем, хозяин конторы этого не скрывал, утверждая, что это помогает ему лучше ориентироваться в обстановке.

Обо всем этом Дружиловский написал донесение в Варшаву, и оно сохранилось в архиве дефензивы. Но что потом случилось с самим Дружиловским, точно установить трудно. Советскому суду он со временем показал, что в апреле был арестован, брошен в тюрьму и что поляки предъявили ему обвинение в связи с советской разведкой. По его словам, расправились с ним за другое. Он подучил жену, и однажды в ответ на хамство Братковского Юла сказала тому, что знает, кто украл перстень у Белянина-Белявского... В дневнике он записал, что в это время болел брюшным тифом и до конца апреля лежал в варшавском госпитале святого Станислава, а когда немного поправился, он был выслан из Польши в вольный город Данциг. У него не было никаких документов, и полиция Данцига собиралась вернуть его обратно в Польшу, но он сумел убежать...

Запись в дневнике похожа на правду больше, так как можно считать установленным, что в последних числах апреля он действительно появился в вольном городе Данциге.

ИЗ ВАРШАВЫ В МОСКВУ. 11 мая 1921 года

«...Таким образом, вы видите, какая многослойная антисоветская клоака воцарилась в польской столице и вблизи наших границ. Находящийся в Ровно шпионский центр резко активизировал свою деятельность. Между прочим, недавно здесь находился ранее интересовавший вас русский офицер Дружиловский.

В Варшаве собрана вся гниль старой России: от титулованных особ до авантюристов. В трогательном единении они в варшавских кабаках поют царский гимн и требуют скорейшего назначения «святого дня расплаты».

Официальная Польша все это поддерживает не только морально, но и материально. Мое прежнее донесение о встрече Пилсудского с Савинковым подтверждено самим Савинковым в его речи перед единомышленниками, которую я слышал. Рижский мирный договор перестал быть даже ширмой. О нем вообще не вспоминают. Когда в московском протесте по поводу хулиганского нападения на наше посольство был упомянут договор, в газете «Варшав-

ский курьер» было написано, что «договор этот пора бросить в огонь польского патриотизма».

Наши дела не радуют. Мои опасения по поводу возвращения Кейта в Варшаву оправдались — он арестован. Выяснить его судьбу пока не могу. «Ближний», кажется, из-под удара вышел, но, где он сейчас и что с ним, не знаю, получил от него полномочия и связи восемь дней назад.

Хорин».

Резолюция на донесении:

Информировать Наркоминдел. Сведения о Дружиловском внести в его досье.

Сообщить Хорину, что «Ближний» благополучно вернулся домой, шлет ему привет.

Что же это такое — «вольный город Данциг», куда был выслан Дружиловский?

Во французском словаре 1921 года дается следующее пояснение: «Город-республика под протекторатом Лиги Наций». Но нет же такой республики ни на современной карте Европы, ни в учебниках географии! Куда она девалась?.. Уинстон Черчилль однажды публично сказал, что комбинация с Данцигом была не лучшей выдумкой послевоенного времени. Оказывается, этот город-республику кто-то выдумал. Но тогда выходит, что Дружиловского выслали в выдуманную страну?

Чтобы прояснить этот вопрос, придется обратиться к истории... Когда закончилась первая мировая война, империалисты Англии, Франции и Америки начали делить пирог победы. За столом в углу сидела и побежденная Германия.

Версальская грызня была не столько о том, какие репарации должна выплатить Германия победителям, сколько по поводу такой перекройки карты мира, которая устроила бы всех участников этой исторической операции, включая Германию.

Обо всех аспектах Версальского мирного договора написаны книги, нас же сейчас интересует только, как был «придуман» вольный город-республика Данциг...

Во время перекройки европейской карты возник вопрос: что должна получить Польша? Казалось бы, прежде всего следовало, как это было сделано по настоянию Советского Союза после второй мировой войны, вернуть Польше ее исконные западные земли, которыми незаконно владела Германия. Но собравшимися в Версале господами руководил не объективный разум, а волчья алчность тех, кого эти господа представляли за столом переговоров. О воз-

вращении Польше ее исконных земель и речи не было. Но почему не настаивала на этом сама Польша? Да только потому, что послевоенные правители этой страны заняли свои высокие посты с прямого благословения западных держав и были их послушными лакеями. К тому же их заверили, что взамен Польша получит западные районы Белоруссии и Украины. Немцы, в свою очередь, категорически требовали оставить им богатые польские земли, иначе они будут не в силах выплатить репарации, а главное — справиться с революцией. Надо сказать, что во время переговоров немцы очень ловко пользовались угрозой революции как средством, сильно действующим на западных политиков. Но и над Польшей тоже сверкали революционные зарницы, и было общеизвестно страстное стремление поляков получить свои западные земли и Балтийское побережье. Октябрьская революция, отдавшаяся грозным эхом по всему свету, путала карты и нервировала западных политиков...

Но как же все-таки поступить с Польшей? Вот тогда-то и родилась та самая «не лучшая выдумка». Чтобы утешить поляков, их старинный город Гданьск (по-немецки Данциг) отбирают у немцев и объявляют вольным городом-республикой под протекторатом Лиги Наций. Кроме того, полякам предоставляется узкая полоска почти безлюдной земли — этакий коридор, проложенный по их собственным западным землям к кусочку Балтийского побережья. Он так и был назван — «Данцигский коридор». По бокам коридора оставались немцы, которые могли просматривать его с двух сторон. Но польские газеты затрубили во все трубы: «Мы снова морская держава!», «Балтийское море — наше!» и так далее и тому подобное.

Меж тем выдуманный город-республика Данциг стал реальностью. Комиссия Лиги Наций не торопясь разрабатывала его статут, а пока действовало временное положение, которое было похоже на распорядок в раю — в вольном городе все было можно. Однако жители Данцига заметных изменений в своей жизни не обнаружили. Немецкая буржуазия в Данциге тоже не понесла никаких потерь — она как была, так и осталась истинным хозяином города.

Но «вольностью» Данцига немедленно воспользовались западные разведки. Отсюда им было удобно выходить через Польшу к советской границе, проникать в Прибалтийские государства. Данциг был идеальным местом для присмотра за Германией. Находясь здесь, разведывательные центры формально не были подчинены немецким властям и законам. Руководитель германской разведки полковник Николаи признается позже, что вольный Данциг стал тогда для Германии весьма беспокойным городом...

Но посмотрите, как везет Дружиловскому.

Куда бы его ни занесло, его уже ждет благоприятная обстановка.

Глава десятая

Он, задыхаясь, бежал по ярко освещенному центру Данцига. Огни слепили его, он терял последние силы. Завернув за угол, он привалился к афишной тумбе, открытым ртом судорожно глотал воздух и, как затравленный зверь, озирался по сторонам, с ужасом ожидая увидеть выбегающих из-за угла преследующих его жандармов. И вдруг прямо перед собой, у ярко освещенной, задернутой белой занавеской витрины, он заметил маленькую вывеску, на которой разобрал только два слова: «американских услуг». Затравленное его сознание обожгла надежда, он оттолкнулся от тумбы и рванулся к двери.

Над его головой мягко звякнул звонок, и он шагнул в яркий свет, в покойную тишину и пряный запах дорогой сигары.

За столом сидел бородатый господин с газетой в руках.

Помещение было похоже на контору. На стене, вдоль которой стояли стулья в белых чехлах, висел огромный красочный плакат, рекламирующий поездку из Европы в Америку на океанском пароходе, а напротив — карта обоих полушарий, занимавшая всю стену.

Дружиловский очень отчетливо увидел все это и стоял, тяжело, хрипло дыша.

Спокойно, медленно опустив газету, господин посмотрел на Дружиловского и спросил по-немецки:

— Что вам угодно?

— Спасите меня!.. Меня хотят убить...

— Вы русский? — спросил господин по-русски.

— Да... да... я бежал от поляков... я у них работал... я много знаю...— постепенно его сознание прояснилось, он напряженно смотрел на бородатого господина.— За мной гонятся... Они меня убьют...

— Успокойтесь, здесь вы в безопасности.— Господин положил сигару в пепельницу, встал, неторопливо подошел к двери, запер ее ключом и погасил яркий верхний свет.— Идемте.

В заднем помещении конторы, очевидно жилом, господин открыл дверь в ванную комнату и зажег там свет:

— Приведите себя в порядок, потом поговорим.

Пока Дружиловский там умывается, мы выясним, кто этот господин со светлой густой бородкой. Его фамилия Бенстед, но он из русских эмигрантов, в дореволюционном Петрограде его имя

мелькало в газетных отчетах о различных приемах в министерстве иностранных дел, где он занимал какой-то пост. Он исчез из России сразу после Февральской революции и спустя два года объявился в Польше, где работал в разведке. Любопытно, что там вместе с ним оказался и другой русский государственный чиновник, Беляниn-Белявский. Да, да, тот самый, в доме которого майор Братковский стащил дорогой перстень с бриллиантом — ну и тесен же мир, в самом деле... Оба они не удержались от соблазна рассказать о краже близким друзьям, и о ней заговорили в Варшаве. Вскоре Братковский подстроил им ловушку, их обвинили в служебном преступлении. По приговору существовавшего при дефензиве офицерского суда они были высланы из Польши. Обосновавшись здесь, в вольном городе Данциге, Белянин-Белявский занимался частной адвокатурой, а Бенстед управлял конторой под названием «Бюро транзитных европейско-американских услуг». Они работали теперь на немецкую разведку и с особым удовольствием и старанием делали все, что могло насолить их бывшим польским начальникам. Так что Дружиловского не иначе как осенило, когда он ринулся в двери этой конторы.

Сколько раз в жизни у него так было! Кажется, конец... все... И нет... Все снова начинается. Злой рок роком, а есть вот и это!.. «Все будет хорошо. Америка, господи...» — думал он, торопливо расчесывая волосы на косой пробор. Постояв немного, чтобы успокоить дыхание, он вышел из ванной.

Бенстед ждал его за столом, где стояло блюдо с бутербродами и большой чашкой кофе.

— Подкрепляйтесь и рассказывайте, кто вы и что с вами происходит.

Он рассказал почти всю правду. Умолчал только об истории с поджогом гатчинского ангара и о том, как кончилась его работа в Риге. Когда дело дошло до Польши, он рассказал о покупке писем у Швейцера, о том, как они вместе с полковником Степиным побывали у Савинкова и у братьев Балаховичей, ну и, наконец, о шпионской конторе Збышевского в Ровно... Бенстед заинтересовался Збышевским, задал несколько вопросов и, получив ответ, спросил:

— Ну а почему же вы бежали оттуда? Почему они гнались за вами?

— Гнались местные жандармы, поляки выбросили меня сюда без документов.

— А за что, за что выбросили? Вы же работали вполне нормально?

— Было в моей работе и плохое...— сознался он.— Однажды потерял объект наблюдения, в другой раз...

— Без плохого не бывает,— перебил Бенстед.

— Они меня возненавидели.

— Не очень понятно за что,— заметил Бенстед.

— Была у меня еще одна история,— негромко сказал Дружиловский, помолчал, колеблясь, и наконец сказал: — Мне стало известно, что один мой начальник украл драгоценную вещь.

— Вот как? Кто именно? — Бенстед был поражен. Да, мир удивительно тесен.

— Братковский... майор Братковский... Я решил отомстить ему за все и подучил свою жену сказать ему, что мы знаем про эту кражу.

— Шаг смелый, если не безрассудный,— сказал Бенстед, поглаживая свою волнистую бороду.— А чем занималась ваша жена?

— Тем же, что и я.

— Ее они не тронули?

— Почему-то нет.

Бенстед решал: не пригодится ли этот человек немцам? Его непосредственный начальник в Берлине доктор Ротт не раз просил присылать ему русских, которых не знают эмигрантские круги в Германии. Может, пригодится и оставшаяся в Польше его жена?

Дружиловский точно подслушал его мысли и сказал:

— Мне бы только добраться до Берлина, там у меня есть знакомые.

— Кто?

— Господа Зиверт... Орлов...— он назвал имена двух бывших русских офицеров, бегло знакомых ему по Ревелю, которые уехали оттуда в Германию.

Бенстед отлично знал и того и другого, оба они теперь работали в немецкой разведке.

— У вас есть какие-нибудь документы?

— Никаких,— ответил Дружиловский, открыто и преданно смотря на своего спасителя.

— Это плохо, сами понимаете...

Но Бенстед разрешил ему переночевать в конторе. А утром Дружиловский по его совету пошел к бывшему русскому консулу Островскому, чтобы попросить у него справку о своей принадлежности к русской армии.

— Какой осел прислал вас ко мне? — высоким голосом кричал консул, отжимая Дружиловского к дверям.— Я сам бы хотел иметь справку, кто я такой. Я консул императорской России, но вы мне скажите: где мой император? Или, может быть, вы думаете, что я консул господина Ленина? — Он брызгал на Дружиловского

слюной н все оттеснял его к двери, пока тот не очутился иа лестиице.

Дружиловский вернулся к Бенстеду и рассказал о своей неудаче. Но тот сам хорошо знал консула, другого результата ие ждал — ему пока важно было только убедиться, что Дружиловский ие побоялся добиваться этой справкн.

— Тогда мы сделаем вот что,— Бенстед протянул Дружиловскому лист бумаги.— Это адрес геиерала Лебедева, который хорошо зиал и петроградский гарнизои, и окруженне геиерала Юдеиича. Назовите ему известиых вам офицеров и своих иепосредствеииых комаидиров по службе в Гатчиие и Ревеле, словом, докажите ему свою принадлежность к офицерству, н пусть он подтвердит ее письменио.

Генерал Лебедев жнл в малеиьком номере гостиницы. Он был пьян или в тяжком похмелье. Его всклочеииые бакеибарды торчали в стороиы. Грязиый шелковый халат разошелся иа громадиом, обвисшем животе.

Дружиловский долго втолковывал, зачем пришел, н, когда ему показалось, что геиерал накоиец все понял, начал рассказывать, где служил до революции и что с ним было потом.

Геиерал слушал, тупо уставившись иа иего рачьимн глазами, ио, когда Дружиловский заговорнл о Ревеле, геиерал вдруг ожнвился, в глазах его появился какой-то злой иитерес. Дружиловский замолчал.

— Один вопрос,— снпло сказал генерал,— это ие вы ли написали в газетеике Булак-Балаховича о казнокрадах нз штаба Юдеинча?

— Да, я,— радостно подтвердил Дружиловский.

— Вон! Вон, пасквилянт! Убью! — генерал оглядывался по сторонам, точно искал, что схватить в руки. Дружиловский пробкой вылетел из иомера.

Уже на улице он вспомнил, что генерал Лебедев был однHм из героев его фельетона.

То, что произошло, по сутн дела, было хорошим подтверждеиием его личности, ио закончить на этом проверку Бенстед не мог...

— Ну что ж, тогда не взыщнте,— развел ои руками.— Ничего ие могу для вас сделать. В наш век верить иа слово было бы безумием. Вы видели, я хотел помочь вам.

— Я благодарен,— с убитым видом произиес Дружиловский.

— Могу дать только однн совет,— продолжал Беистед,— попытайтесь устроиться куда-нибудь и ищнте зиакомых здесь, в Данциге. Другого выхода у вас нет. Когда появится хоть какоеиибудь подтверждение вашей личиости, приходите ко мие, я помогу в отиошеиии Берлнна.

Дружнловского прннял на работу хозяин пивной иа окраиие Данцига. С утра до вечера ои разносил по столам пиво, а когда пивная закрывалась, мыл посуду. Как только выдавался свободиый час, он бежал в центр города н болтался там в иадежде встретнть зиакомого. Но дии шли, недели, никаких зиакомых ои найти не мог, н все шло по-старому. Надо было что-то делать, ие влачить же это мерзопакостиое существование. Надо было самому искать путь в прилнчную, достойиую жизнь.

В пивиой он познакомился с ннтересным человеком. Тот имел румынский паспорт, докумеиты стюарда французского торгового флота, а бежал нз польской тюрьмы. Он рассказал Дружнловскому, что раиьше был фокусинком, выступал на эстраде. Во всяком случае, карточиые фокусы ои показывал потрясающе и этим сейчас зарабатывал на жнзиь. Он предложил создать шулерский дуэт, в котором Дружиловскому отводилась роль подсадной утки. Оии уже иачали репетировать и даже успешио провели пробиую гастроль в одном нз портовых кабаков. Фокусинк плаиировал прикопить деиег и ехать во Фраицию, сулил большие заработки. Дружиловский побаивался, ио дело все же шло к тому, что придется прииять предложеиие фокусннка.

И вдруг однажды вечером хозяин пивиой зовет его к телефону...

Бенстед н Белянии-Белявскнй все это время не забывалн о Дружнловском. Их тревожнло высказанное Беляииным подозрение, ие подсовывает ли подпоручика сама польская разведка.

В коиторе его ждали Беистед и инзкорослый толстяк с наголо бритой головой н добродушиым лицом. Одиако его маленькие серые глаза, точио буравчики, сверлилн собеседннка, начисто смывая ощущение добродушия. Хозяин конторы представил его, ие называя фамилии, как человека, который хочет н может помочь.

— Вы должиы доказать, что вы не агеит Польши,— сказал толстяк н воткиул буравчики в смятенную душу Дружнловского.

— Ну как я могу это доказать? — уныло спроснл ои н отвел глаза.

— Поступком. Вы бывали в здешнем польском консульстве?

— Это еще зачем? — Дружиловский насторожнлся.

— Дело мы прндумаем.

— Нет, туда я не пойду,— решительно заявил Дружиловскнй. Он подумал, что его хотят отдать в беспощадные руки польской дефензивы.

Собеседник, очевндно, угадал ход его мыслей.

— Сейчас вы поймете, что я ни в чем не могу содействовать польской разведке,— сказал толстяк.— Я Беляинн-Белявскнй.

— Не может быть! — отшатнулся Дружнловскнй.

— Это доказать легко — в отличне от вас у меня есть доку-

менты.— Белянин улыбнулся, а его буравчикн вонзались все глубже.— Так что, еслн вы рассказали о себе правду н вам действительно прншлось пострадать из-за драгоценностей моей жены, я должен выразить вам сочувствне. А вы просто обязаны мне верить.

— Я верю,— тнхо произиес Дружиловский, озадаченно покачивая головой.

— Вам надо посетить польское коисульство,— пронзнес Беляннн.

— Но неужели вы больше никак не можете меня провернть?— взмолился Дружнловскнй.

— Дело не только в нашей проверке.

— Они меня схватят,— заскулил он.

— Господин Дружиловский, иельзя же так,— рассердился Беляини.— Выслушайте сиачала,.. илн возвращайтесь в свою пнвиую.

— Я слушаю,— покорно кивиул он, прнкрыв рукой вздрагнвающие усики.

— Вы пойдете в коисульство и добьетесь, чтобы вас прииял господнн Кучковскнй! — энергично начал Беляннн.— Запомните — имеино Кучковский. Мы с ним хорошо знакомы. Ои ведает защнтой матернальных нитересов поляков в Германин. Вы прндете к нему в качестве русского подданного, имеющего наследственное право на некое имущество в Польше. Ннкаких подробностей не надо, вы вообще пришли только выясинть, как вам надо поступать. Он скажет, что в его функции ваше дело не входнт. Может быть, он посоветует идти к русскому консулу. Вы скажете, что уже былн там н консул отказался помочь. В общем, вам надо всячески затягнвать разговор.

Дружнловский понимающе качал головой, он начал поиемногу успокаиваться.

— Какой фамнлней мне назваться? — спросил он.

— Вы назовете свою фамнлию,— ответил Белянни.— Это не играет ровно ннкакой ролн, н вообще, то, что я сказал, только предлог. Вы должны, уловив момент, взять со стола Кучковского какую-ннбудь бумагу... документ... Это нам необходнмо с господнном Бенстедом.

Глаза у Дружиловского округлилнсь.

— Как это взять?

Белянин тяжело вздохнул н откииулся на спинку кресла.

— Послушайте, господни Дружнловскнй... Вы связали свою судьбу с работой, где таких вопросов ие задают. Взять — это значнт взять. Особеино если вы действительио хотите уехать в Германню.

— А еслн не будет... такого момеита? — спроснл Дружиловскнй.

— А если будет? — повыснл голос Беляиии.

Дружиловскнй поиял — сейчас решается его судьба и другого такого момеита ему ие представнтся.

— Бумажку брать все равно какую? — спроснл он.

— Лю-бу-ю,— ответил Беляиии.— Нам важиа зацепка за любой документ консульства.

Сотрудник польского консульства Кучковскнй был ие только хорошим зиакомым Беляннна, ио н агеитом иемецкой разведки, так что иет инчего удивительиого, что он не только создал удобиый момент, ио и положнл иа столе поближе к Дружиловскому какой-то документ.

Дружиловский пряннес его в коитору Беистеда.

— Ну, видите? Прекрасио сработаиная операция, и иичего страшиого,— сказал Беляиии и, ие читая, спрятал документ в стол.

Не остыв от страха, пережнтого в польском коисульстве, Дружнловскнй иеуверенио улыбался. Ладоии у иего еще и сейчас были влажиые.

— Едниственый промах в операцни — это то, что вы иазвались своим иастоящим имеием, ио это уже моя ошнбка...— сказал Беистед.— Но даже еслн онн засеклн вашу фамнлию н стаиут наводнть справкн, оин ие смогут ничего сделать, вы будете уже в Берлиие.

Накаиуие отъезда ои зашел к Беистеду, который дал ему иемиого деиег и сказал:

— В Берлнне сразу же идите в мнннстерство ниостранных дел. Запомннте: комната семнадцать, доктор Ротт.

Дружнловского встретил летиий Берлнн — солнечный, чистенькнй. Было утро, пышная зелень скрывала массивиые угрюмые дома, бросала густую теиь иа торцовые мостовые. По шнрокой Уитер-деи-Лниден в обе стороиы катнлн автомобили, кареты. Торопнлнсь иа службу чиновинки — все в черном, одниаковые, точно их где-то отштамповалн. Шли стайками гнмиазнсты, тоже в одииаковой форме, с лакироваинымн раицамн за спииой. Со скрежетом подннмались железиые шторы магазнннных внтрнн. Прошел отряд полнцейских, аккуратная черная колонна ритмнчно покачнвалась, двигаясь по середиие улицы, а иа трубах шедшего впереднн оркестра сияло солнце.

Дружнловскнй в приподиятом иастроеини шел по городу, сиова ощущая себя иеобходимым. Он уже был увереи, что все будет хорошо: немцы иарод серьезный, воспитанный, оии иикогда не позволят себе подлости — сам подлец, ои больше всего боялся подлости других.

Сидевший за столом в вестибюле министерства иностранных дел дежурный сотрудник был отменно вежлив. Узнав, к кому пришел Дружиловский, он немедленно переговорил по телефону и, положив трубку, сказал почтительно:

— Доктор Ротт ждет вас.

На втором этаже другой человек провел Дружиловского до двери в комнату номер семнадцать.

— Сюда, пожалуйста.

Доктор Ротт — высокий, с удлиненной лысой головой, поперек темени были аккуратно уложены реденькие белые волосы — поднялся навстречу, поздоровался с Дружиловским и, указав на кресло, вернулся за массивный стол, на котором, кроме чернильницы и пресс-папье, не было ни листка бумаги.

«Я здесь нужен»,— повторил про себя Дружиловский, чтобы успокоиться. Он выжидательно и преданно глядел на немца.

— Нам следует познакомиться,— тусклым голосом произнес доктор Ротт.— Расскажите о себе, пожалуйста.

Дружиловский напряг все свое внимание и начал рассказывать... Он понимал, что самый опасный момент — его плохая осведомленность о делах дефензивы.

Но доктор Ротт сразу это почувствовал и, воспользовавшись первой же паузой, сказал мягко:

— Чуть подробнее, пожалуйста.

Дружиловский начал врать, он решил, что немцам не так-то легко проконтролировать полет его фантазии. Для начала он взял самую острую для немцев тему — связь дефензивы с французской «Сюрте Женераль». В Ровно у него были на этот счет некоторые наблюдения.

Дружиловский говорил долго, с ужасом чувствуя, что выдыхается.

— Хорошо. Довольно,— сказал доктор Ротт.— Наше знакомство состоялось, теперь с вами поговорят другие.

Дружиловского свезли на Доротеяштрассе. Там в доме, похожем на жилой, с ним говорили двое, и это был совсем не допрос, а беседа, и, как показалось ему, несущественная. Он ошибался — с ним говорили опытнейшие разведчики, которым этого краткого разговора было вполне достаточно для безошибочного вывода: они имеют дело с человеком довольно ограниченных возможностей. И все же было решено, что его можно использовать,— русские агенты, да еще с некоторым опытом, нужны. Но не следует, однако, торопиться, сначала надо его проверить.

Ему предложили поселиться среди русских эмигрантов и систематически давать о них информацию. На другой же день Дружиловский стал обитателем русского общежития под названием

«Станнца». Это была попросту ночлежка, только иа немецкий лад. Здесь было чисто, вместо двухэтажных иар стояли железные кроватн, покрашенные в зеленый цвет, н на каждой висела таблнчка с фамилней постояльца. Это облегчало зиакомство...

Нн одной зиакомой фамилнн он не обнаружнл. Но кого здесь только не было! Официант нз петербургского ресторана «Кавказ». Теперь он поденно работал грузчиком на почте. Дьячок из сестрорецкой церквн — он был уборщиком мусора в большом магазине. Предсказатель будущего из Одессы пытался н здесь восстановить свое дело, ио, пока ие выучнл иемецкнй язык, нзображал глухонемого н нищенствовал, вооружившнсь табличкой, иа которой кто-то напнсал ему по-немецкн: «Русскнй дворяннн, потерявший речь от пыток в большевистском аду». Полицейский чни нз Ростова, отощавшнй от иедоедання верзила с волосатой грудью. Он целыми диями болтался по «Станнце», выпрашнвая у соотечественников еду. У иего было явное помешательство — он все говорил одно н то же: «Россию продали большевикам лнбералы, которые ие далн полнцни выполнить свой святой долг...» Заговорив об этом, он начинал плакать.

Дружнловскнй нсправно поставлял сведеиия обо всей этой публике, хотя не мог поиять, зачем это нужно немцам. На улнцу он старался выходить как можно реже, стеснялся своей мятой н грязной одежды. Правда, это помогло ему сразу прнжиться в «Стаиице» — здесь все имелн такой же вид.

Однажды у входа в «Станнцу» он встретнл своего ревельского зиакомого, господнна Душена. В Эстоиии ои заинмался скупкой цениостей у русскнх эмнгрантов, а позже открыл оптовую торговлю, и Дружнловский покупал у иего бумагу на изданне своего бюллетеия.

Душен узнал своего ревельского клиента н радостно его приветствовал.

— Все настоящие люди здесь, а ие в вонючем Париже,— сказал ои, крепко пожимая руку Дружиловского.— А я теперь ваш коикурент, нздаю тут русскую газету «Накануне». Не хотнте ли иапнсать что-ннбудь?

Дружнловский немедленно доложнл об этой встрече немцам н спустя иеделю с разрешения доктора Ротта прннес Душену свою статью о грязиых делах польской разведки. Ничего особеиио важного в ней ие было, одиако проскальзывалн иамекн, будто автор знает гораздо больше, а сейчас делнтся с чнтателямн лишь малой толикой.

У доктора Ротта расчет был такой: не заволнуются лн, прочитав эту статью, в польской разведке н не решат ли снова прнголубить своего беглого агеита? Еслн это случится, Дружнловский станет

очень полезен в качестве информатора, а потом к нему можно будет пристегнуть и его жену.

Одновременно доктор Ротт решил получше прощупать и самого Дружиловского. Это было поручено русским агентам, князю Оболенскому, который, как выяснилось, знал Дружиловского по Ревелю, и Андреевскому, содержавшему в Берлине «Бюро газетных вырезок». И вот спустя несколько дней у Дружиловского на улице произошла «случайная» встреча с Оболенским.

Подпоручик хорошо его помнил по ревельским кабакам — князь явно волочился за Юлой.

Сейчас Оболенский выглядел вполне респектабельно. На нем был хороший светло-серый костюм, на голове — соломенное канотье, в руке трость с набалдашником слоновой кости в виде бульдожьей головы.

— Бог мой, кого я вижу! — князь распахнул руки, точно боялся, что Дружиловский пройдет мимо.— Здравствуйте! Здравствуйте! Гора с горой не сходится, а русские люди всегда сойдутся! Как я рад! Читал, читал вас в нашей здешней газете, но не думал, что вы в Берлине! Ничего хорошего я от поляков никогда не ждал! Ваша статья подтвердила мое мнение! Но бог все-таки есть, и он надоумил меня избрать для утренней прогулки именно эту улицу! Замечательно! Великолепная удача!

Дружиловский слушал князя, натянуто улыбаясь,— с чего бы это он так возрадовался? Но его сиятельство и в Ревеле славился своей болтливостью и даже имел прозвище «голубой тетерев».

— Как поживает ваша красавица жена? — не умолкал Оболенский.— Ах, ее нет в Берлине? Какая жалость! Она могла бы украсить этот скучный город. Она истинная русская красавица, какими славен наш Петербург.

Князь еще долго говорил, и Дружиловский мало-помалу успокоился и даже спросил, не может ли князь найти ему хорошую работу...

Оболенский оглядел его с ног до головы и сказал:

— Что значит могу? Я счастлив помочь вам. Сейчас же! Но, миль пардон, вы одеты не для хорошей работы...

— Увы, мой гардероб достался полякам,— грустно улыбнулся Дружиловский.

Князь посмотрел на часы и решительно взял его под руку.

— Идемте! Я сведу вас к одному замечательному человеку, нашему соотечественнику. Он как раз ваш коллега по газетной части и добрейшей души человек. Я уверен, он поможет вам. Это истинно русский человек, идемте к нему, идемте.

— Я его не знаю? — осторожно спросил Дружиловский.

— Вряд ли. Это Николай Михайлович Андреевский. До рево-

люции у него с военными не было никаких связей, а из России прямо сюда он бежал еще при Керенском. А вообще-то он историк, вел курс в Смольном институте. И возможно, именно знание истории помогло ему понять раньше других, что России уже нет. А вы-то, вы-то, помнится, хлебнули горя в красном аду. Но зато теперь вы можете считаться специалистом по большевикам. Вы же их видели, не так ли?

Вскоре они подошли к скромному двухэтажному дому.

Андреевский — маленького роста, сухонький, очень подвижный, седой, но с моложавым розовым лицом — провел гостей в большую комнату, весь пол которой был усеян обрезками газетных полос. На двух столах возвышались вороха газет и журналов, среди которых Дружиловский не без удивления увидел названия большевистских газет «Правда» и «Известия».

— Милейший Николай Михайлович, я привел к тебе симпатичнейшую личность,— журчал меж тем Оболенский.— Между прочим, в Ревеле он тоже занимался газетой. Не так ли, Сергей Михайлович, было ведь и такое?

— Да, я издавал в Ревеле бюллетень,— скромно подтвердил Дружиловский.

— Ну вот видите? — продолжал князь.— Я же знал, кого и к кому веду. А Николай Михайлович занят потрясающе интересной работой, он разработал теорию о том, что большевики в России неизбежно подорвут сами себя. Ведь так, Николай Михайлович?

— Похоже,— снисходительно улыбнулся Андреевский.

Он действительно оказался добрейшим человеком, предложил Дружиловскому сотрудничать в его бюро, подарил ему свой совсем еще хороший костюм.

Андреевский доказывал неминуемую гибель большевизма в России с помощью газетных вырезок, в которых говорилось о всяких неполадках в советской жизни. Вырезки переводились на немецкий и французский языки и в копиях рассылались правительствам, политическим деятелям европейских стран и редакциям газет.

Дружиловский помогал делать вырезки и вести картотеку, работа ему нравилась, снова казалось, что он занимается настоящей политикой. Спал он на газетах в той же комнате, где они работали, но он был счастлив, что вырвался из ночлежки...

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 13 июля 1923 года

«Случившееся со мной в Польше вы уже знаете, но все хорошо, что хорошо кончается. Спасибо за предупреждение, я и сам понимаю, что, находясь здесь, мне нужно остерегаться поляков. Однако эта ситуация не так уже тревожна — в конце концов,

они, не имея против меня своих данных, поверили мне и просто выслали меня, а то, что будет здесь моим прикрытием, только подтвердит мое алиби. Так что, не стоит ли мне при необходимости пойти на сближение и с ними?

Продолжаю ориентироваться. Здесь оказался мой давний знакомый по Белграду, морской офицер Павлов, который возглавляет какое-то объединение русских офицеров. Встретил он меня очень дружелюбно. Зовет работать с ним, но я пока держусь пассивно и даю ему понять, что могу устроиться где-то еще. Когда я спросил, не лучше ли мне обосноваться в Париже, он сказал: «Неужели вы не понимаете, что Германия сейчас единственный удобный плацдарм для политической борьбы во всемирном масштабе?» И далее: «Именно здесь сейчас концентрируются самые активные политические силы Европы и даже Америки, и именно здесь сейчас заквашивается будущее Европы и нашей с вами России». В порядке примера рассказал, что он знаком с каким-то поляком, который занимается здесь ни более ни менее как вовлечением Америки в войну против Советского Союза. Павлов убежден, что все решается здесь, а не в прогнившем Париже, где собрался весь балласт России. Любопытно, что Павлов брезгливо относится к деятельности в Германии иностранных разведок, но все же считает это частью общеполитической борьбы, в которой себе он отводит некую более возвышенную роль.

Организация, которой руководит Павлов, называется «Братство белого креста». В нее входят офицеры главным образом аристократического происхождения. Политическая программа братства пока мне не совсем ясна, но в главном она, конечно, контрреволюционная. Это только одно из русских объединений, имеющихся в Берлине.

Снял комнату со столом в немецкой интеллигентной семье. Отец погиб на фронте во Франции, отсюда в семье ненависть ко всему французскому. До войны отец работал директором гимназии, был призван только в шестнадцатом году. Остались мать, двое сыновей — 18 и 16 лет, сестра матери — врач, ее муж — чиновник городского магистрата, социал-демократ. Я для них офицер царской армии, эмигрант. Раньше семья жила неплохо. Сейчас победнее, особенно в смысле питания. Но когда говорят о Версале, клянут Францию не за то, что стали жить хуже, а за то, что у Германии отнято право быть великой державой. О своих левых говорят — «они не немцы» и добавляют: «Вы, как никто, убедились, что красные могут погубить государство». В ближайшие дни даю Павлову согласие работать в его братстве...

Кейт».

Резолюция на донесении:

Сообщить Кейту, что его работа одобряется.

Глава одиннадцатая

В канун нового, 1923 года газета немецких коммунистов «Роте фане» писала: «Изголодавшиеся господа социал-демократы призвали на помощь... мистику. Прожитое десятилетие они назвали временем непрерывных ударов судьбы. На самом деле мы пережили десятилетие непрерывных предательств нации магнатами Рура и их политическими лакеями, и прежде всего их самыми верными слугами, господами социал-демократами, так что мистическая судьба на сей раз имеет имена и фамилии широко и печально известных лиц и их столь же реальные грязные и кровавые действия с двумя, также конкретными целями: обогащение капиталистов и порабощение нации».

Действительно, за это десятилетие Германия пережила столько, сколько не выпадало ей за всю предыдущую историю.

Война.

Поражение.

Крушение империи.

Революция и ее кровавое подавление.

Версальский мир, отнявший статут великой державы.

Раппальский договор — Советская Россия установила дипломатические отношения с Германией. Страна коммунистов (единственная) признала за Германией право на самостоятельную государственность и отказалась от репараций, которые Германия должна была выплатить ей по Версальскому договору.

Коммунистические рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии. Их разгром.

Вооруженное восстание рабочих в Гамбурге под руководством Тельмана.

Фашистский путч в Мюнхене. Появление Гитлера. Провал путча.

«План Дауэса» — сговор англо-американских капиталистов с немецкими о полном подчинении германской экономики иностранному капиталу...

Таков неполный перечень событий, потрясавших в это десятилетие страну прославленного порядка и организованности. По выражению немецкого писателя Эриха Ремарка, немцы в двадцатые годы чувствовали себя пассажирами поезда, который мчится в никуда.

Однако политики Германии прекрасно знали, куда мчится немецкий поезд. Это знали лидеры социал-демократии, которые за истекшее десятилетие продали все, что только могли, и прежде всего свои души и совесть. В. И. Ленин писал тогда:

«...Пока немецкие рабочие терпят у власти предателей социализма, негодяев и лакеев буржуазии, Шейдеманов и всю их партию, до тех пор о спасении немецкого народа не может быть и речи». А президент Америки Вильсон по случаю успешного потопления революции в крови прислал сердечное поздравление социал-предателю Эберту. Словом, продажные немецкие политиканы точно знали, кому нужно кланяться и куда они ведут немецкий поезд.

Уинстон Черчилль был доволен происходящим в Германии. На вопрос журналиста, не становится ли Германия снова «тревожным местом планеты», он ответил, что очаг тревоги находится вовсе не в Германии. И хотя он не нашел нужным пояснить, где же находится этот очаг, всем было ясно, что речь шла о первом в мире Советском государстве, которое к этому времени выбросило интервентов, победно завершило гражданскую войну и принялось энергично строить свою экономику.

Революционные взрывы в Германии, которые с таким трудом удавалось подавить, показали великую жизненную силу революционного примера России. Мировая буржуазия шла даже на большие убытки, чтобы помочь немецким капиталистам возродить сильную Германию, исполняющую роль надежного заслона от страны большевиков. Германия превращается в главный плацдарм борьбы с коммунизмом. Эту борьбу тот же Черчилль назвал длительным и дальнобойным обстрелом самих перспектив коммунистической экспансии.

В это время в Берлине находился известный английский шпион, «специалист по России», Сидней Рейли. Чем он здесь занимался, мы узнаем, прочитав довольно пространную выдержку из его берлинского письма Борису Савинкову в Париж:

«Собирался пробыть здесь 2—3 дня, а завяз на целую неделю и, судя по настроению моих патронов в Лондоне, задержусь еще... Все тут крайне интересно. Такое впечатление, что Берлин стал котлом, в котором варится будущее человечества. Кто только не суетится возле котла! Какие только специи не бросаются в варево! У каждого свой рецепт, как сварить повкуснее. Хлопочут у котла и ваши соотечественники, но о них чуть позже. Что же касается хозяина котла господина немца, то он, достаточно перепуганный своей революцией, по-видимому, уже успокоился и весьма доволен, что сбежалось столько помощников со своими продуктами. Розовенький, чистенький, он знай подкидывает поленья в огонь

н прнговарнвает: давайте старайтесь, за вкус не ручаюсь, но горячо будет...

А еслн серьезно, дорогой Борнс Внкторовнч, то здесь сейчас, может быть, самое актнвное место на всей нашей пассивной земле, н думается мне, что н нам с вамн следует обратнть сюда еслн не нашн надежды, то хотя бы вннманне. Не хочу, не нмею права, не достонн вам советовать, но не следует лн вашу газету перебазнровать в Берлнн? Во-первых, на нее было бы обращено большое вннманне снльных мнра сего. Во-вторых, ее нзданне здесь обходнлось бы втрое дешевле н делалось бы оно лучше, респектабельней, по-немецкн, однмм словом, а главное — здесь господнн Ф. * н его соратннкн не подвергалнсь бы воздействню гннлостных мназмов варшавского болота. Ведь стонло вам самому перебраться в Парнж, как вы, по вашему же прнзнанню, вдохнулн свежнй воздух н обрелн новые надежды.

О вашнх соотечественннках. Онн не чета своим варшавскнм н даже парнжскнм собратьям. Онн здесь актнвны н лншены нллюзнй о созданин роты ннвалндов для разгрома большевнков. Онн трезво поннмают свое место н свон возможностн. Я установнл контакт кое с кем нз ннх, н мы уже делаем нечто весьма конкретное, что доставнт большевнкам, по крайней мере, крупные непрнятностн. Что нменно, буду в Парнже, расскажу, но уверен, вы одобрнте н самн прндумаете что-ннбудь еще более эффектное.

Не знаете лн вы по Росснн нлн по более позднему временн такого господнна — Геральд Ивановнч Знверт? (Какое смешное соедненне англнйского, русского н немецкого!) В нашей, конечно же, образцовой картотеке его не оказалось. Впрочем, фнгура он явно немецкая, чего он н не скрывает, нбо это в конечном счете не нмеет ннкакого значення — у котла все действуют плечом к плечу. У него здесь офнцнально апробнрованное предпрнятне под названнем «Дейче остпрессбюро». Я хотел бы подобраться к нему поблнже, но для этого надо бы узнать о его шефе хоть самую малость. Прнпомннте, дорогой Борнс Внкторовнч... Другая актнвная фнгура — Владнмнр Орлов, о котором я не раз говорнл вам как об актнвном н надежном антнбольшевнке н даже рекомендовал его вам. В случае какнх-ннбудь вашнх шагов в направленнн Берлнна на этого человека можно надежно опереться. Здесь он врос прочно. У него контора, которая согласно вывеске заннмается чем угодно, вплоть до бракоразводных дел. Но главное его дело — расторженне брака Росснн с большевнкамн. Человек он очень серьезный, еднственная его беда — любнт выпнть. Он

* Философов — редактор савинковской газеты «За свободу», выходившей в Варшаве.

работал в коитрразведке Враигеля, и сниоднк его вииы перед большевиками столь велнк, что в этом человеке можно ие сомиеваться, для иего альтериатнва ясна — нли он, илн большевнки. Вот с ннм-то я н предпрннял то конкретное дело, о котором сказаио выше...»

. . . .

Дружиловский появляется в Берлнне в это же время. Пока он в здешией обстановке как следует еще ие разобрался, однако июхом чует благопрнятный воздух. Вот что ои записывает в это время в своем дневннке:

«Вдруг подумалось: братцы, я же средн немцев, среди нскоиных, заклятых н смертельиых врагов Россин, как втемяшивал нам в головы в школе прапорщиков штабс-капнтан Козлов. Но ие находится ли где-то здесь н сам побориик святой Русн штабс-капитан Козлов? Тут до черта подобиых ему, н все онн кормятся при иемцах. А все ж как подумаешь, страшновато делается. Но Андреевский, мой добрый покровитель, говорит, что все на белом свете так перемешалось, что в этой бурде сразу не разберешься, кто черт, а кто аигел.

Сам я постепеино налажнваюсь. Дело уже нмею н уповаю иа лучшее. И уже вижу — иемец лучше поляка. Про тех как вспомню, жуть пробнрает, ведь там я не знал ин одиого типа, которому мог бы довериться. Разве только Ляхницкнй, да н тот, наверио, только потому, что сам сндит по горло в дерьме н боится пошевелнться. А иемцы — сразу видио — аккуратнсты: гут морген, аухвндерзейн, а посередке — дело. И иикакого тебе подвоха. Буду для ннх хорошо работать, буду нметь и уваженне, а пока чувствую себя как жеребенок, которого первый раз вывели иа поводке иа первый бег по кругу. Ничего, наберу нноходь, глядишь, оии иа меня н поставят».

Да, он еще робеет малость, ио ои уже надеется. И он совсем не первый беглый русский, нашедшнй приют в Берлние. Здесь уже действовало иемало таких же, как он, только кое-кто нз ннх был поумней да половчей.

Посмотрим, к прнмеру, что это за «Дейче остпрессбюро», о котором упомннает в своем пнсьме Снднеи Рейли...

Действительно, контора под этим изваинем была офицнально зарегистрнрована в берлниском полицей-президиуме, где ее предназиачеиие было сформулировано так: «Изученне и снстематизацня материалов мнровой полнтнкн». Возглавлявшнй бюро Геральд Иваиович Знверт говорнл о своих делах немного яснее: «Я н мое бюро спасаем мнр от коммуиизма». Ни больше н ин меньше. Как же он это делал?

В письме одному из своих подручных, Александру Гаврилову, возглавлявшему венский филиал бюро, Зиверт инструктирует его:

«Меня очень беспокоят твои страхи перед австрийскими властями. Очевидно, ты действуешь неправильно. Австрийские власти не меньше германских и всяких других испытывают смертельный страх перед угрозою коммунистического переворота по образцу и подобию русского. А это значит, что ты и твоя работа должны австрийскими властями одобряться и поддерживаться. Я знаю твое пристрастие к вину и... * и потому советую — заткни горло пробкой... и стань, как я, политиком. В общем, или ты начнешь работать, как мы договаривались, или я дам тебе коленом под зад и найду другого, более серьезного человека, и тогда ты сможешь... быстренько превратиться в труп как в смысле аллегорическом, так и в смысле прямом».

Поскольку Александр Гаврилов вскоре появится в Берлине, следует рассказать, что с ним случилось в Вене после получения столь категорического директивного письма от шефа. Получив это письмо, Гаврилов начал действовать...

Однажды в советское полпредство в Австрии пришел молодой человек, назвавшийся посыльным маленькой типографии. Он принес изготовленные якобы по заказу полпредства образцы служебных бланков и счет за работу. Работники полпредства увидели грубые и безграмотные фальшивки.

Владельцу типографии было официально заявлено, что полпредство вообще никаких бланков в Вене не заказывало.

— Как же так? — удивился он.— Ко мне приходил с заказом ваш человек. Он так и сказал: «Я из советского посольства». Он вручил мне аванс, а получив бланки, сказал, чтобы окончательный счет я предъявил в посольство.

— Вы стали жертвой жулика,— сказали ему.— Единственное место, куда вам следует обратиться,— это полиция.

Владелец типографии так и поступил. В свою очередь, советское представительство сообщило о случившемся в министерство иностранных дел Австрии. История эта попала в печать, поднялся шум, и выяснилось, что в Вене действовала целая шайка изготовителей антисоветских политических фальшивок, в которую входили Гаврилов, Якубович и другие.

Венская газета «Дер таг» в номере от 10 июля писала: «Венская полиция в течение нескольких недель занята аферой фальсификации штемпелей, которая при известных обстоятельствах может получить международное значение. В течение последних

* Письмо подлинное. Отточием заменена грязная брань.

месяцев во всех странах света опубликовывались документы русских учреждений, печати которых фальсифицировались».

Газета «Арбайтер цайтунг»:

«...Случайно стало известно, что двое аферистов заказали штемпеля, которые, по всей очевидности, должны были служить для изготовления направленных против Советской России документов».

Полиция провела официальное расследование деятельности спасителей от коммунизма, но в тюрьме оказался только Гаврилов. В Австрии нашлись облеченные властью лица, которые вывели шайку из-под удара, а Гаврилова спасли потом от суда. Более того, его сообщники вскоре как ни в чем не бывало возобновили в Вене свою грязную деятельность. Уже спустя два месяца Алексей Якубович шлет из Вены бежавшему в Берлин Гаврилову следующее письмо:

«Опять... * не пишешь... ты... Слушай, дело вот в чем: сегодня ко мне пришли от имени атамана Сагайдачного со следующим: можно ли вступить в контакт с германским национальным центром, чтобы получить от них согласие на принципиальное неимение препятствий, что агенты Сагайдачного будут в Германии вербовать для офицерского корпуса украинской крестьянской армии офицеров и унтер-офицеров... немцев, специалистов по газам и летчиков. Если будет выражено принципиальное согласие, то мне предъявят все полномочия и скажут смысл набора...

Предложения те мне дал некий Ив. Кон. Тимофеев, быв. прапор. кор. кораб. офиц. Я его знаю по Севастополю. Он там служил в морской контрразведке. Обмозгуй и пиши, что делать, как поступить, что говорить.

Материал не могу достать и послать, ибо... денег нет. Вообще... привыкни отвечать немедленно на письма. Затем смотри в корень... и гони срочно монету. Крепко целую...

Твой Саня».

Как мы видим, Якубович продолжал «работать» в Вене. Правда, Гаврилов в это время мало чем мог ему помочь и, уж во всяком случае, не мог отозваться на вопль «гони монету!». Перебравшись из Вены в Берлин, он сам оказался в незавидном положении: Зиверт решил, от греха подальше, не брать его в свою «Дейче остпрессбюро» и предложил ему действовать самостоятельно. Создать свое дело Гаврилову не удалось, и он оказался у того же Зиверта на побегушках.

---

* Письмо тоже подлинное.

Но кто же такой сам Геральд Иванович Зиверт? Откуда он взялся?

Отец Зиверта — из прибалтийских немцев, помещик средней руки — мечтал увидеть своего единственного сына военным. Окончив офицерскую школу, Геральд в звании поручика был направлен в штаб 12-й армии, где работал в разведке. Когда началась война, он быстро выдвинулся благодаря тому, что в совершенстве владел немецким языком. Однако происхождение и немецкая фамилия мешали его столь же быстрому продвижению по службе. Мешал и его характер — заносчивость и открытая брезгливость ко всему русскому. В штабе армии его так и звали: «Наш немчик». Когда в конце русско-германской войны немецкая армия генерала Бермонта начала наступление на Ригу, где в это время находился штаб 12-й армии, Зиверт в один прекрасный день исчез. Его еще искали в Риге, а он уже в штабе у немцев докладывал генералу Бермонту о положении дел в покинутой им 12-й армии. Спустя несколько дней он уже начал работать в немецкой военной разведке. Он наверняка сделал бы на этом поприще большую карьеру, если бы не его склонность к авантюризму и чудовищная жадность.

Однажды ночью, взяв штабную машину, он нагрянул в имение курземского богатого помещика Кирха и реквизировал у него «на нужды немецкой армии» золото и драгоценности. Куш был огромный. Ему бы поделиться с кем-нибудь из влиятельного начальства, а он зарыл добытое богатство в землю и стал ждать окончания войны.

Меж тем, опомнившись, Кирх поднял шум и явился в штаб Бермонта, угрожая обратиться с жалобой в Берлин. Генерал Бермонт приказал найти грабителя, и, поскольку Кирх довольно точно описал его внешность и даже автомобиль, все улики сошлись на Зиверте, и он был арестован. Ему грозил расстрел за мародерство.

Кирху было возвращено далеко не все, он и после войны еще вел тяжбу с немецким командованием. Можно только предполагать, что та часть реквизированного богатства, которая не была возвращена помещику, стала платой за жизнь Зиверта, и не только за жизнь, но и за возможность обосноваться в Берлине. Во всяком случае, его «Дейч остпрессбюро» было официально зарегистрировано берлинским полицей-президиумом, и дальнейшая связь Зиверта с этим ведомством была бесспорной.

Худощавый, с реденькими, аккуратно приглаженными золотистыми волосами, с маленькими руками, обсыпанными веснушками, с улыбчивым тонким ртом, суетливый в движениях, быстрый в речи, Зиверт поначалу производил впечатление несерьезного

человека, но это впечатление было обманчивым. Он был умным и хитрым дельцом, отлично понимающим обстановку, умевшим вовремя увидеть и использовать малейшее ее изменение. Всеми своими потрохами принадлежа немецкой разведке, он так сумел поставить себя, что немцы сочли за благо предоставить ему полную свободу действий, включая сюда и связи с другими разведками. Немцы не прогадали — благодаря Зиверту они знали многое.

Позже, когда вокруг Зиверта разразился публичный скандал, берлинская газета напишет о нем, что это был «своеобразный гений политической проституции, сумевший флагом борьбы против большевистской России прикрыть свою службу многим богам политики, причем он информировал всех, и все информировали его. Но не пострадал ли больше всех наш «немецкий бог», который в этой ситуации оказался в роли сутенера?»

Но до поры, когда разразился этот скандал, еще далеко.

Самым сильным и опасным конкурентом Зиверта был Орлов, бывший русский офицер, врангелевский контрразведчик, который тоже имел в Берлине свою контору. Но если Зиверт напрямую был связан с немецкой разведкой, у Орлова главной была связь с англичанами. Немцы об этом знали хотя бы потому, что Орлов работал и на них. И все же они постоянно беспокоились, так как связь с Англией делала Орлова в известной степени независимым и он не торопился сообщать немцам о делах британской разведки в Германии.

Были еще деятели рангом пониже, они не имели собственных контор и поодиночке верно служили своим разноплеменным хозяевам. Князь Оболенский был элементарным немецким шпиком. Петербургский артист Самарин служил курьером в берлинском представительстве английской газеты «Таймс». Главной же его работой было собирать для английской разведки адреса советских граждан, чьи родственники оказались в эмиграции. Бывшему владельцу московской фотографии Мануйлову французская разведка сняла комнату в доме вблизи советского полпредства, и он с утра до темноты фотографировал всех, кто входил или выходил из представительства... Как правило, все эти «одиночки» находились и под контролем немецкой разведки, в это время в ее структуре был специальный «отдел русской агентуры», одним из руководителей которого являлся уже известный нам доктор Ротт.

Доктор Ротт и его сотрудники занялись и Дружиловским... Он в своем дневнике называет себя необъезженным жеребенком, который надеется набрать иноходь. Он еще не понимает, что от него уже мало что зависит — он включен в строгий по-

немецки план, и от него требуется только быть послушным и точным исполнителем.

Немцы учли, что Дружиловский уже занимался изданием газеты, и решили, что в ближайшее время он откроет в Берлине, «свое» русское информационное агентство, для которого было придумано даже название — «Руссина». Непосредственный контроль за деятельностью «Руссины» возлагается на Зиверта, для которого новое агентство станет и своеобразным громоотводом — он будет передавать туда свои наиболее рискованные дела. Об открытии агентства в газетах появится объявление — по расчету доктора Ротта, оно привлечет внимание Орлова, тот наверняка заинтересуется конкурентом. Не позволит ли это внедрить Дружиловского в английские дела Орлова?..

Но пока в отношении Дружиловского действует предыдущий параграф немецкого плана — доктор Ротт все еще надеется, что поляки отзовутся на статью Дружиловского об их разведке, поэтому с агентством «Руссина» ему придется подождать.

Глава двенадцатая

Статья Дружиловского, как и рассчитывал доктор Ротт, встревожила польскую разведку. Майор Братковский пророчил появление новых его статей и требовал самых радикальных мер против проклятого подпоручика. Полковник Матушевский занимал более спокойную позицию — он не без яда говорил, что, если тебя обвиняют в воровстве, стрелять в клеветника опасно, выстрел прозвучит почти признанием вины. По его мнению, следовало не торопиться, посмотреть, как отзовется статья подпоручика, а затем спокойно подумать, как его проучить. Но в это время дефензиву постигла новая неприятность, на этот раз в связи с Юлой Дружиловской. Англичане провели с ее помощью успешную «игру», завершившуюся дипломатическим скандалом. Английский посол в Польше заявил официальный протест против наглых попыток польской разведки проникнуть в архивы посольства. Польская контрразведка без особого труда установила, кто их предал, но Юлы в Варшаве уже не было. Английский резидент заблаговременно переправил ее в Ревель.

Чаша терпения польской разведки переполнилась, и было решено немедленно нанести удар по Дружиловскому. Польский агент в Берлине Моравский получил приказ подстроить подпоручику несчастный случай на улице и денег на это не жалеть. Однако Моравский, получив приказ, немедленно выехал в Варшаву. Он знал, как точно работает берлинская полиция, был уве-

реи, что немецкая коитрразведка мгиовенно разгадает подоплеку «несчастиого случая» и разразнтся новый скаидал. Моравский предложнл другой неожиданный ход.

Доктор Ротт меж тем недоумевал, почему полякн ннчего ие предприиимают после появлення статьи. Прн этом ои ие нсключал предположеиня, что автора ие пощадят: иу что ж, он готов потерять этого средиего агента, получив взамен сильный козырь против польской разведкн. Так нли иначе иужио было ускорнть события, и доктор Ротт отдал распоряжение: Дружнловского изъять из конторы Андреевского, вериуть в общежитие «Стаиица» н устроить в качестве буфетчика в ресторан «Петербург», где часто бывают полякн.

Уже вторую неделю все вечера Дружнловский торчал в табачиом дыму за стойкой, лаялся с официаитами, выслушивал печальиые исповедн эмиграитов. Но нужно было ждать, и он виимательио присматривался к полякам. Он боялся и ждал этой встречи. Если оиа иужиа доктору Ротту, то, зиачнт, нужна и ему. Он записал тогда в своем диевннке: «...Я рисковал уже не раз, и это был риск особо опасный, потому что я действовал одии. А сейчас я рискую, будучи связаи с большнм делом н солидиыми людьми, и от этого не так боязио. В полнтнке для каждого весь вопрос, кто у тебя за спиной. Ведь когда раньше у меия за спиной был майор Братковский, моя судьба была что заяц под дулом охотннка и ие стонла гроша ломаного. Сейчас у меня за спниой доктор Ротт, а с ннм вся Германня — не так-то легко взять меия за горло, не задев всех, кто позади меня. И еслн польская разведка — это баида мелких жулнков без стыда н совести, то здесь это государствеиное, серьезное дело. Любому понятно, что большая полнтика делается не в Варшаве, а здесь. Зиверт правнльио учит: немцы знают, что делают, а ты только выполняй нх приказы, н тогда пойдешь в гору...»

Стоя за прнлавком, Дружнловскнй подолгу смотрел в окио, где в свете уличного фонаря кружился н падал большнми хлопьями снег. Ои не любнл осень и знму, не переиоснл холода, ио сегодия был доволен — публики мало, кто в такую погоду выйдет из дому. Можио даже присесть и, когда хозяии уйдет в свою коиторку, выпнть рюмку коньяку.

С улицы вошел невысокнй мужчниа в желтом кожаном пальто. Он, не раздеваясь, подошел к дальиему коицу буфетной стойкн. Захватнв с полкн водку н рюмку, Дружиловскнй подошел к гостю.

— Нет, нет, этого не требуется,— сказал гость по-русски с польским акцентом. Он вынул из кармана визитную карточку.— По указанному здесь адресу я жду вас завтра в одиннадцать утра. Это нужно в одинаковой степени и вам и нам. До свидания.

«Вацлав Моравский — представительство польского Красного Креста в Берлине. Гарденштрассе, 7»,— было напечатано на визитной карточке по-польски и по-немецки.

Когда Дружиловский закончил читать и поднял голову, человека в кожаном пальто уже не было.

Он позвонил доктору Ротту.

— Прекрасно, обязательно идите,— услышал он довольный голос немца.

— Господин Ротт...— начал он, но его перебили.

— Здесь Берлин, а не Варшава.— Теперь доктор Ротт говорил как обычно, ровно, без интонаций.— Кроме того, мы возьмем ваше свидание под контроль. Наконец, господина Моравского мы хорошо знаем. Если он предложит вам восстановить связь с дефензивой, соглашайтесь, но требуйте хорошей оплаты. Они должны почувствовать, что вы крепко стоите на ногах и можете спокойно послать их ко всем чертям. Вы меня поняли?

— Понял,— озадаченно произнес Дружиловский.

Он отправился к хозяину ресторана и договорился, что завтра утром работать не будет.

На другой день, ровно в одиннадцать часов, он вошел в единственный подъезд трехэтажного дома номер семь по Гарденштрассе.

— К пану Моравскому,— небрежно сказал он поднявшемуся ему навстречу привратнику, и тот показал на дверь здесь же, на первом этаже.

Это было обычное конторское помещение. За длинной низкой перегородкой сидели клерки. Трещала пишущая машинка. На стене висел плакат с изображением скорбной женщины в костюме сестры милосердия. На плакате было написано: «Польский Красный Крест разыскивает во всем мире без вести пропавших поляков».

Моравский вышел ему навстречу с приветливой улыбкой, помог раздеться, предложил кофе, сигару. Он показался Дружиловскому симпатичным.

— Пан Дружиловский, сразу скажу о главном...— мягко начал Моравский.— То, что произошло с вами в Польше, весьма прискорбно,— он глядел на Дружиловского умными, изучающими глазами.— Тем более что причиной всему были далеко не служебные интересы. Виновные строго наказаны, а я приношу вам официальное извинение.

Дружиловский смотрел прищуренными глазами мимо поляка, на висевший за его спиной плакат, изображавший трогательную встречу мужчины и женщины. Они счастливо улыбались. Наверху было написано: «Им помог найти друг друга польский Красный Крест».

Дружиловский был очень серьезен в своем оскорбленном достоинстве — впервые в жизни перед ним извинялись, он и не представлял себе, что это так приятно.

— Согласитесь, что заочное извинение...— начал он.

— Но ведь речь идет о делах служебных,— мягко прервал Моравский и подумал: «Знал бы ты, от чего я тебя спас, не выламывался бы...» Моравский имел подробную характеристику сидевшего перед ним человека и углубляться в разговоры на нравственные темы не находил нужным. Он вынул из стола пухлый пакет и положил его перед Дружиловским: — Здесь все, что причитается вам за время, пока мы не имели с вами связи.

Дружиловский сдвинул брови и поднял верхнюю губу с усиками.

— Затыкаете мне рот?

Моравский наклонился вперед, его доброе смуглое лицо казалось огорченным.

— Зачем вы так разговариваете со мной? — тихо спросил он.

— А с кем же прикажете мне разговаривать? — повысил голос Дружиловский, и в черных его глазах заблестела неподдельная злость.— Вам поручено принести мне извинения, и кому же, как не вам, я должен сказать, как я на это смотрю.

Он говорил и думал: «Все ясно, я нужен этим гадам, они даже боятся меня». Он ожидал сегодня чего угодно, но чтобы перед ним извинялись, да еще одаривали деньгами — такого не придумаешь...

Моравский смотрел на его красивое разгневанное лицо и думал, что майор Братковский ошибается — этот тип совсем не так примитивен.

— Тем не менее неприятно получать подзатыльники за других,— с обиженной улыбкой сказал Моравский.

— Вы имеете возможность передать услышанное Братковскому,— запальчиво ответил Дружиловский и продолжал: — Можете еще сказать ему или кому угодно, что, пока такие люди, как он, работают в вашем ведомстве, от этого дело не выигрывает.

Моравский, помолчав немного, сказал:

— Ему я это не передам...— он подчеркнул интонацией, что кому-то другому передаст, и продолжал: — Тем более что Брат-

ковский больше не нмеет никакого отношеиия ни к вам, нн ко мне. И давайте лучше, как выражаются картежникн, начнем с новой колоды. Не согласны ли вы возобиовить вашу полезную для Польши работу?

Дружиловский долго молчал, хотя думать над ответом не было иеобходимостн. Прнятно было видеть, как Моравскнй ждет.

— Что коикретно вы хотнте от меия? — спроснл он накоиец.

— Считаю ваш вопрос ответом.— Моравскнй подал ему лнст бумаги.

Это был докумеит вербовки Дружиловского, оформлеиный в Ревеле редактором Ляхиицким.

— Я попроснл бы вас еще раз поставнть здесь свою подпнсь и иовую дату,— вкрадчиво произиес Моравский.

Потянув еще немного, Дружнловский вздохнул, взял со стола ручку, распнсался.

— Я рад, что все это позади,— сказал Моравский дружелюбно.— Отиыие только дело, и я уверен, что мы поладнм. Вы по-прежиему связаны с господнном Андреевскнм?

— В нзвестной степеии.

— Насколько иам известио, ои ведет активную перепнску с русскими моиархическимн лндерамн во всем мнре и хорошо осведомлен об нх плаиах в отиошеиии большевнстской Россин. Вы понимаете, как иам важно это знать.

Дружнловскнй наклонил голову.

— Хорошо. Срок?

— Как можно скорее.

— У вас все? — Дружиловский встал, сдержанно поклоиился н направнлся к дверям. Ои не взял пакет с деиьгамн н ждал, когда его остановят.

— Пан Дружиловскнй, вы забылн!...— Моравский встал из-за стола н, как бы взвесив пакет на руке, улыбаясь, сказал: — Такая забывчивость дорого стонт.

— Но мие помог польский Красный Крест,— Дружнловский кнвнул на плакат, небрежно сунул пакет в кармаи н поклонился.

Моравский посмотрел ему вслед, вернулся к столу н написал телеграмму в Варшаву:

«Начало флирта вполне успешное».

Операция против Дружиловского нмела условиое название «Флнрт».

В тот же день Дружиловскнй иа коиспиратнвной квартнре подробно пересказал доктору Ротту свой разговор с Моравскнм, с особым смаком, воспронзводя даже иитонацню, повторил то, что сам сказал поляку. Немец слушал и осторожно погла-

живал белой рукой голову. Он испытывал удовлетворение: его расчет оказался точным. Сегодня Дружиловский ему положительно нравился.

— Поздравляю вас,— произнес доктор Ротт, чуть приоткрывая тонкие губы, и вдруг заговорил отрывисто резко, будто диктовал приказы: — В ресторане больше работать не нужно. С сегодняшнего дня вы живете в этой квартире. Копию переписки Андреевского для поляков дадим вам мы. Каждую встречу с ними будем использовать в наших интересах. Теперь у вас будет собственное лицо,— немец вынул из портфеля лист с машинописным текстом.— Вы напечатаете это в русской газете «Руль». Счет за публикацию передадите мне. Это объявление об открытии вами информационного агентства по борьбе с московским Коминтерном. Контора будет здесь, в квартире. О характере деятельности поговорим позже. Последнее — в свое время вы называли господина Зиверта одним из ваших знакомых в Берлине. Это вам пригодится. У меня все.

Доктор Ротт по-военному выпрямился, вставая, и, взяв портфель, вдруг спросил:

— Сколько денег вам дали поляки?

— Пятьсот марок,— ответил Дружиловский, хотя получил тысячу.

— Я рад за вас,— скупо улыбнулся доктор Ротт. То ли он знал, сколько на самом деле получил его агент, то ли был рад за него — неизвестно.

Утром Дружиловский вышел из своей новой квартиры и направился в «Станцу» забрать свои немудреные пожитки.

Выходя из дому, он заметил, как полицейский, стоявший на перекрестке, быстро перешел на тротуар.

— Прошу предъявить документы!

Дружиловский неторопливо достал свое временное удостоверение, выданное доктором Роттом.

— Это не документ,— сказал полицейский, не читая бумажки.— Следуйте за мной в полицей-президиум.

В массивном мрачном здании они зашли в комнату на первом этаже. Полицейский приказал ждать.

— Разрешите позвонить по телефону? — попросил Дружиловский.

— Это не в моей компетенции,— ответил полицейский и ушел.

Дружиловский осмотрелся. Комната похожа на тюремную камеру: стол, стул, у стены — деревянная скамейка. Глухая тишина... Он отметил все это как сторонний наблюдатель, так как был уверен, что недоразумение сейчас же будет улажено. Но прошло десять

мииут... двадцать... трндцать... Он подошел к двери, подергал, оиа была заперта.

Черт побери, что это такое? Не мог же доктор Ротт ие зиать, что удостоверение иеправильное. Может, ловушка? Но это невероятно! Вчера доктор Ротт был им доволен, поздравлял с успехом. И потом это объявленне об открытии конторы. Он вынул его нз кармана н перечнтал. Может быть, здесь зарыта собака? От греха подальше он засуиул объявленне в ботинок. Подождем... Ои стал подробио вспомииать свой вчерашинй разговор с доктором Роттом. Почему иемец улыбнулся, услышав, сколько деиег дали ему полякн? Может, онн в сговоре?

Совершенио нзмученный безысходными размышленнями, он снդел на скамейке, поннкший, уже готовый к любым неожнданностям.

Спустя полтора часа вериулся полицейскнй, велел следовать за ним н привел в кабниет, где снդел пожилой человек в мундире с блестящими нашнвкамн на воротнике. Ои держал в руках его удостовереиие н, едва тот переступил порог, сказал:

— Если у вас больше никаких документов нет, я ие могу поиять, как вы оказалнсь в Германин.

— Я прошу вас... позвоиите по телефоиу... в мнннстерство ниостраииых дел, доктору Ротту.

— Зачем? — подиял плечн полнцейский чииовиик.— Мнннстерство заннмается своним делом, а мы — своим. Скажнте-ка лучше, где вы добыли эту бумажку?

— Там... в министерстве иностранных дел.

— Бог ты мой, но при чем тут это мнннстерство, если речь идет о праве прожнвать в стране? — чнновник начннал злиться.

— Я плохо знаю ваши порядкн...— пробормотал Дружиловскнй, ои уже окончательно решил, что его умышлеиио загналн в ловушку.

— Ну а я порядки знаю,— продолжал чнновник.— И поэтому я должен вас арестовать.

В это время в кабннет вошел человек, которого Дружнловскнй сразу узнал. Появленне этого человека подтверждало, что все пронсходящее отнюдь ие случайность.

Вошедшнй небрежно кнвиул чииовннку и вдруг уднвленно, точно ие веря своим глазам, уставился на Дружиловского.

— Подпоручнк Дружнловскнй? Я не ошибся? — снплым высоким голосом спросил он.

— Так точио, господин Зиверт,— ответнл подпоручик.

— Вы его знаете? — спросил у Знверта полицейский чиновиик.

Между инмн произошел стремнтельиый разговор по-немецкн, Дружиловскнй поиял, что Зиверт пытается его выручить.

— Хорошо. Я даю ему трн дня на оформление своего положення,— сказал чнновник, возвращая Дружнловскому удостоверение.

Из полнцей-президнума онн вышли вместе.

— А ну-ка дай мне твой документ,— весело попросил Знверт. Чуть взглянув на удостоверение, он смял его в кулаке.— Подотрись этой липой. Завтра я дам тебе настоящнй документ. Прнходн утром в мое бюро. А теперь — до скорого, мне страшно некогда.

И он ушел легкой, танцующей походкой.

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 4 января 1923 года

«Устроился у Павлова в его «Братстве белого креста» прочно, хотя моя должность еще не уточнена. Павлов ввел меня в круг ближайших единомышленников. Это Дроздов, Кулагин, Горский, Бобров, Завьялов, Эрнштрем, Сахаров, Федотов, Рымарев. Такова верхушка «братства». Все они из бывшей русской аристократии или из богатых влиятельных семейств. Все были офицерами, но, кажется, только один видел фронт, остальные занимали различные посты, далекие от войны. Люди образованные, но, какие они политические деятели, выяснится дальше.

Программы «братства» как документа нет, есть только проект, по которому «братство» в будущей, освобожденной от большевиков России должно стать основой для создания новой власти из ничем не опороченных и образованных лиц. О царе и монархии в проекте нет ни слова. С другой стороны, они считают себя русскими офицерами, присягавшими монархии и никем от этой присяги не освобожденными... У «братства» есть контакт с Кириллом, и они часто говорят о нем как о единственном из семьи Романовых, достойном России. Третья линия — ориентация на поддержку «братства» высокими политиками западных держав и Америки с целью добиться у них признания своей политической формации, с которой следует считаться в рассуждении о будущей России. У них есть контакты с Вильсоном.

Пока еще мне трудно судить, насколько все это серьезно, но одно ясно — «братство» действительно особая эмигрантская формация, которая, конечно, архиконтрреволюционна, но хочет выглядеть респектабельно и блюсти приличные нравы. Они, по крайней мере устно, осуждают эмигрантскую печать за лживость, котораяде обманывает надежды русских. Они иронизируют над генералами, которые прожигают в Париже деньги, собранные для крестового похода на Москву.

У «братства» есть какие-то филиалы в Лондоне, Париже, Женеве. Создаются новые. Позже об этом сообщу подробнее и точнее. Издаются брошюры. Несколько их отправлено вам по официальному каналу.

Здесь объявился мой рижский знакомый (см. мое донесение). В газете русских кадетов «Руль» напечатано следующее объявление: «Русское информационное агентство «Руссина» принимает заказы на сведения о деятельности Коминтерна в мировом масштабе. Корреспонденции и сведения о положении дел в России. Требуются корреспонденты. Вознаграждение по соглашению. Прием от 5.30 до 7.30 вечера. Директор С. М. Дружиловский, секретарь Д. Т. Типп».

Это объявление напечатано в «Руле» дважды на видном месте. Ломаю голову, почему в данном случае действуют так открыто и нахально? Пока нашел одно объяснение — отводят внимание от такой же деятельности группы Зиверта и группы Орлова.

Вопрос: восстановить ли знакомство с Дружиловским? Мы можем встретиться с ним вполне естественно. Объяснение моего поведения во время нашей встречи в Риге есть вполне достоверное — я и в Риге был человеком Павлова. Жду ваше мнение на этот счет.

Кейт».

Резолюция на донесении:

Передать Кейту:

1. Без согласия немецких властей агентство «Руссина» возникнуть не могло. Выясняйте его дела, но встречу с Дружиловским следует продумать очень тщательно, так как он и его агентство должны быть под сильным контролем. Самое главное ваше дело — Павлов и его «братство».

Глава тринадцатая

Утром, сдав объявление в газету «Руль», Дружиловский направился в бюро Зиверта. Вчерашние неприятности уже забыты — доктор Ротт сам позвонил, сказал, что в случившемся виноваты его сотрудники, и заверил, что все будет срочно исправлено.

Радовал теплый, солнечный день мягкой берлинской зимы. Радовало ощущение толстого бумажника в кармане пиджака, радовал мягкий ветерок, ласкавший чисто выбритое лицо. Он то и дело поглядывал на начищенные до блеска ботинки. И ему казалось, что он ступал в них легко и красиво. Стены домов, афишные тумбы, трамваи, витрины магазинов заклеены плакатами, которые ведут между собой крикливый спор, требуют, обещают, зовут, разъясняют... Плакатов очень много — не поймешь,

не разберешься, чьи они... Один проклинает Версаль, другой восхваляет могущество и мудрость Америки, третий мурлычет что-то о боге и божьем провидении, четвертый умоляет не забыть о погибших на войне. И все они — политика! Плакаты социал-демократов самые яркие, в красках, на глянцевой бумаге — сразу видно, что у них водятся деньги, они обещают скорейшее возрождение Германии, работу и обеспеченную жизнь. У коммунистов плакаты бедные, на серой бумаге, они ругают социал-демократов и зовут немцев в свой красный рай.

Все это, вместе взятое,— и солнце, и пестрота плакатов — сливалось в душе Дружиловского в радостное, уверенное ощущение своей значительности: он тоже делает политику. Но он еще и человек из мира тайны.

Зиверт встретил его как давнего и хорошего знакомого. Сразу повел к столу, где было приготовлено пиво с солеными сухариками, усадил, запер на ключ высокую дверь своего кабинета.

— С ума можно сойти! — смеялся он, открывая белые крепкие зубы и ерзая в кресле.— Надо же, такое совпадение! Захожу по своим делам в полицейскую берлогу, а там ты. Но, знаешь, не зайди я, тебе пришлось бы долго уверять, что ты не верблюд. Я их знаю, других таких формалистов на всем свете нет. Но ладно, все хорошо, что хорошо кончается! — Он разлил пиво и поднял искрившийся пузырьками стакан, живое его лицо выражало радость, а серо-голубые глаза — полное равнодушие: — За нашу встречу, за общее дело!

— Хорошо еще, Геральд Иванович, что вы вспомнили меня.— У Дружиловского не хватило смелости перейти с Зивертом на «ты».

— О-о! Как я мог не вспомнить? — дернулся в кресле Зиверт. На самом же деле встречу с Дружиловским в Ревеле он помнил более чем смутно. В то время под ним еще горела земля — вырвавшись из лап военного суда, он только что перебрался в Ревель, ждал визу на въезд в Германию и совсем не был уверен, что получит ее. Ему было не до того, чтобы запоминать какого-то подпоручика, которых в Ревеле было хоть пруд пруди. Более того, если бы ему предоставили сейчас самому решать, как поступить с этим подпоручиком, он еще подумал бы, иметь ли с ним дело — разве что приспособил его для самых мелких разовых поручений. Дружиловский не производил на него впечатления серьезного работника. Но сам доктор Ротт приголубил его и даже считает перспективным... И он, Зиверт, делает только то, что приказано,— принял участие в дурацком спектакле в полиции и теперь поможет Дружиловскому освоиться с агентством. Но все же с ним надо быть очень осторожным.

— С чего мы начнем? — быстро спросил Зиверт, не утруждая

себя объясиением, откуда ему нзвестио о делах подпоручика. Его глаза, точно заледеиев, остановнлнсь на Дружнловском.— Твое агентство — дело нелегкое, ио горшки обжнгают не богн, поработаешь в моем бюро, я тебя поднатаскаю. Кстати, такое вот дело... Меня очеиь интересует посольство красных в Берлние. «Белое пятно» на моей карте. Нет ли у тебя какого-нибудь хода туда?

— Кое-что имеется,— совершенно неожиданно для себя ответил Дружнловскнй н быстро уточннл: — Правда, объект ие очень солидный.

— Кто именно? — в изумленин отклоннвшнсь назад, спросил Зиверт — ничего толкового не ожндая от Дружиловского, он был сильио удивлен таким оборотом разговора.

— Работает там... одна женщиниа... мелкая сошка...— ответнл Дружнловскнй с запинкамн, лнхорадочно прндумывая дальнейшее развитне своей внезапно роднвшейся лжи.

— Машииистка, на что уж мелкая сошка, а для нас клад, если она все печатает иа одну копию больше. Так кто твоя женщина? — напорнсто спросил Зиверт.

— Она там... по хозяйству... может, всего-навсего гориичная. Или прислуга.

— Русская?

— Да.

— Откуда ты ее знаешь?

— Она раньше служила в советском посольстве в Рнге... Я там для поляков вел работу протнв посольства н однажды вышел на нее. И вдруг встретил ее иа днях в Берлине. Она здесь тоже служит в полпредстве.

Все было похоже на правду — Зиверт имел в свое время информацню о переводе из Риги в Берлин несколькнх работников советского посольства.

— Мы засеклн кое-кого нз этого дома, опнши-ка мие ее виешность,— попросил Зиверт.

— Роста оиа среднего... несколько полновата в талнн, толстые короткие иогн... ходит иемиого враскачку... рыжеватая блоидннка... серые глаза с желтоватыми белкамн,— Дружнловскнй опнсывал внешность ревельской косметнчки, которая прнходила к его жене. Начни он с ходу придумывать свою знакомую, опытный разведчик Знверт сразу обиаружил бы иеправду.

— Фамилия? Имя? — отрывнсто спроснл Знверт.

— Вера Днмтриевна Аралова,— уверенно ответнл Дружнловскнй и добавил.— Мелкая сошка.

— В нашем деле, как нигде, лнха беда начало. С нее мы начнем,— сказал Знверт.— Закрепн с ней знакомство, ио действуй осторожно, не спугни. Вообще, сразу хочу тебя предупредить:

Коминтерн Коминтерном, а главный наш враг — господа из Московского Кремля. Не было бы их, не было бы и Коминтерна.— Зиверт приподнялся, взял со стола стакан и продолжал, глотнув пива: — Так что, если у нас получится с этой бабой из посольства, мы выйдем на главную цель. Ты это уясни себе.

— Я все понимаю,— наклонил прилизанную голову Дружиловский.

— Что ты понимаешь? — произнес Зиверт тихо и вроде подружески, но Дружиловский почувствовал в его словах иронию.

— Конечно, не так хорошо, как вы,— обиженно начал он.

— В общем, договоримся так: по утрам два часа занимаешься Araловой, ищи с ней встреч, выясняй, на что она клюет, закрепляй связь. Потом являйся сюда, будут и другие поручения. А в объявленные часы приема будешь работать в своем агентстве...

— А что я там должен делать?

— Собирать материалы, разоблачающие козни Коминтерна. Не беспокойся, после объявления товар тебе понесут. Но будь начеку: самое опасное — схватить голый крючок. Ты сам-то читал когда-нибудь, что и как пишут большевики?

— Конечно. У Андреевского я каждый день читал их «Правду»,— нахмурившись, ответил Дружиловский.

— Это хорошо. Я тебе дам пару книжек. И ради бога, не дуйся, между нами не должно быть ничего, кроме дела, я тебе не конкурент, но и не добрая тетя,— Зиверт хмыкнул. Этот подпоручик, пожалуй, совсем не так безнадежен, как ему поначалу показалось.

Всю первую половину дня Дружиловский выполнял задания Зиверта. Он делал выписки из советских газет в публичной библиотеке и составлял сводки по разным темам. Писал обзоры русских эмигрантских газет. Вел слежку за указанными Зивертом людьми. Присутствовал на сборищах русских эмигрантов и потом составлял о них подробные отчеты. Дня свободного не было, но он не роптал и, выполнив очередное задание, спрашивал: что сделать еще?

Зиверту, не терпевшему лодырей, Дружиловский нравился все больше — толковый, быстро набирает опыт и если будет работать так, как сейчас, то и впрямь это человек с перспективой.

В часы, указанные газетой, Дружиловский сидел в своем агентстве «Руссина» и принимал посетителей. Это было совсем не так просто, как ему показалось вначале. Приходили какие-то потрепанные типы, главным образом русские, уверявшие, что они располагают богатейшим материалом о деятельности Коминтерна. Зиверт объяснил ему, как распознавать «липу», и тут

былн свои тонкостн — ниая «липа» могла очеиь пригоднться.

В кабннет просочнлся, аккуратно закрыв за собой дверь, худой, длиииый как жердь господнн в снльно заношенном летнем пальто.

— Моя фамилня Марек... Иозеф Марек. Имею к вам серьезиое дело,— торопливо проговорил вошедший, согиув пополам свое длиниое тело.

— Садитесь. Что у вас? — важно пронзнес Дружиловский.

Посетитель сел на краешек стула.

— Я коммуиист нз Чехословакнн,— начал он, подобострастно глядя иа Дружнловского.— Точнее, бывший коммунист. Меия постигло глубокое разочарованне. Прикосиувшись к делам Комнитериа, я обнаружнл всю преступность этой органнзацнн и порвал со своей партией. Но я хочу, чтобы весь мир знал, что я обнаружил...

— Что коикретно вы можете предложить? — спросил Дружнловский.

— Раиьше я хотел бы узнать условня.

— Условня зависят от предложеиня.

Посетнтель расстегнул пальто, вынул нз кармана сложенные лнстки бумаги и протяиул через стол.

Дружнловский начал чнтать, н душа у иего взыграла — это была слово в слово перепнсаниая из газеты «Руль» статья, которую ои ие дольше как иеделю назад цнтнровал в сводке для Зннверта. Вот ои, голый крюк, н он обнаружнл его сам!

— Сколько же вы хотнте за это? — деловито спроснл ои, предвкушая удовольствие, с каким сейчас разоблачнт мошеиника.

— Двести марок как миинмум! — быстро ответнл чех.

— Да? — Дружнловскнй нзумлениo смотрел на чеха, нх взгляды встретились, н серые глаза «разочаровавшегося коммуинста» метнулнсь в сторону.

— Двестн, не меиьше,— повторил ои тихо.

— Так дорого теперь стонт перепнска нз газет?

Чех быстро протянул руку за своими бумагамн, ио Дружиловскнй отвел ее.

— Так, значнт, двести н ие меиьше? — Дружиловский взял телефоиную трубку.

Чех вскочил и выбежал нз кабннета.

— Жулнк! — крнкнул вслед Дружнловский.

Дверь распахнулась, н в кабннет вошел франтовато одетый молодой человек с масснвной тростью. Приближаясь к столу, ои бесцеремонно разглядывал Дружнловского.

— Я имею дело с директором агентства? — спросил он на плохом немецком языке.

— Да, я днректор. Что вам угодно? — ответнл Дружнловский

тоже по-немецки, ему было все еще нелегко объясняться на этом языке.

— Корреспондент итальянского телеграфного агентства,— представился молодой человек.

— Садитесь, я слушаю вас. Курите? — Дружиловский пододвинул ему коробку с сигарами.

— Чем торгуете? — весело спросил итальянец, садясь к столу.

— Здесь не лавка, а политическое агентство,— сухо ответил Дружиловский.

Итальянец понимающе кивнул, но продолжал с видом сообщника:

— Что вы могли бы предложить на тему «Коминтерн и Италия»?

— Мое агентство располагает достаточно широким и разнообразным материалом,— с достоинством ответил Дружиловский.— Прошу конкретней, что вас интересует?

— Я сказал ясно: Коминтерн и Италия.

— Ясно, но не конкретно, названная вами тема включает в себя множество разных аспектов...— Дружиловский в эту минуту весь собрался и следил за каждым своим словом. Зиверт предупреждал его, что самая опасная публика — газетчики, народ прожженный, хорошо информированный, не дай бог попасть им на перо.

— Назовите мне хотя бы один из аспектов,— попросил журналист.

— Это не деловая постановка вопроса,— ответил Дружиловский.

— Одно из двух,— сказал журналист и поднялся из кресла,— или вы разоритесь из-за вашей осторожности, или в вашем мешке пусто. Арриведерчи,— он взмахнул рукой и вышел из кабинета.

«Пронесло...» — это был уже четвертый газетчик, обращавшийся в его агентство. Несколько дней назад приходил американец — развязный нахал, позволивший себе заявить, что агентство торгует воздухом, и притом испорченным... Только с одним турком удалось договориться и получить от него заказ на информацию о том, что Коминтерн планирует захват Дарданельского пролива. Турок даже вручил аванс. Но Зиверт эту сделку почему-то не одобрил.

Нелегко дается Дружиловскому эта высокая политика. Положение у него — сложнее не придумаешь. Надо работать на доктора Ротта — это деньги и покровительство немецкой полиции. Надо выполнять задания Зиверта — его он обязан отблагодарить за все. А еще поляки. Они хорошо платят, но каждую минуту надо быть начеку.

Он ежедиевно встречается с людьми, заводит иовые знакомства. И сам диву дается — в пору хотя бы запомнить, «кто — кто», н не перепутать, кто какому хозяину служит, а ведь со всеми надо дела делать. И все же он быстро освоился в берлинском таборе шпиоиов.

Но что ни дело, надо ломать голову, надо думать, как провести его умно, по-серьезному и при этом не обжечься. И он понимал, что спасение в одном — иеукоснительно выполнять все, что от него требуют. И не следует лезть с собственной инициативой. Ведь дернул его черт выдумать для Зиверта эту женщину из русского посольства, Веру Дмитриевну Аралову. Теперь надо еще получать от нее информацию.

После первой «встречи» с Араловой появилась ее информация о том, что в посольстве царят большие строгости, сотрудникам запрещено разговаривать наедине, без разрешения посла обслуживающему персоналу нельзя выходить на улицу (это должно затруднить следующие «встречи»), побудка и отход ко сну по общему сигналу. Все работники посольства, конечио, агенты ГПУ.

— Не густо, ие густо, но пригодится и это,— сказал Зиверт, прочитав это первое сообщеиие.

Позже Вера Дмитриевна стала несколько разговорчивей и «сообщила» Дружиловскому все то, что он сам слышал о советских представителях. У него хватило ума и хитрости переработать услышанное на свой лад. Но своим хорьковым нюхом он чуял, что женщине этой следует как можно скорее исчезнуть. Вера Дмитриевна постепеиио становилась все менее полезиым информатором. А затем она лишилась права выхода из посольства и, наконец, была отправлена из Германии в Россию. Зиверт так и ие успел разобраться в брехне Дружиловского и даже сделал вывод, что он работает честно и ие пытается, как другие, сбить масло из воды.

Дружиловский регулярно встречался с Моравским. Ои передал ему по частям копию переписки Андреевского с русскими монархическими лидерами во всем мире. Эти копии ои получил от доктора Ротта. Он снабдил поляков и копией «иинформации», полученной от той же самой Веры Дмитриевны Араловой.

Однажды Дружиловский застал у Моравского двух незнакомых мужчин. Один из них — молодой жгучий брюиет с треированной спортивной фигурой, в светлом клетчатом костюме — был похож на преуспевающего киноактера. Другой, постарше,— костлявый, со злым, желтым лицом и холодиым презрительиым взглядом.

— Познакомьтесь, паи Дружиловский, это мои друзья,— сказал Моравский.— Майор французской армии Лорен.— Молодой франт любезно улыбнулся на поклон Дружиловского.— Вы долж-

ны знать,— весело продолжал Моравский,— что между Польшей и Францией издавна существует не только политическая, но и национально-психологическая близость. Недаром мы свою Варшаву называем маленьким Парижем.— Моравский и майор Лорен рассмеялись. Выражение желтого лица у пожилого не изменилось, он посматривал на Дружиловского строго.

— Лично у меня от майора Лорена нет никаких секретов,— продолжал Моравский.— Как, я надеюсь, и у него от меня.

Майор Лорен кивнул и сказал что-то по-французски.

— Майор убежден,— перевел Моравский,— со временем историки откроют, что Париж в переводе на польский язык означает Варшава.

Как-то незаметно разговор перешел на дела. Француз изъявил желание поближе познакомиться с Дружиловским и даже, если он не возражает, воспользоваться его услугами.

Моравский перевел его слова и весело воскликнул:

— Боже мой: кто может отказаться? Мсье Дружиловский солжет, если скажет, будто он не хочет побывать в Париже...

Спустя полчаса Дружиловский стал агентом французской разведки «Сюрте Женераль» на разовой плате. Все произошло так быстро и господа были столь напористы, что он подписал обязательство, не имея возможности ни с кем согласовать этот шаг. Впрочем, для немцев это может остаться тайной... Майор Лорен вручил новому агенту триста марок, сказав при этом что-то очень рассмешившее Моравского, тут же простился со всеми. Моравский проводил его в переднюю, а вернувшись, представил наконец сидевшего у окна пожилого человека.

— Пан Перацкий. Мой коллега, а чтобы быть точнее — мой патрон.

Поляк кивнул Дружиловскому и жестом пригласил сесть возле него. Пока он придвигал кресло и усаживался, Перацкий тяжелым взглядом из-под оплывших век наблюдал за ним.

— Не трудно вам в Берлине? — тихо спросил Перацкий.

— Нет.

— Как у вас обстоят дела с личной жизнью?

— На это у меня нет времени.

— Ваша жена сюда приедет?

— Не... думаю...— запнулся Дружиловский. Черт бы побрал этого костлявого поляка — что ни вопрос, то загадка. А тут еще его глаза — серые, будто придавленные веками, холодные, злые. На всякий случай он отвечал односложно, его страх усиливался.

Перацкий долго молчал, и в это время его тяжелые веки сомкнулись. Он точно отпустил Дружиловского на минуту из-под власти своего взгляда.

— Хочу призвать вас к осторожности н осмотрительностн,— заговорил он наконец так тихо, что Дружиловскнй вынужден был наклониться к нему, чтобы лучше слышать.— Нельзя, чтобы у вас было несколько богов. Обязанности могут быть разные...— лежавшая на подлокотнике кресла желтая рука поляка сделала скупое пренебрежнтельное движенне.— Но бог должен быть один.— Указательный палец поляка приподнялся.— Один. И это Польша. Ваши корни там, и, пока вы это понимаете, вас не ждут никакие неприятности. В нашем деле очень важно, чтобы спина была защищена.

(Давая этот совет, Перацкий, конечно, не мог знать, что спустя немного времени, когда он уже будет мннистром внутренних дел Польши, ему, именно ему в спину всадят несколько смертельных пуль украинские нацноналнсты.)

Убедившись, что никакая опасность, по крайней мере сейчас, ему не грознт, Дружнловский слушал нравоучения поляка с непроницаемым лнцом, н только тонкие бровн его были чуть приподняты, будто он недоумевал, зачем ему об этом говорят.

— Отныне вы будете встречаться со мной,— чуть громче сказал Перацкий.

Дружиловский уднвленно оглянулся на Моравского, но тот читал газету.

— Должен предупредить... у меня неважный характер. Но изменить его я не могу, да и не вижу в этом необходимости.

— Не понимаю, к чему этот разговор,— обиженно сказал Дружиловский.

— К тому, пан Дружиловский, что ваш характер мне тоже не очень нравится, и этот вывод я сделал не сегодня. Боюсь к тому же, что всем нзвестная мягкость пана Моравского не пошла вам на пользу.

На красивеньком лице подпоручика застыло выражение оскорбленного достоннства. Он, прищурясь, смотрел на давно опостылевший ему плакат о разысканных Красным Крестом поляках.

— Перейдем к делу,— сказал Перацкнй.— Польше нужен советский документ, затрагивающий ннтересы Америкн. Вы поняли? Документ советскнй против Америкн.

— Не понимаю,— пробормотал Дружнловский, нспугавшись. Он решил, что ему нарочно дают задание, которое он не может выполнить.

— Я сказал достаточно ясно, и здесь не первый класс гнмназин,— вдруг громким голосом сказал Перацкий.

— Где же я его возьму? С советскими учреждениями я не связан,— решительно заявнл Дружнловскнй.

— Пан Дружнловский,— покачал головой Перацкий.— Я рас-

считывал иа вашу сообразительиость, высоко аттестоваиную мие паном Моравским. Или вы сумели ввести его в заблуждеиие?

— Он просто скромничает,— откладывая газету, отозвался Моравский, как всегда, мягко и улыбчиво.

— Почему же он тогда меня не понимает? — спросил Перацкий.— Это же так просто: нам нужеи докумеит, значит, ои должен быть. А его происхождеиие нас ие иитересует.

— Хорошо, я постараюсь,— после долгой паузы сказал Дружиловский. Ему хотелось как можно скорее уйти отсюда. А главиое, он вдруг подумал, а ие дают ли ему поляки настоящее большое дело, а он от него отмахивается.

— С этого и надо было начинать.— Перацкий огляиулся на Моравского: — Вы хотите что-нибудь сказать?

— По-моему, все ясно, и нам остается только пожелать паиу Дружиловскому успеха,— Моравский подошел к столу, дружелюбио и ободряюще улыбаясь Дружиловскому.

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 11 апреля 1923 года

«Братство белого креста», по-видимому, располагает приличными средствами, происхождение которых выясняю. Павлов эту сторону держит в сильном секрете.

Интересующий вас поляк Перацкий возглавляет в Берлине представительство польского Красного Креста. Прибыл сюда недавно. Попытаюсь получить поручение к нему от Павлова. Кроме Перацкого, там работает еще некий Моравский, с ним меня недавно познакомил Павлов, который сказал мне, что все это представительство — шпионское гнездо и что эти поляки явно пытаются выяснить планы и возможности «братства».

На прием к Павлову явился и предлагал свои услуги интересовавший вас Гаврилов, который действовал от Зиверта в Вене. Он произвел на Павлова отвратное впечатление, после разговора с ним он сказал: «Трагедия русской эмиграции еще в том, что в ее среде оказались вот такие, попросту темные личности, для которых драма России не больше как поприще для грязных делишек, а то, что они творят во имя собственного брюха, Европа относит на счет всей эмиграции, и это подрывает авторитет тех, для которых борьба за спасение России является второй, если не первой религией...» Когда я спросил, что же за услуги предлагал Гаврилов, Павлов ответил: «Любые».

Об агентстве «Руссина». Четыре дня в объявленное время приема посетителей наблюдал за указанным в объявлении адресом. Посетители туда приходят, но не густо, кто они, не знаю. Никакого наружного наблюдения за агентством не обнаружил. Во все дни, вскоре после окончания объявленного времени, оттуда выходила

женщина лет сорока, бедно одетая, которая шла затем в общежитие «Станица», предназначенное для русской эмигрантской бедноты. Постараюсь установить ее личность, чтобы иметь ее в виду как возможный ход внутрь агентства.

Ваше указание выполнено — снял двухкомнатную изолированную квартиру на Гаденштрассе, 7. Третий этаж. Имеется запасный выход во двор через балкон и пожарную лестницу. Деньги на взнос за квартиру за полгода вперед дал Павлов и вроде не в долг, а как вспомоществование от «братства». Он с женой был у меня на новоселье. Все было скромно и дружественно. Он поднял тост за меня и в моем лице за думающее офицерство. Тут же было уточнено, что я буду при нем личным референтом. Его жена имеет какое-то родство с русским промышленником Манташевым, состоит с ним в переписке, и, как я понял с ее слов, он материально помогает «братству». Во время разговора она активно обсуждала дела «братства», вызывая раздражение мужа. Однако она женщина нелегкомысленная, образованная и явно умнее мужа. Некоторые его высказывания встречала благосклонной улыбкой неприятия, а иногда, вступая с ним в спор, обращалась к нему: «Наивное вы мое дитя».

Это донесение идет через Нового. Если будет возможность, передайте мое уважение и благодарность Старому, работать с ним было интересно и поучительно.

Кейт».

Резолюция на донесении:

Передать Кейту:

1. Его работа положительно отмечена в приказе Главного. Пожелание успеха.

2. В ответ на наши протесты австрийские власти заявляют, что местонахождение Александра Гаврилова им неизвестно. Дайте его точные берлинские координаты. Что он теперь делает?

3. Как с разработкой версии подхода к Дружиловскому? Работающая у него женщина представляет интерес, но действовать надо очень осторожно, помня немецкое происхождение «Руссины».

ИЗ ДНЕВНИКА ДРУЖИЛОВСКОГО:

«...Это, если разобраться, первое мое настоящее дело, и я должен все сделать сам. Я хорошо соображаю, что это дело значит. Есть Америка с ее богачами, и есть Россия с ее большевиками. Большевики хотят ликвидировать американских богачей, а те хотят ликвидировать большевиков. Весь мир смотрит: кто же кого? Кто начнет? Чем кончится схватка? И вдруг между этими колоссами встаю я. (Польша тут только посредник.) Мне поручено ускорить начало схватки. Шутка сказать, а если задуматься, голова кругом и дух захватывает. Смогу ли я? Не трахнусь ли с такой высоты? Страх мешает думать, и к тому же еще неделю назад я о таком деле и не помышлял. С чего начать, не знаю. Мог бы помочь Зиверт, а не хочет, наверно, ему не с руки, что документ будет пущен в ход поляками. А может, он хочет проверить, на что я способен? Но какая ему разница, через кого пойдет документ, или зачем ему проверять меня за счет интересов политики? Ведь ему должен быть важен результат, и сам же он работает на тот результат. Однако лихо его знает, политика занятие не простое, тут, что ни шаг, знай оглядывайся — правильно ли ступил... Зиверт сказал, что политика как паутина: тронь — и сразу выскочит паук. Просто так паутину трогать — только пауков дразнить, и это каждый дурак может. А надо в ту паутину посадить муху, тогда паук выскочит не зря...

Да, но муху-то сперва надо поймать, а она, сволочь, летает, просто так в руки не дается. В общем, вопрос для меня стоит круто: или я это дело сделаю, или быть мне не в политике, а на затычках у того же Зиверта».

Как и ожидал доктор Ротт, хозяин конторы «всевозможных услуг» Орлов заинтересовался объявлением Дружиловского об открытии агентства «Руссина». Фамилия эта была ему знакома, он приезжал в Ревель во времена Юденича и читал там в русской газете воспоминания Дружиловского о пережитом им в застенках московской ЧК. Потом в каком-то кабаке его познакомили с автором — красивеньким подпоручиком, который показался ему дешевым хлюстом из штабной канцелярии. Однако в контрразведке Юденича ему сказали, что Дружиловский действительно побывал в руках у чекистов и бежал из московской тюрьмы. Вскоре Орлов уехал из Ревеля и выкинул из головы этого смазливого офицерика... И вдруг на тебе, он объявляется в Берлине и лезет в дело, которое Орлов считал своей монополией. Хватит ему Зиверта, с которым пришлось делить сферы деятельности.

Орлов знал, что новое агентство, да еще с такой рекламой, не могло появиться без благословения немцев, и решил поговорить о нем с Зивертом — этот все, что связано с немцами, знает из первых рук.

Зиверт его опасения не рассеял — сначала сказал, что об этом агентстве говорить рано, дитя только становится на ноги, а когда речь зашла о самом Дружиловском, сказал, что это лошадка темная, но со связями.

— Немецкими? — прямо спросил Орлов.

— А черт его разберет,— отмахнулся Зиверт.— Поживем — увидим.— И добавил серьезно: — Но начало у Дружиловского польское, это я знаю точно.

— По-вашему, поляки могут открыть в Берлине такое агентство?

— А почему нет? В Берлине сейчас всякой твари по паре.— Зиверт знал, конечно, о расчетах доктора Ротта и сейчас всячески подогревал интерес Орлова к агентству Дружиловского.— Что касается меня, то я выжидаю. Если обнаружу, что этот подпоручик мне мешает, приму меры.

Орлов достаточно хорошо знал Зиверта, чтобы верить ему на слово, и решил сам прощупать Дружиловского. Но прежде он счел полезным посоветоваться с человеком, который был для него высоким авторитетом и начальником.

Таким человеком являлся английский разведчик — «спец по России» Сидней Рейли. Вместе со своим агентом Орловым он работал над одним очень важным документом. Они окончательно отделывали фальшивое письмо Коминтерна английским коммунистам. С помощью этой фальшивки английские консерваторы должны были прийти к власти *.

Каждый вечер Рейли приходил к Орлову в его контору, и там, занавесив окна, до глубокой ночи они работали над документом. Орлова поражали осведомленность и неистощимая работоспособность англичанина. Рослый, атлетически сложенный, с энергичным красивым лицом, одетый всегда подчеркнуто строго, со вкусом, он вызывал уважение одним своим видом. Орлову известно, что это легендарно храбрый человек,— он долго и бесстрашно действовал в красной России под самым носом у чекистов, но оказался для них недосягаем. Россию большевиков он знал как свои пять пальцев, говорил и писал по-русски как коренной россиянин.

В этот вечер они делали последнюю подчистку письма... Снова

---

* Ввиду того что письмо это в летописи антикоммунизма занимает особо значительное место, автор находит нужным в следующей главе опубликовать подлинные документы, относящиеся к этой постыдной истории.

Орлов поражался осведомленности англичанина, детали, учил он Орлова, иногда стоят дороже смысла.

Но вот письмо было отшлифовано. Рейли встал, сладко потянулся, хрустнул суставами.

— Поразительная штука история! — заговорил он, пружинно поднимаясь на носках.— В Лондоне бушует политическая баталия за министерские кресла. Публикуются программные речи, декларации, заявления. Весы колеблются. Партийные лидеры ночей не спят, придумывают, что бы им еще бросить на весы. А мы с вами в это время пишем трехстраничный документик, который попросту опрокинет те весы. Еще сегодня я позвоню в Лондон, скажу только два слова «работа окончена», и лидеры консерваторов будут спать спокойно — мы им уже подарили власть... История...— Рейли подошел к столу, взял письмо, бегло его просмотрел, бросил небрежно на стол.— Как говорится, финита ля комедия!..

Жена Орлова принесла в кабинет традиционный ужин англичанина — кружку теплого топленого молока, затянутого коричневой пенкой, и поджаренный ломтик хлеба, а мужу — ростбиф и стакан крепкого чая.

— Можно бы и выпить по случаю,— осторожно предложил Орлов.

— Нет,— отрезал Рейли. Прорвав ложечкой пенку, он сделал несколько глотков.— Напиток умных королей. Умных. Глупые предпочитают виски или, не дай бог, водку. Брр!

— Да и я ведь тоже... только когда повод...— сказал Орлов.

— Из всех бесчисленных русских поводов для пьянства я признаю только один — поминки. Смерть всегда таинственна, и думать о ней трезво невозможно. Мой вам дружеский совет,— продолжал Рейли,— не увлекайтесь этим. Слишком грандиозно дело, к которому я вас привлек, чтобы подвергать его опасности.

Орлов хотел что-то возразить, но Рейли поднял руку.

— Не надо, господин Орлов. Я все знаю и поэтому еще раз говорю вам — дело слишком грандиозно.— Он помолчал и сказал с улыбкой: — Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Что нового в Берлине?

— Особо интересного ничего,— ответил Орлов.— Социал-демократы, по-моему, укрепились прочно и окончательно, равной им силы в Германии нет.

— А коммунисты?

— Социал-демократы загнали их в угол и обескровили.

— Эх, нам бы в Англию таких социал-демократов,— мечтательно произнес Рейли и вдруг энергично, со злостью: — Наши социалисты — это лапша с простоквашей. Придумали мифический рай, в котором овцы и волки будут жить в любви и согласии. И что

самое удивительное — многие овцы в этот рай верят! А здесь господин Эберт выбросил потрясающий лозунг: мы за возрождение нации и потому против коммунистов! И он говорит это и Круппу, и безработному, которого Крупп выбросил на улицу. И те вместе аплодируют Эберту и отдают ему голоса. Гениально! Демагогия высшего класса! А? Скажете, я не прав?

— Да уж в чем, в чем, а в хитрости им не откажешь,— согласился Орлов.— А чего стоит их ход с Советами? Давят петлей своих коммунистов и подписывают договор с московскими.

Рейли, не соглашаясь, покачал головой.

— Еще вопрос, кто тут оказался хитрее: Берлин или Москва? Но как раз из этого обстоятельства вытекает наша главная задача — подрывать динамитом все, что связано с Москвой.— Он взглянул на стол, где лежало письмо.— После этого акции Москвы в Англии долго не будут стоить и копейки. Ищите подобные ходы еще.

— Кстати... В Берлине появилось новое агентство, которое тоже занимается Коминтерном. Как на это реагировать?

— Кто его открыл? — спросил Рейли.

— Русский подпоручик Дружиловский.

— Каждый непременно хочет иметь свой огород,— Рейли допил свое молоко.— Вы этого подпоручика знаете?

— Я знал его несколько лет назад в Ревеле, он напечатал там в русской газете воспоминания о своих переживаниях в застенках Чека. Между прочим, намекал, что в России имел какое-то отношение к организации Локкарта.

— Дружиловский? — сморщил лоб Рейли.— Не было там такого! Чем занимается его агентство?

— Не знаю. Я узнал о нем из газет.

— Как это из газет?

— В газете «Руль» он напечатал объявление об открытии агентства по делам Коминтерна.

— Вот так, прямо, этими словами?

Орлов взял с письменного стола газету и отдал Рейли.

— Одно из двух: Дружиловский или дурак, или за ним немцы,— сказал, прочитав, Рейли.— Вот что, узнайте это осторожно. Если дурак, надо прибрать к рукам, чтобы не мешал. А может, и пользу извлечете. Если там немцы, оставьте его в покое.

Дружиловский в эти дни все еще ломал голову, как выполнить задание поляков. Сознаться Перацкому, что он не может ничего сделать, он боялся. Собственное бессилие страшило его.

Вывесив на дверях объявление: «Сегодня приема нет», он сидел

в своем рабочем кабинете н копался в ворохе газет, пытаясь найти хоть какую-ибудь отправную точку для подхода к непосильиому делу. За окном — серый осениий день, н от него еще острее ощущеине беспросветности.

Звонок в передией заставнл его вздрогиуть. В объявлении ясно сказано — приема нет. Ои подождал. Звоиок повторился и был непереиосимо длниным.

Приоткрыв дверь, он увидел рослого мужчину в чериом пальто.

— Здравствуйте, господнн Дружнловский. Я Орлов.

— Господн! — радостно вырвалось у подпоручика, мгиовенно подумавшего — вот кто может помочь. Еще мелькнула мысль о заданнн доктора Ротта возобновнть знакомство с этнм человеком. Ои распахиул дверь: — Темно. Заходите, пожалуйста. Ну вот, конечно же, Орлов! Ревель! Раздевайтесь.— Принимая от гостя пальто, ои учуял густой запах водки.

— Я на минуточку,— сказал Орлов, зябко потнрая руки.— Гулял после обеда, шел мимо н вдруг вспомиил ваше объявлеиие... адрес... Думаю, дай зайду. Гляжу — приема нет. Ну ладно, думаю, приема нет, но, может, есть глава фнрмы?

— Проходнте сюда.— Дружнловский посторонився, пропуская гостя в кабннет. Орлов качиулся, н хозянн подхватил его под руку.— Сюда, сюда.

Орлов тяжело плюхнулся в глубокое кресло.

— Это, значит, ваш штаб? — спросил он, оглядывая комиату.

— Скромное рабочее помещеиие,— улыбался Дружиловский.

— Летит времечко, летит проклятое,— не то весело, не то огорчеино произиес Орлов, оглядываясь по сторонам. Ои вндел вполне приличный кабнает, какого не было у многих эмнграитов с громкнмн имеиами. Смазливый подпоручик, которого он видел в Ревеле, нмеет в Берлние какие-то козырн. Весь вопрос: кто ему сдает карты?

Они припомиили ревельскне времена, н Орлов сказал задумчнво:

— Беспечны мы былн, глупо беспечны. Еще ие понималн, что трагедня свершнлась ие только с иамн, ио и со всем миром. А потом всех втянуло в эту вороику,— ои махнул рукой.

Дружиловский промолчал, ои не мог поиять, пьян Орлов нли трезв, а зиать это было крайие важно.

— Но одиа иаша болезнь ие прошла н по сей деиь,— продолжал Орлов.— Мы так н ие научились действовать вместе, все норовим каждый сам по себе н частенько мешаем друг другу, вместо того чтобы помочь.

— Нас объединяет одно — наша иеиавнсть к большевикам,— солндно произиес Дружиловский, глядя на гостя.

— Это верно,— кнвиул Орлов.— Но зачем забивать одии гвоздь сразу двумя молоткамн? Вот вы иапечаталн в объявлении, что работаете по Коминтерну. А я-то тоже хожу вокруг этого. Почему бы иам не действовать заодно? А?

— Не выпнть ли нам по случаю встречн? — спросил Дружиловский, остерегаясь влезать в этот разговор без одобреиия доктора Ротта.

— Я-то уже прииял обедеииую дозу, но по такому случаю грех отказаться.

Дружиловский прннес из столовой бутылку коньяку, печенье, иаполиил рюмкн. Наблюдая за ннм, Орлов думал о том, что подпоручик наверняка зиает о его солидиом деле н для него должио быть заманчивым предложенне объедннить усилня. Но подпоручик сразу же ушел от этого разговора, значнт, он сам это решить не может. С кем же ему иадо советоваться? С поляками нлн иемцами? Все-такн скорей всего с немцами.

— Прошу не сетовать,— сказал Дружиловский, показывая иа скромиый стол.— Живу по-холостяцки, без особых разиосолов.

— Ко мне приходнте,— ответил Орлов.— У меня и в Берлине открытый русскнй дом, семейный очаг и все такое прочее...

Оии выпилн за встречу. Потом — за скорейшее освобождеиие Россни из-под большевистского ига.

Орлов посмотрел иа письмеииый стол, завалеиный газетами.

— Как идут дела?

— Только учимся ходить, хвалиться пока нечем,— улыбиулся Дружнловский.

— Хвалиться будем сообща, когда вернемся в нашу первопрестольную,— вдруг со злостью сказал Орлов. Он взял бутылку, сам иалил себе коиьяку н выпнл.— Черт бы все побрал,— пронзнес он про себя, и было непонятно, к чему это относилось.— А у меия дело поставлеио давио н прочно. Катится как по рельсам. Даже когда я сплю, оно катнтся. Могу неделю за стол ие садиться. Вот как надо работать!

«Ои пьяи, если так хвалится»,— решил Дружиловскнй н наполнил рюмкн.

— За ваши успехи.

— И за вашн,— поднял рюмку Орлов. Быстро и жадио выпнв, он продолжал: — Работать надо с размахом, а то лавку лучше и не открывать. Я в прошлом году имение купнл. Ну, коиечио, не какие-то там безбрежиые иивы, как в Россни, но все-таки... Камеиный дом, два этажа, по-иемецки — с башеикамн. Отдельно дом для челяди. Коиюшня. Сад. И все за камеиным забором. Крепость!

— Зачем это вам? — спросил Дружиловскнй без всякого ннтереса, он в это время обдумывал, как начать разговор о своем деле.

— Зачем? — Орлов смотрел на него со снисходнтельной улыбкой.— Недвнжимая, голубчнк, собственность. Не-дви-жи-ма-я! Ннчто н ннкто ее не сдвннет! Вы не знаете, какое это удовольствне — хоть на денек вырваться из берлнской нервотрепкн н оказаться там, зажечь камии, взять из погреба бутылочку.— Он мечтательио помолчал и добавнл неожндаино:— У меня жена княжеского рода. Ну а княжне даже положен замок.

— Я о таком н мечтать не могу,— тихо н печально проговорнл Дружиловскнй.

— Э-э-э, голубчик, тут надо не мечтать! — Орлов подиял палец.— Действовать надо! И еще — нельзя мельчнть. Запомннте это. Я лнчно берусь только за масштабные дела. Тогда н ннтерес большой, н куш большой, н с большнми людьмн дело нмеешь. Вот только что я завершнл дело. Работал с одним англичанином нз солидной фнрмы. Голова мнинстерская! Знает всю подноготную любой страны, а Россню как свон пять пальцев. Работать с иим одно иаслаждеине. И сработалн мы такое, что мнр ахнет. Вот как надо работать, голубчик!

— Не могли бы вы мне, только начннающему дело, оказать маленькую помощь? — спроснл Дружиловский.

— Смотря какую,— деловнто ответил Орлов.

— Мие нужен какой-ннбудь советскнй документ, а лучше — чнстый советскнй блаик.

— Очень нужеи? — Орлов хнтро прнщурнлся.

— Да... очень... вы же самн говорнлн — надо действовать заодно.

Орлов энергнчио поднялся с кресла, застегнул пнджак на все пуговицы.

— Когда будем заодно, тогда н поговорнм,— сухо сказал он.

— Ну что ж, обойдусь,— сказал Дружиловскнй.

— Обнделнсь? Зря. Так дела не делаются: здравствуйте н давайте документ. Заходнте как-инбудь ко мне в контору. Расскажите толком, что к чему. Подумаем. Обсуднм. Может, что н сообразим.— Орлов говорнл н держался так, словно н рюмкн не выпнл. Да, доктор Ротт был прав, строго предупреждая, что Орлов — лиса н с ннм каждую мннуту иадо быть иачеку.

— Спаснбо, я обойдусь,— пробормотал Дружиловскнй.

— Ну и хорошо. А пока будем счнтать, что мы возобиовнлн иаше знакомство, и давайте нметь друг друга в внду,— весело говорнл Орлов, надевая пальто.

Дружнловскнй вяло пожал протянутую ему руку, а когда дверь за Орловым закрылась, сказал злобно:

— Зажрался, сволочь.

На другой день он доложил Ротту о визите Орлова. Он знал: если доктор Ротт начинает двигать тонкими губами, будто конфетку сосет, значит, он чем-то доволен. Но чем? Может, зря он умолчал, что просил у Орлова помощи и получил отказ?

— Прекрасно... прекрасно...— рассеянно сказал доктор Ротт. Сейчас он получил подтверждение, что Сидней Рейли в Берлине и каждый вечер бывает у Орлова. Теперь следовало узнать, что они там делали.

Дружиловский вдруг осмелел.

— Господин Ротт, у меня плохи дела с поляками. Помогите.

— Что случилось? — спросил немец.

— Они требуют от меня советские документы, а где я их могу взять? Грозят расправой.

Доктор Ротт посмотрел на него удивлено и сердито:

— Вы абсолютно не умеете мыслить аналитически, обратите на это внимание! Неужели вы не знаете, что с Москвой у нас дипломатические отношения? Ах, знаете? И пытаетесь к польским делам против Советов пристегнуть меня, вполне официальное лицо Германии!

— Я думал...

— Меня не интересует, господин Дружиловский, что вы думали. Важно только то, что вы думали неправильно.

Дружиловский челночил между всеми своими хозяевами, со страхом ожидая встречи с Перацким.

И вот этот день наступил. Будь все на свете проклято. И доктор Ротт в том числе. Сам сунул его к полякам, а теперь отворачивается, он, видите ли, официальное лицо. Зиверт тоже хорош, ему всех дел — только пальцем шевельнуть, а тоже воротит рожу.

Перацкий, не ответив на приветствие, спросил:

— Принесли?

— Еще не готово,— ответил он.

— Мне все ясно,— зарычал Перацкий, закусив изжеванную сигару.— Вы просто не хотите работать для Польши. Это, конечно, ваше дело, но я вам не завидую.

— Очень трудное задание...— начал Дружиловский.

— Замолчите, пся крев! — вместе с сигарным дымом яростно выдохнул Перацкий.— Легко только деньги получать. Но, может, вы решили, что я должен платить вам за одну возможность видеть вашу унылую физиономию? Вы, как проститутка, предпочитаете тех, кто больше платит!

Некоторое время он стоял, разгневанно смотрел на Перацкого, почти не видя его, потом повернулся и медленно вышел из кабинета. Обида опалила его, осилила страх.

Как только он вернулся в свое агентство, зазвоннл телефон. Он не хотел брать трубку, ио телефон звонил настойчнво, непрерывно. Он подошел к телефону.

— Это Моравский,— услышал он знакомый вкрадчнвый голос.

— Что вам угодио?

— Я прошу вас не обращать вннмаиия на проншедшее н продолжать работу. Я так жалею, что отсутствовал. Он тоже крайне расстроен н...

— Я плевал на его иастроенне! — крикнул Дружнловский н повеснл трубку.

Весь день он думал, почему онн нспугалнсь, а вечером пошел к Зиверту.

— Плюнь н разотрн,— сказал Зиверт, выслушав его.— Поляки есть полякн, их не переделаешь, и в работе бывает всякое, и вообще, обнда — женское занятне. А то, что тебе позвоннл Моравскнй, ставит на этом вопросе крест.

Зиверту нужно было успоконть Дружнловского — он получнл выговор от доктора Ротта за то, что не помог подпоручику сделать документ для поляков.

— Слушай, а что конкретио им от тебя нужио? — спроснл Зиверт.

— Я же говорнл вам.

— Неужелн ты не поннмаешь, что у меня голова забнта свонмн деламн? — перебил его Зиверт.— Говорил, говорнл... а я не слышал н не помню.

— Онн требуют советскнй документ против Америкн,— угрюмо сказал Дружнловскнй.

— Только н всего? Прямо от меня пойдешь к Гаврилову, и все, что тебе надо, он сделает. Дашь ему пятьдесят марок — и счнтай, что документ у тебя в кармаие. И все забыто.— Зиверт вдруг, круто повернувшись на каблуках, спроснл: — Тебе иужны деньги?

— Кому они ие нужиы?

— Наклевывается одио прнватное, очень выгодное дельце. Я тебя подключу, не возражаешь? Между намн, мужчинами, деньгн все-таки велнкое дело,— подмнгнул Зиверт н стал расхажнвать по комиате.

— Что я, дурак, что лн, отказываться,— улыбнулся Дружиловский.

— Договорнлнсь. Но только одио железное условне — о деле этом молчок. Ни-ко-му! Можешь?

— Я все могу.

— Я слышал, ты девочку завел? — весело спроснл Зиверт.

— А что — иельзя? — усмехиулся Дружиловский.

— Дело, коиечио, житейское,— согласился Зиверт и продолжал серьезио и жестоко: — Твоя ошибка, что ты взял русскую да еще голубых кровей. Вторая твоя ошибка, что ты держишь ее иа голодиом пайке. Настоящие мужчииы ие экоиомят иа любви. Да ие таращись иа меия, я скажу тебе, откуда мие все известио. Отец твоей девки болтается среди эмиграитов и всюду треплет твое имя, величает тебя подлецом. Зачем тебе это? Есть золотое правило: если идешь иа большое дело, под иогами должио быть чисто.

Подпоручик подумал, что Зиверт прав.

— Покумекай об этом,— продолжал Зиверт.— Ты включился в такие дела, когда рисковать из-за девки преступио. У тебя же есть благородиый предлог — отец ее против, и ты ие имеешь права и так далее... А вот комиату, где ты ее держишь, сохраии, оиа пригодится иам для того приватиого дельца.

«Да, да, действительио, иадо с этой блажью коичать и иачииать жизиь по-иовому...» — решил ои.

Гаврилов дал ему три чистых блаика советского торгпредства в Берлиие и одии блаик Комиитериа — все фальшивые, иаверио, из своих веиских запасов. Кроме того, ои дал «болваику» — так в этих кругах иазывались «образцы», по которым стряпали потом фальшивые докумеиты. В болваике были имеиа америкаиских коммуиистов: Рудберга, Форстера и Стоклицкого, и примериое содержание ииструкции, якобы иаправлеииой им из Москвы.

— Эту болваику я сам хотел делать, а Зиверт приказал отдать тебе,— сказал Гаврилов и добавил: — Цеиа за все без запроса сто марок.

Согласились иа пятидесяти.

Дружиловский пошел к себе в агеитство и, запершись в кабииете, иакатал «ииструкцию Комиитерна» своим агеитам в Америке об устройстве беспорядков. Машииистка Соловьева перепечатала ее иа блаик. Перечитывая свое сочииеиие, ои все-таки поиимал, что выглядит оио ие солидио — подозрительиы и краткость и иекоикретность ииструкции, ио больше ои иичего придумать ие мог и решил,— если поляки отвергиут его работу, ои порвет, ои больше ие желает терпеть оскорблеиия.

Ои ие зиал, как был иужеи полякам даже такой докумеит. Дело в том, что польская воеищииа уже давио стремилась привлечь Америку хоть к какому-нибудь участию в своих аитисоветских делах. Впрочем, эта идея муссировалась тогда ие только в польских кругах. В иемецких газетах тоже появлялись критические высказываиия по поводу америкаиского изоляциоиизма, который имеиовался то предательством Европы, а то и сговором аме-

риканских толстосумов с большевиками. Во французской газете «Таи» была помещена карикатура, на которой америкаиский дядюшка Сэм прнннмал из рук Ленниа мешок с золотом. Под рнсунком — слова дяди Сэма: «Дайте мне золото, и я прощу вам все».

Дружнловский позвоиил Моравскому:

— Документ готов.

— Когда вы прндете? — мягко отозвался Моравский.

— Когда вы будете однн.

— Я все поннмаю. Жду вас через час. Можете?

Через час Дружнловский вошел в знакомый кабинет н увндел рядом с Моравским Перацкого. Он уже хотел поверну́ть обратно, но подбежавший Моравскнй крепко взял его под руку н повел к столу.

Дружиловскнй сел в кресло, возмущеино глядя на Моравского, а тот дружескн улыбался.

— Дело для иас свято, и вмешивать сюда эмоции глупо,— негромко сказал Перацкнй.

Дружнловский, не оглядываясь, вынул нз кармаиа документ.

— Именио то, что иужио,— бегло прочитав документ, сказал Моравский н отдал его Перацкому.

Вннмательно прочнтав, Перацкнй поднял взгляд на Дружиловского.

— Великолепно! — пронзиес ои тихо, точно про себя.

Дружнловскнй не шевельиулся.

— Надо только хорошенько подумать, куда н каким способом мы его двннем,— продолжал Перацкий, обращаясь к Дружиловскому, но тот молчал.

— Можете вы быстро сделать две фотокопнн докумеита? — спросил Перацкий.

— Могу.

— Впрочем, нет,— продолжал Перацкий.— С этнм докумеитом вы сейчас же пойдете в американское консульство. Там работает ваш русский, иекто господин Гамм.

— Петр Алексаидрович? — механическн спроснл Дружнловскнй.

— Вы его зиаете? Тем лучше. Покажите докумеит ему, н, если коисульство заннтересуется, пусть оии сделают для вас две копии. Важно, чтобы оии заинтересовались, тогда от иас с вами больше иичего не потребуется.

Дружнловский только теперь понял, что прииес действнтельно иужиый докумеит.

— Отдать бесплатно? — спроснл он.

Перацкий поморщился:

— Сами этот вопрос не поднимайте. В конце концов, вы получаете у нас жалованье.

В американском консульстве Дружиловского встретили подозрительно.

— По вопросам виз на въезд в Америку мы переговоров не ведем,— сказал дежурный сотрудник, не впуская его в вестибюль. Но когда Дружиловский сказал, что ему нужно повидать мистера Гамма, его пропустили.

Вскоре в вестибюль вошел Гамм: тощий, элегантный, с бледным непроницаемым лицом. Точно таким его помнил Дружиловский по встречам за карточным столом в Петрограде.

— У меня к вам очень важное дело,— начал Дружиловский.

— Пойдемте ко мне.

Прочитав документ, Гамм сказал:

— Это любопытно... Подождите меня минуточку...— он направился к двери.

— Мне нужны две копии этого документа,— сказал ему вслед Дружиловский.

— Зачем? — остановился Гамм.

— Нужны, и очень!

— Хорошо.

Гамм долго не возвращался, а вернувшись, вручил ему две отлично выполненные фотокопии документа. Подлинник он вложил в конверт и надписал адрес.

— Идите по этому адресу, вас ждут.

— Кто?

— Берлинский корреспондент американской газеты «Чикаго трибюн» господин Солдес. Он предупрежден о вашем визите и даже о необходимости заплатить вам гонорар,— улыбнулся Гамм.

Мистер Солдес — нездорово расплывшийся молодой человек с отекшим лицом — был довольно груб.

— Ну, что вы там сварили в своей адской кухне? — спросил он, не здороваясь.

Взяв конверт, вынул из него документ и быстро прочитал.

— Эх вы, повара! Здесь сказано об американском коммунисте Рудберге, а такого нет в природе, есть Рутенберг.

— Опечатка,— невозмутимо ответил Дружиловский.

— За такие опечатки нашего брата по шее бьют,— сказал Солдес.— А теперь нужна дополнительная работа.

— Давайте исправлю.

— Нет,— резко возразил Солдес.— Это не школьное сочинение, а документ, во всяком случае, должен считаться документом. Надо приготовить еще один на эту тему, в нем снова поставить фамилию Рудберг, а через тире — Рутенберг. Пусть в Америке думают, что в Кремле у этого коммуниста есть вторая фамилия. Сделать это надо срочно, сегодня же. Крайний срок — завтра.

Дружиловский вспомнил, что Бенстед, живущий теперь в Берлине, хвастался, как ловко он заполучил бланк московской газеты «Известия» — написал в берлинское представительство газеты запрос о том, сколько стоит напечатать в «Известиях» коммерческое объявление, и получил ответ на бланке, что все переговоры необходимо вести в Москве. Этот текст Бенстед с редакционного бланка смыл, но потом так и не смог придумать, как этот бланк употребить в дело...

Не откладывая, Дружиловский отправился к Бенстеду и выпросил у него этот бланк. У себя в агентстве с помощью все той же машинистки Соловьевой он напечатал на бланке «Известий» текст, из которого было ясно, что представительство «Известий» в Берлине не что иное, как замаскированное представительство Коминтерна, и вот оно-то и направляло в Америку письмо, в котором сообщалось, что Рудбергу — Рутенбергу от Коминтерна переданы деньги через «Нью-Йорк сити банк».

К концу дня он снова был у Солдеса.

Прочитав новый документ, американец рассмеялся:

— Пахнет за милю дерьмом, но беру.

Солдес вынул из кармана пять десятидолларовых бумажек и протянул Дружиловскому.

— Стоит это дерьмо дешевле, но у меня сегодня хорошее настроение. Но вот что надо сделать еще — одну из копий вы снесите в наше представительство, известному вам мистеру Гамму. Мне надо, чтобы и этот документ тоже был там. Я на это сошлюсь как на официальное подтверждение факта. Кстати, денег там больше, чем у меня. Торгуйтесь. Гуд бай.

Обе эти фальшивки были напечатаны в «Чикаго трибюн» 15 февраля, и в американской печати началась бесстыдная травля коммунистов.

Одну из копий с разрешения Перацкого Дружиловский продал за двести марок майору Лорену из французской разведки.

Дела у него снова пошли совсем неплохо. И это был очень важный момент в его жизни — он понял, что и в большой политике горшки обжигают не боги.

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ ДРУЖИЛОВСКОГО:

Прокурор Катанян. А когда вы принесли этот бланк в американскую миссию, они там понимали, что бланк «Известий» не есть бланк Коминтерна или Советского правительства?

Подсудимый Дружиловский. Я написал то, о чем здесь уже говорили, что контора «Известий» является филиалом Коминтерна. С таким же успехом я мог бы написать, что контора «Известий» является филиалом Верховного Суда. *(Смех в зале.)*

ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ. 27 февраля 1925 года

«Четыре дня вместе с Павловым был в Париже по делам «Братства белого креста». Вращался в высших кругах монархической эмиграции, был представлен Кириллу и выслушал от него обнадеживающее заявление о скором крахе большевиков.

По поводу вашего срочного запроса. Интересующую вас фальшивку, адресованную американским коммунистам, я имел возможность прочитать во французских газетах, находясь в Париже. Даже в окружении Кирилла слышал о ней иронические высказывания. Выяснить, где эти фальшивки изготовлены, крайне трудно. Очевидно, или в группе Зиверта, или в группе Орлова, или в новом агентстве «Руссина» известного вам Дружиловского. Где точно, пока выяснить не смог. Не сходить ли мне все-таки в агентство Дружиловского? Я этот шаг хорошо продумал — могу получить официальное поручение Павлова — выяснить, что это за агентство. Он последнее время часто сетует на распыленность антисоветских сил и ищет пути консолидации. Я сознаюсь Дружиловскому, что в Риге я его дезинформировал, что и там я был человеком Павлова и его «братства». Можно было все узнать у берлинского корреспондента «Чикаго трибюн» Солдеса, но он только что переведен из Германии в Италию. Не результат ли это протеста наших представителей в Америке? Попытайтесь найти путь к Солдесу в Италии, учтя, что это до предела циничный тип, для которого нет в мире ничего святого. Только — деньги.

Кейт».

Резолюция на донесении:

1. Передать Кейту, что вариант официального визита в «Руссину» приемлем.

2. Запросить у Кейта подробное донесение об окружении Кирилла.

3. Дать поручение в Италию в отношении Солдеса.

Глава пятнадцатая

Публикацию документов мы начинаем с ноты английского министерства иностранных дел, врученной полпреду СССР:

«Министерству иностранных дел.

24 октября 1924 года

Милостивый государь,

1. Имею честь обратить Ваше внимание на прилагаемое письмо, полученное Центральным Комитетом Британской Коммунистической Партии от Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала от 15 сентября. Указанное письмо содержит некоторые инструкции для британских подданных для насильного свержения существующего строя в этой стране и разложения вооруженных сил его величества как средства к основной цели.

2. Считаю своим долгом сообщить Вам, что правительство его величества не может допустить эту пропаганду и рассматривает это как непосредственное вмешательство извне во внутренние дела Великобритании.

3. Всякий, кто знаком с уставом и связями Коммунистического Интернационала, нисколько не станет сомневаться в его тесной связи и контакте с Советским правительством. Ни одно правительство не допустит существования такого порядка, при котором иностранное правительство находится в правильных дипломатических отношениях, но в то же время допускает организации, непосредственно связанные с этим иностранным правительством, побуждать подданных данного правительства к подготовлению революции для его низвержения. Подобное поведение есть не только серьезное отступление от общих правил международного общения, но и нарушение того торжественного заверения, которое Советское правительство дало правительству его величества.

4. Всего лишь 4 июня прошлого года Советское правительство заключило следующее торжественное обоюдное соглашение с правительством его величества: «Советское правительство обязуется не поддерживать ни в материальной, ни в какой-либо другой форме отдельных лиц, групп, агентов или учреждений, стремя-

щихся распространить недовольство или вызвать восстание в какой-либо части Британской империи... и призвать своих должностных лиц к полному и постоянному выполнению этих условий».

5. Помимо этого, в договоре, недавно заключенном между правительством его величества и Вашим правительством, было сделано дальнейшее постановление для правильного выполнения этого обязательства, которое является необходимым для существования добрых и дружественных отношений между обеими странами. Правительство его величества полагает, что эти обязательства должны быть выполнены как буквально, так и по своему духу, и не может согласиться с тем, что в то время, как Советское правительство принимает на себя обязательство, другая политическая организация, столь же мощная, как само правительство, ведет и поддерживает деньгами пропаганду, которая является прямым нарушением официального соглашения. Советское правительство либо имеет, либо не имеет полномочий на заключение подобных соглашений. Если оно уполномочено, то оно обязано выполнять эти обязательства и следить за тем, чтобы другая сторона не была введена в заблуждение. Если же оно не имеет таких полномочий и если ответственность, которая в других странах принадлежит государству, в России находится в руках частных и безответственных организаций, то Советское правительство не должно было заключать соглашений, о которых оно знает, что не сможет их выполнить.

6. Я буду Вам обязан, если Вы будете настолько добры безотлагательно сообщить мне мнение Вашего правительства по этому вопросу.

Я имею честь и т. д. ...

За отсутствием министра иностранных дел
Дж. Д. Грегори».

«ПИСЬМО КОМИНТЕРНА *

Совершенно секретно. Центральному Комитету Британской Коммунистической Партии.

Исполнительный комитет Третьего Коммунистического Интернационала. Президиум. Москва, 15-го сентября 1924 г.

Дорогие товарищи, приближается момент обсуждения английским парламентом договора, заключенного между правительством Великобритании и СССР, с целью его ратификации. Бешеная кампания, поднятая британской буржуазией вокруг этого вопроса,

* Этот текст был приложен к первой ноте английского121 миниидела полпреду СССР.

показывает, что большинство таковой вместе с реакционными кругами идет против договора с целью сорвать соглашение, укрепляющее узы между пролетариатом обеих стран и ведущее к восстановлению нормальных сношений между Англией и СССР. Пролетариат Великобритании, который произнес свое веское слово, когда угрожала опасность разрыва прежних переговоров, и заставил правительство Макдональда заключить договор, должен проявить величайшую энергию в дальнейшей борьбе за ратификацию и против попыток британских капиталистов заставить парламент аннулировать договор.

Необходимо расшевелить массы британского пролетариата и привести в движение армию безработных пролетариев, положение коих может быть улучшено только после того, как СССР будет представлен заем на восстановление его хозяйства и деловое сотрудничество между британским и российским пролетариатом будет налажено. Необходимо, чтобы группа в рабочей партии, симпатизирующая договору, оказала усиленное давление на правительство и парламентские круги в пользу ратификации договора. Следите внимательно за лидерами рабочей партии, потому что они легко могут быть уличены в проведении намерений буржуазии. Уже и так иностранная политика рабочей партии в ее настоящей форме представляет собой плохую копию политики правительства Керзона. Организуйте кампанию разоблачения иностранной политики Макдональда. ИККИ охотно предоставит в Ваше распоряжение имеющийся у него обширный материал относительно деятельности британского империализма на Среднем и Дальнем Востоке. Пока же напрягайте все силы в борьбе за ратификацию договора и за продолжение переговоров относительно урегулирования взаимоотношений между СССР и Англией. Улажение отношений между обеими странами поможет делу революционизирования международного и британского пролетариата не меньше, чем успешное восстание в любом рабочем районе Англии, так как установление тесного контакта между британским и российским пролетариатом, обмен делегациями и рабочими и т. д. сделает для нас возможным расширить и развить пропаганду идей ленинизма в Англии и колониях.

Вооруженной борьбе должна предшествовать борьба против склонности к компромиссу, которая внедрена в большинстве британских рабочих, против идеи эволюции и мирного уничтожения капитализма. Только тогда можно будет рассчитывать на полный успех вооруженного восстания. В Ирландии и колониях дело обстоит иначе: там существует национальный вопрос, и таковой представляет собой слишком важный фактор для нашего успеха, чтобы тратить время на длительную подготовку рабочего класса.

Но даже в Англии, как в других странах, где рабочие политически развиты, события сами по себе могут развиваться быстро, революционизируя рабочие массы лучше, чем пропаганда. Например, забастовочное движение, репрессии со стороны правительства и т. д. Из Вашего последнего доклада ясно, что агитационная и пропагандистская работа в армии слаба, во флоте не лучше. Ваше объяснение, что качество привлеченных членов оправдывает количество, правильно в принципе, однако было бы желательно иметь ячейки во всех войсковых частях, в особенности среди тех, которые расположены в крупных центрах страны, а также на фабриках, изготовляющих оружие, и на военных вещевых складах. Просим обратить особое внимание на последние. В случае опасности войны с помощью последних и в контакте с рабочими транспорта можно парализовать все военные приготовления буржуазии и сделать начало в превращении империалистической войны в войну классовую. Мы должны теперь больше чем когда-либо быть настороже. Попытки интервенции в Китае показывают, что мировой империализм все еще полон энергии и еще раз делает попытки восстановить свое расшатанное положение и начать новую войну, которая имеет своей конечной целью распад российского пролетариата и подавление расцветающей революции и в дальнейшем привела бы к порабощению колониальных народов.

«Опасность войны», «Буржуазия ищет войны, капитал — новых рынков» — вот лозунги, с которыми Вы должны ознакомить массы. Эти лозунги откроют Вам путь к постижению масс и помогут Вам овладеть ими и идти под знаменем коммунизма. Военная секция коммунистической партии, насколько Вам известно, кроме того, страдает от недостатка специалистов, будущих руководителей британской красной армии.

Пора Вам подумать относительно создания такой группы, которая вместе с вождями смогла бы быть в случае активной забастовки мозгом военной организации партии. Просмотрите внимательно список военных ячеек, выделите из них наиболее способных и энергичных людей. Обратите внимание на более талантливых военных специалистов, которые по той или иной причине оставили службу и придерживаются социалистических взглядов. Привлеките их в ряды коммунистической партии, если они желают честно служить пролетариату и хотят в будущем направлять не слепые механические силы в услужении буржуазии, а национальную армию. Сформируйте направляющую оперативную головку военной секции. Не откладывайте этого на будущее, которое может быть чревато событиями и может застать Вас неподготовленными.

Желаем Вам всяческих успехов в организации и в Вашей борьбе.

С коммунистическим приветом...
(подписи)».

«НОТА
от 25 октября 1924 года

Милостивый государь,

я получил ноту Форейн Оффис от 24-го октября, подписанную г-ном Грегори, на которую я имею честь ответить следующее:

1. Еще недавно, в прошлом году, после того, как был улажен дипломатический конфликт, имевший место в мае, представитель Правительства Советского Союза в Лондоне и Форейн Оффис пришли к соглашению, что в интересах укрепления дружеских отношений между двумя странами обе стороны будут стремиться улаживать всякие, могущие возникнуть инциденты путем прямых переговоров, прибегая к посылке нот лишь в том случае, если этот дружеский образ действия не даст благоприятных результатов. После моего прибытия в Лондон Форейн Оффис непосредственно подтвердил, что в будущем мы будем придерживаться этой разумной политики, которая устранит те недоразумения, которых можно избегнуть, и предотвратит будущие конфликты.

Придерживаясь этого правила, мы оказались в состоянии дружеским образом ликвидировать несколько инцидентов, затрагивающих обе стороны. В виде примера я сошлюсь на тот факт, что мое правительство не прибегло к публичному протесту и не создавало конфликта в связи с чрезвычайно важным инцидентом, затрагивающим самые жизненные интересы Союза, который возник в результате декларации, сделанной представителем британского правительства, профессором Джильбертом Муррей, на конференции Лиги Наций,— декларации, которая была в противоречии с нашим соглашением прошлого года и с условием нового договора от 8 августа относительно невмешательства в наши внутренние дела и которая явно нарушила ноту британского правительства о признании Советского Союза.

2. К моему глубокому сожалению, полученная мною вчера нота, в которой Форейн Оффис сделаны абсолютно необоснованные обвинения против Советского правительства в момент, когда британское внимание сконцентрировано на англо-советских договорах и будущих сношениях между Великобританией и Советским Союзом, является неожиданным нарушением процедуры, на которую мы взаимно согласились.

3. Касаясь вышеупомянутой ноты г-на Грегори, я самым категорическим образом заявляю, что документ, приложенный к ней, является явной подделкой и смелой попыткой предупредить развитие дружеских отношений между двумя странами. Если бы вместо нарушения установленной практики Форейн Оффис сразу же обратился ко мне за объяснениями, было бы нетрудно убедить Форейн Оффис, что он стал жертвой обмана со стороны врагов Советского Союза. Не только содержание, но и заголовок и подпись на документе определенно доказывают, что он является работой преступных личностей, недостаточно знакомых с конституцией Коммунистического Интернационала. В циркулярах Коммунистического Интернационала (которые можно встретить в прессе, ибо деятельность его не является тайной) он никогда не обозначается как «Третий Коммунистический Интернационал» — по той простой причине, что никогда не было первого или второго Коммунистического Интернационала. Подпись является такой же неуклюжей подделкой.

Кроме того, все содержание документа с коммунистической точки зрения состоит из ряда нелепостей, имеющих целью просто восстановить британское общественное мнение против Советского Союза и подорвать усилия, которые были приложены обеими странами для установления длительных и дружеских сношений.

4. Очевидная фальшивость этого документа освобождает меня от необходимости отвечать на сделанное в ноте Форейн Оффис заключение об ответственности Советского правительства за деятельность Коммунистического Интернационала, поскольку оно основано на предположении, что документ является аутентичным.

5. Я категорически протестую против употребления фальшивых документов против Советского Союза, а также против нарушения взаимно установленной процедуры по рассмотрению всех инцидентов, которые могут возникнуть между двумя странами. В то же время я выражаю мое убеждение, что британское правительство примет необходимые шаги для установления авторства в этой злонамеренной попытке создать конфликт между двумя правительствами. Это обеспечит возможность предупреждения в будущем повторения подобных инцидентов.

Примите и пр. ...

Макдональду, министру иностранных дел
Форейн Оффис».

Вслед за обменом этими нотами английские буржуазные политики начали разнузданную антисоветскую кампанию, которая

привела фактически к разрыву англо-советских отношений. А господа консерваторы воспользовались этой мутной волной антисоветчины, запугали английского обывателя угрозой коммунизма и как защитники этого обывателя прорвались к власти.

Вот что означал тот «документ», который был сотворен в конторе политического жулика Орлова.

А теперь мы приведем одно запоздалое свидетельство.

В английской газете «Санди таймс» за 8 февраля 1968 года на первой полосе опубликована следующая заметка:

«В руках того, кто опознает почерк, которым написан русский текст письма, воспроизведенного в нашей газете, может оказаться ключ к одной из наиболее зловещих политических загадок Британии в нашем веке.

Возможно, что это оригинал «Письма Коминтерна», того чреватого трагическими последствиями политического послания, которое левые до сих пор выдвигают в качестве причины полного поражения первого лейбористского правительства на выборах в 1924 году. Левые всегда утверждали, что это письмо — фальшивка, использованная министерством иностранных дел, консервативной партией и Интеллидженс сервис для того, чтобы подогреть клеветническую кампанию против «коммунистической опасности».

Поскольку недавно впервые был обнаружен оригинал письма, появилась возможность проверить гипотезу, что письмо не больше не меньше как фальшивка. Русский текст был найден — где бы вы думали? — в подвалах юридического факультета Гарвардского университета молодым научным сотрудником Уильямом Батлером.

Батлер сразу понял значение шести фотографических пластинок, на которых засняты четыре страницы письма и еще две страницы какого-то другого документа, явно поддельного. Завернутые в коричневую бумагу негативы, перешедшие во владение Гарвардского университета по завещанию американского специалиста по советским делам, пролежали 40 лет в архивах университета, не внесенные в каталоги.

Его исследования этой находки, опубликованные в последнем выпуске Бюллетеня Гарвардской библиотеки, привели Батлера к заключению, что это письмо, вероятно, подделка.

Так называемый гарвардский текст отличается только в незначительных деталях, в основном объясняющихся переводом, от английского экземпляра, опубликованного министерством иностранных дел в 1924 году.

Подобно английскому варианту, он якобы написан в Москве и призывает Коммунистическую партию Великобритании подстрекать к мятежам в армии и к восстаниям пролетариата.

Так же как в экземпляре министерства иностранных дел (который никто никогда не видел в русском оригинале), в нем имеются некоторые внутренние несоответствия, которые наводят на мысль о подделке.

Из всех теорий, выдвигающихся по этому поводу, Батлер склоняется в пользу той, которая считает, что главным действующим лицом во всей этой истории была польская разведка. В то время Польша была ярым противником проводимого лейбористским правительством курса на улучшение отношений с Советским Союзом.

Однако анализ документа, сделанный Батлером, расходится с конкретными аспектами этой теории, наиболее развернуто изложенной журналистами газеты «Санди таймс». Исследователи, опиравшиеся на частные документы, до сих пор публиковавшиеся в печати, и свидетельство вдовы русского контрреволюционера Ирины Бельгард, пришли к выводу, что оригинал фальшивки был сфабрикован группой эмигрантов, работавшей в Берлине, и распространен польской разведкой.

Если рукописный гарвардский текст является оригиналом, тогда возникает противоречие: Ирина Бельгард вспоминает, что ее муж и его сообщники сфабриковали этот документ летом 1924 года, отпечатав его на старой пишущей машинке. Однако вполне возможно, что гарвардский текст лишь списан с более позднего варианта письма...»

И еще одна выдержка из той же газеты:

«Письмо Коминтерна» написано рукой английского шпиона?

На прошлой неделе мы предложили нашим читателям помочь в решении одной исторической загадки, воспроизведя в нашей газете часть недавно обнаруженного русского оригинала «Письма Коминтерна» — документа, который якобы привел к падению первого лейбористского правительства в 1924 году. Мы высказали предположение, что, если кто-либо опознает почерк, которым написано письмо, это, возможно, поможет понять, почему это подстрекательское послание, которое, как установлено газетой «Санди таймс», является фальшивкой, было принято за подлинное и использовано в яростной предвыборной кампании против «красной опасности». Один из наших читателей дал ключ к решению этой загадки.

Сейчас стало очевидно, что основной транскрипт письма, то

есть вариант, убедивший министерство иностранных дел в его подлинности, был написан не русским и, во всяком случае, не руководством Коминтерна, как это утверждали в свое время.

Косвенные улики и особенности каллиграфии свидетельствуют о сходстве почерка автора письма с почерком Сиднея Рейли, непревзойденного английского шпиона. Рейли — доверенное лицо Уинстона Черчилля — был лучшим из разведчиков своего поколения.

На прошлой неделе некто Майкл Кетти, историк, занимающийся изучением этого периода истории, дал нам ключ к решению загадки. Он представил образец почерка Рейли, взятый из книги «Приключения Сиднея Рейли», отредактированной женой шпиона и опубликованной в 1931 году. В ней, в частности, воспроизводится письмо Рейли своей жене, датированное сентябрем 1925 года. В этом письме он говорит о своей предстоящей поездке в Москву и в Петроград, поездке, из которой он так и не вернулся.

Кетти бросилось в глаза сходство между этим почерком и русским текстом письма, опубликованным в воскресенье 8 февраля в нашей газете.

В пятницу фотокопии письма Рейли и полный русский текст письма, найденный в прошлом году в архивах юридического факультета Гарвардского университета, были показаны Джону Конвею, эксперту по исследованию спорных документов. Конвей, являющийся членом Британской академии криминалистики, заявил:

«Я сравнил эти два текста и, исходя из характера почерков, то есть нажима, расстояния между буквами, написания букв, их размера и других характерных признаков, убедился, что они были написаны одним и тем же человеком. В особенности бросается в глаза сходство в манере написания прописного «Д» и строчного «д». Характерно также написание других букв... То, что тексты написаны на языках с различным алфавитом, несколько затрудняет сравнение, однако внешний вид и манера написания букв одинаковы. Ни один из этих признаков в отдельности не мог бы быть сочтен исчерпывающим доказательством, однако совокупность их заставляет полагать, что они характерны для почерка одного и того же человека».

Если русский текст был действительно написан Рейли, то многие части головоломки становятся на свои места. По словам Уильяма Батлера, обнаружившего русский текст письма в архивах Гарварда, этот текст первоначально появился в Париже. Американский консул Уэсткотт осенью 1924 года писал в неофициальной памятной записке, что этот документ был получен им от агента за кодовым номером АБI.

Рейли, как сказано в книге его жены, в июле — августе того же года находился в Париже * и был причастен к очень «важному политическому делу, подробности которого я не имею права раскрывать».

Он был тогда очень близок к польской разведке, которую давно подозревали в том, что она подделывает документы и сбывает их европейским разведкам того времени. Поляки были ярыми противниками какого-либо сближения между Советской Россией и Западом.

На родине Рейли, в Англии, причастность его к этому делу проливает свет на еще две загадки. Становится ясно, почему столь многие среди английской правящей верхушки поверили в подлинность этого письма: репутация Рейли в мире разведки была безупречной. Его объяснения, почему документ написан его почерком, не вызвали бы у его ближайших коллег никакого недоверия. По всей вероятности, Рейли разъяснил, что он получил оригинал лишь на короткое время и спешил переписать его прежде, чем исчезновение его будет замечено.

Неизвестно — и, возможно, никогда не станет известным,— не был ли сам Рейли одурачен и не поверил ли он вполне искренне в аутентичность письма, или же он добыл его, зная, что это фальшивка. Три года назад три репортера газеты «Санди таймс» установили, что замысел письма, если не вся его фразеология, принадлежал русской эмигрантской «фабрике фальшивок», работавшей при покровительстве польской разведки в Берлине. Не было ли это известно также и Рейли?..»

В заключение газета писала:

«Подлинное имя капитана Сиднея Рейли — Зигмунд Георгиевич Розенблюм. В министерстве иностранных дел его звали «шпионом, который не делает ошибок». С любой точки зрения это был незаурядный человек. Вся беда в том, что Сидней Рейли был не прочь разрекламировать себя, и легенда вокруг его имени частично была соткана им самим.

В начале двадцатых годов он сотрудничал с эмигрантскими организациями в Западной Европе, и его связи с этими кругами вовлекли его в заговор вокруг «Письма Коминтерна».

Рейли был азартным человеком и не раз держал пари с судьбой. Самым пылким его желанием было «погибнуть в максимально романтической обстановке», говорится в одном рассказе о нем. Он был расстрелян в России».

---

* По-видимому, жена шпиона имела «неточную» информацию о передвижениях своего мужа.

Глава шестнадцатая

У Дружиловского была записная книжка из желтой кожи. На обложке золотом тиснено «Дневник» и инициалы «С. Д.». На первой страничке надпись — «Самое важное» и ниже — эпиграф, что ли: «Жизнь — это море, в котором плывут корабли. Но — море это еще и подводные рифы, и шторм, и девятый вал, который слабых кидает на дно, а сильных поднимает к небу. Где же он, мой девятый вал?» Дневник показывает нам человека весьма ограниченных данных, но с беспредельной уверенностью, что он предназначен сыграть выдающуюся роль в жизни всех. В момент своего наибольшего успеха, когда его фальшивками занимались государственные деятели нескольких стран, он сделал такую запись: «Покончим с большевиками и вернемся в Россию под колокольный звон. Но Зиверт, конечно, прав — толкучка там будет невероятная, все полезут. Мне зачтется все. Поверю бумаге мечту — хотел бы я стать во главе российской полиции, ведь, кто сидит на этом месте, держит в руках всех...»

Всех, кто его обманул, обидел, унизил, он называет в своем дневнике подлецами, но собственную подлость считает не только добродетелью, но самым подходящим оружием в битве за достойное место в жизни: «Что-то везет мне на всяких подлецов, иногда просто зло берет, я стараюсь, работаю, выкладываюсь на всю силу, а главную славу за то, что я сделал, гребут какие-то подлецы».

Особо выделены записи о получении денег. Они обязательно на отдельных страничках: сумма, от кого, когда и краткий комментарий вроде: «Весьма прилично» или «Скупая сволочь». И все это аккуратно обведено рамочкой.

Все остальное в дневнике — своеобразная исповедь мерзавца. Вот запись, относящаяся, судя по всему, к тому времени, о котором идет рассказ:

«Нюську прогнал, и в комнате, где я на нее тратил деньги, теперь я их делаю. Немецких нюсек вокруг сколько хочешь и даже бесплатных. А все ж Нюськи жаль — уж больно пахло от нее Русью и плакала она как истинная русская баба, с подвоем. Но ничего не поделаешь — мы рабы политики... Все-таки душа моя больше лежит к тому, что немцы называют «гешефтмахер», тут все ясно — входишь в дело, и оно дает дивиденды. Скоплю капиталец, пойду в коммерцию. А политика будет у меня как побочный доход. Зиверт — настоящий друг и знает мне цену — сунул в свое золотое дельце. Сдохнуть можно как доходно! А у него, наверно, такие штуки всегда имеются, надо мне постараться, чтобы иметь от него вексель доверия на будущее. В общем, жизнь — приятное занятие».

Выгодное дело, о котором говорнл Зиверт, надвннулось быстро. В Берлнн нз Варшавы прибыла группа фальшнвомонетчнков: два поляка и русскнй — опытные мастера своего дела. Два года назад оии провелн граиднозную операцню в Южиой Амернке н потом отснживалнсь в Голландии, готовясь к новому делу. Они прнвезли в Берлин машнну для печатання фальшнвых долларов.

Каждое иовое дело шайка начннала с того, что покупала у полицнн гарантню своей безопасиостн сроком на три месяца. В Берлнне такую гарантию нм обеспечнл Зннверт. За это он поставнл условне: фальшнвые доллары продавать где угодно, кроме Германнн, но предпочтнтельно в Польше.

Зиверт продумал все до последией мелочн. На окранне Берлнна был снят пустовавшнй особняк, на дверях которого появилась скромная табличка:

«Ковальский и братья. Изготовление визитных карточек и приглашений. Исполнение срочное».

Заходнте, пожалуйста, и вы увндите, как трудятся братья Ковальские у маленького печатного станка, раскладывая на столе аккуратные стопочкн своей продукцнн. А если вы нз налогового управлення, пожалуйста, вот бухгалтерская кинга, в которой оформлены все заказы клиеитов.

В шесть часов вечера братья закрывали свою мастерскую н отправлялнсь в город, на Лейпцнгштрассе, где нх уже ждал Дружиловскнй — как н планнровал Зиверт, для этнх встреч пригодилась комиата, которую Дружнловскнй еще недавно снимал для своей Нюськн. Братья молча, тщательно пересчитывалн листы прнготовлениой бумагн для печатаиня долларов, пнсалн расписку, а затем Дружнловский так же тщательно пересчитывал принесенные братьямн иовенькие, хрустящне доллары н давал им зашнфрованную расписку. Не пронзнося нн слова, братья удалялись.

Ночью, когда для всех любопытных домик на окранне крепко спал, зажмурясь всемн своимн окнамн, в его подвале шла сложная работа. Дружнловский сначала не поннмал, почему братья работают медленно, ио, посмотрев один раз, как это делается, понял, что за одну иочь нельзя нспечь целую гору долларов — нзготовлеиие банкнота требовало ие меньше десятн мннут.

Взяв с помощью Дружнловского работу шайкн под коитроль, Зиверт продумал техиику сбыта долларов в Польшу. Раз в неделю один нз его сотруднков с аккуратиым чемодаичиком выезжал в Даицнг, где его точио с таким же чемоданчиком ждал вериый человек нз Варшавы.

Вот уже три месяца дело процветало: Знверт с компаньоном заработалн по десять тысяч марок. Такнх денег в руках Дружиловского еще не бывало. Он уже мечтал, как огребет тысяч сто,

а то и двести, и пустит их в солидное коммерческое дело. Мечта о богатстве оставалась для него самой заветной, он понимал волшебную силу денег.

Эту субботу он назначил себе заранее, думал о ней — «моя суббота», она была для него как пробный глоток той жизни, о которой он мечтал. Деньги есть, а за них Берлин может дать все, что твоей душе угодно. Он считал, что заслужил право на такой праздник. Ожидание омрачалось только воспоминанием о поляках. Перацкий словно забыл об удачном «советском документе» для Америки и требовал от него невозможного — проникнуть в советское посольство. На каждой встрече Перацкий опять изощрялся в ругани и угрозах, и подпоручик попросту не пошел на последнюю встречу, мысленно послав поляков ко всем чертям. Бешеные деньги придавали ему храбрости.

Его суббота настала... В конце дня он отправился в знаменитый парикмахерский салон на Курфюрстендам, где специально дождался французского мастера «мсье Раймонда».

— Нельзя ли из меня сделать француза? — сказал он мастеру заранее приготовленные слова.

— О! Мне почти ничего не надо делать! — воскликнул мсье Раймонд, восхищенно разглядывая в зеркале своего клиента.— Разве только несколько штрихов, если позволите.

Дружиловский благосклонно разрешил.

— Усики следует чуть поднять, чтобы приоткрыть ваши прекрасно очерченные губы,— ворковал мсье Раймонд, мягко касаясь пальцами его лица.— К поцелую первыми приходят губы, а потом уже усы. Но ни за что — вместе! — воскликнул он с испугом, очень серьезно.— И брови... брови... они должны говорить многое.

На эти несколько штрихов ушло более часа.

Приятно горело лицо после бритья, припарок и легкого массажа, густые черные волосы с модным боковым пробором блестели, усики изящными черными стрелками спускались от ноздрей к уголкам рта, а брови, подбритые с изломом, придавали лицу выражение задумчивого удивления и скорби...

Дома он переоделся. Светло-серый смокинг и узкие синие брюки со штрипками он сшил у хорошего портного еще на прошлой неделе. Лаковые туфли-джимми купил в самом дорогом магазине на Фридрихштрассе. Все было продумано и приготовлено заранее, все, вплоть до синего платочка в кармашке смокинга. Он решил, что пойдет один — это интереснее, это вызовет любопытство.

Когда стемнело, он вышел нз своего дома на Пассауэрштрассе — теперь он сиял квартнру нменио здесь, где жнлн людн с деньгамн. Площадь Внттенберга уже сверкала огнями ночной рекламы. Не задерживаясь здесь, он по Таунцннштрассе вышел к кнрхе Гедекннсс. Здесь было местечко встреч н вечерних прогулок богатой публикн. Постояв в гордом однночестве н будто сотворнв молнтву перед серой островерхой громадой церквн, он быстро иаправнлся к стоянке прокатных автомобнлей на Каитштрассе. Выбрав машиину побольше н поновее, он назвал шоферу номер самого шнкариого дома на Фрндрнхштрассе — это тоже заранее прнготовленный номер для шофера н для улнчных зевак. Когда автомобнль остановнлся н шофер, быстро обежав автомобнль, открыл перед ннм заднюю дверцу, он царственно сошел на тротуар и немножко громче, чем надо, прнказал:

— Ждите.

Не торопясь он вошел в подъезд, поднялся иа бельэтаж, постоял там мннут пять н затем вернулся на улнцу. Шофер броснлся открывать ему дверь, а он стоял перед машнной, нервио теребя пальцы белой перчаткн и упнваясь тем, как смотрнт на него улица. Все пронсходило нменно так, как он думал.

— Ресторан «Медведь»,— броснл он шоферу, откндываясь иа мягкую спннку сиденья. Машнна мягко взяла с места н осторожно влилась в поток вечернего двнжения. Все, все шло как задумано.

Это тоже заранее продумаио — сначала нменно в «Медведь». Там офнциаитамн работают русские офнцеры с известнымн дворянскнми фамилиямн. Вдруг окажется средн ннх знакомый?.. А за столнкамн можно увндеть некогда грозных царских генералов и известных русскнх полнтнков. Он нм покажет, как тут, в Берлиие, жнвет плебей — сын рогачевского нсправннка...

Метрдотель — тучный, седой, важный, в Петрограде ои был хозяином иесколькнх ресторанов — провел его к столнку, хотел позвать офнцнанта, но Дружиловский сказал:

— Одну мннуточку. Я хочу посоветоваться имеиио с вамн. Я здесь первый н, возможно, последннй раз. Там, где я живу постояино, ходят легенды о вашем «Медведе». Я хотел бы проверить их реальность. Давайте условимся: органнзуйте мие этот вечер так, как вы сделалн бы это для себя.

Наклоиясь к нему, метр сказал с улыбкой:

— Не рекомендую. У меня больиая печень. Я просто сделаю все, чтобы вы еще посетнлн нас. Скажнте мие только две вещи: склонны лн вы хорошо покушать н что вы будете пнть?

— Очеиь даже склонен покушать, склонен н хорошо выпнть, но не напнваться, это не в монх правнлах.

— Все ясно... все ясно...— понимающе кивал метрдотель.— Нет ли каких пожеланий... так сказать, особого свойства...— еще ниже наклонился он.

— Нет,— резко ответил Дружиловский, и метр, сделав постное лицо, удалился.

Загремел, завыл джаз-банд. Давно задуманный спектакль продолжался. Его обслуживали два официанта, оба русские, в летах и, судя по всему, весьма интеллигентные господа. Он не отказал себе в удовольствии думать, что оба они в прошлом полковники.

В ожидании, пока принесут еду, он смотрел, как на площадке для танцев, сбившись в кучу, фокстротировали пары, там в свете прожектора сверкали драгоценности — фальшивые или настоящие, поди узнай,— мелькали яркие платья, светились белые манишки.

После жареного цыпленка с белым рейнским вином он стал присматриваться к дамам. Ему очень приглянулась молоденькая блондиночка, сидевшая недалеко с кавалером, который годился ей в отцы. Дружиловский не спускал с нее гипнотизирующего взгляда. Ее старец, конечно, не сможет осилить все танцы, и тогда он подойдет и пригласит блондиночку... А там... Чем черт не шутит, когда старый бог спит...

Немного волнуясь, он снова ловил ее взгляд, как вдруг на его плечо опустилась чья-то рука.

— Дружиловский! Ты?

Он оглянулся — перед ним стоял во весь свой богатырский рост поручик Кирьянов, его сокурсник по гатчинской школе, сын богача, красавец и острослов.

— Ну он! Конечно же, он! — громким басом продолжал поручик.— Так здравствуй же, брат по оружию! Здравствуй!

Рука у него была горячая и влажная, лицо красное, потное, он был порядком навеселе. Не спрашивая разрешения, он взял свободный стул от соседнего стола и сел рядом с Дружиловским. Одет был поручик неважно, худой, глаза опухли, и мысль, что этот богатый красавчик, которому он некогда так завидовал, теперь позавидует ему, доставила Дружиловскому удовольствие.

— Ну, откуда же ты вынырнул, мышиный жеребчик? — сказал Кирьянов, разглядывая стоявшую в ведерке со льдом бутылку вина, и, не ожидая ответа, прибавил: — Закажи-ка мне, братец, графинчик водки, закуски не надо.

— Что случилось? — не удержался Дружиловский.— Бывало, всем заказывали вы?

— Я, бывало, всем давала...— сиплым басом пропел Кирьянов и снова попросил заказать ему водки.

Подошел метрдотель:

— Господни Кирьянов, когда же это коичнтся? Вы же обещалн мие покниуть ресторан.

— Я убью тебя! — зарычал поручик и стал тяжело поднимать-ся. Дружнловскнй усадил его н сказал метрдотелю, что все в порядке.

Глотая водку рюмку за рюмкой, Кирьянов поведал свою историю. Отец в восемнадцатом застрелился... Ои узнал об этом уже здесь... Сиачала его подкармлнвал оказавшнйся за граиицей компаньои отца, а потом ои сам вылетел в трубу иа какой-то афере... Кем только ие работал. Отовсюду гоият за пьянство... И ннкто ие хочет понять, что его пьяиство от горя.

— А что же стало с племянинцей велнкого киязя?

— Сдохла в прошлом году в Парнже,— ответил Кирьяиов.— Здесь отказалась, сука, меня прнзиать... выставнли из отеля... Ну а ты к какой козе прнсосался? — вдруг спроснл поручнк, смотря иа Дружиловского с ненавнстью.— По твоему виду судя, коза, должно быть, прежирная?

Ои говорил все громче, иа инх смотрелн с возмущеиием, а тут еще, как иазло, умолк оркестр.

— Прошу вас, господин Кирьяиов, инкакого более терпеиня нет,— наклоннвшись к поручнку, говорил метрдотель.

Он вместе с официантом подхватил Кирьянова под руки и потащнл из зала. Пьяный поручнк пытался вырваться, что-то кричал.

Дружнловскому прнятио было увидеть падшего поручика, но все же радость его была омрачеиа. «Надо перемеинть место»,— решил он н попросил счет.

— Я прииошу вам свои глубокне извннения,— иачал метрдотель, ио он остаиовнл его, повелительно подняв руку.

— Легеиды всегда легенды,— сказал он холодно.— Я собрался спокойно провести у вас вечер, но оказалось, что это иевозможио.

— Не беспокойтесь, ради бога, мы его выдворнлн.

— Счет, пожалуйста,— резко прнказал ои.

«Ннчего страшиого,— успокаивал он себя, покндая ресторан.— Я собирался уйтн отсюда в час ночи, уйду иа час раиьше — невелнка беда, все еще впереди. Жалко только, что с блондинночкой ннчего ие вышло».

В задымлениом, душиом иочиом баре «На Рейие», куда ои прншел по своему плану, было полио. Играл оркестр балалаечников, а посереднне зала стояла поджарая певнца, одетая во что-то телесио-бежевое. Ннзкнм, цыганскнм голосом с подвываиием она пела по-иемецки песенку, которую распевал весь Берлии:

Соня, Соня, твои черные волосы
Целую я во сне тысячн раз.

Как ты прекрасна и обольстительна,
Нежный цветок с берегов Волги.

«И здесь в моде наше, русское»,— усмехнулся Дружнловскнй и направнлся к стойке.

Он уселся иа высокий стул н, глотая понемногу коньяк, слушал певнцу и аплоднровал ей все громче после каждой песнн. Он помннл, что потом певица сндела рядом с ннм у стойки, рассказывала ему что-то, онн чокалнсь, пнлн, н снова она говорнла н хохотала, когда он пытался ее поцеловать. Что было потом, ои, сколько нн пытался, вспомннть не мог.

Пока Дружнловскнй развлекался такнм образом по своему плану, его по всему Берлнну разыскнвала полнцня, а вечернне газеты уже прокрнчалн о раскрытнн шайкн фальшнвомонетчнков, нзготовлявшнх доллары, которые сбывалнсь в Польше. Напечатан был н протест по этому поводу польского правнтельства немецкому.

Поздно вечером полицня добралась до комнаты на Лейпцнгштрассе, обнаружнла там бумагу, ндентнчиую с той, на которой печаталнсь доллары, и без особого труда установнла, кто снимал комнату.

Он очнулся от холода. На него лнлась из ведра холодная вода, а ои в мокром потемневшем смокннге лежал на каменном полу, н над ннм возвышалнсь черные фнгуры полнцейскнх. Когда он окончательно очнулся, встал н спроснл, что тут пронсходнт, полнцейскне заржалн в голос.

Потом его, мокрого, дрожавшего, отвелн на допрос. Следователь, пожнлой человек в штатском, увндев его, не смог подавнть улыбкн, но вежлнво усаднл на стул поодаль от своего стола.

— Вы господнн Дружнловскнй?

— Так точно,— ответнл он н только в этот момент понял, где находнтся.

— Вы должны ответнть мне по поводу снятой вамн комнаты на Лейпцнгштрассе,— сказал следователь.

— А что, собственно, случилось? — спроснл он, морщась от днкой головной боли.

— Ах да, вы же не знаете,— сочувственно ответнл следователь.— Случилась неприятность — в Берлнне раскрыта шайка фальшнвомонетчнков. По ходу операцнн полнцня сделала обыск в комнате, которую вы снимаете, н обнаружнла там запас подозрнтельной бумагн.

— Я не знаю ннкакой комиаты! — крнкнул он.

— Подожднте,— поморщнлся следователь.— Ведь могло же

быть так. Вы снимали комнату для... свиданий со своей дамой. Ваши друзья знают, что с этой дамой у вас произошел разрыв еще четыре месяца назад. И с тех пор вы в той комнате не бывали. Но продолжали платить за нее. В конце концов, одинокий молодой мужчина должен иметь комнату для... таких целей. Не так ли?

Следователь протягивал ему руку помощи, и было ясно, что за спиной у следователя наверняка стоит Зиверт.

— Это уж мое личное дело,— сказал он с достоинством.— Меня сейчас больше интересует, кто ответит вот за это.— Он отряхнул на груди мокрый, обвисший смокинг.

— Не стоит об этом,— дружески посоветовал следователь и взял ручку.— Значит, так мы и запишем. Разрыв с дамой — четыре месяца назад. Имя дамы вы имеете право не называть... Ну вот и все. Больше против вас никаких улик нет, и сейчас мы вас отпустим, но по первому требованию вы должны будете к нам явиться.

— Как я выйду на улицу в таком виде? — возмущенно спросил Дружиловский. Вид у него был, конечно, отчаянный: грязный смокинг сморщился гармошкой, задравшись до груди, рубашка вылезла из штанов и свисала до колен, а внизу сияли лаковые туфли.

— Вас отвезут.

В квартире все было перевернуто, матрац сдвинут с кровати, а подушки и одеяло лежали на полу, бумаги рассыпаны по полу.

Он бросился к столу,— в нижнем ящике был тайник. Деньги и дневник были на месте. Сразу успокоившись, он стал приводить в порядок комнату. Потом, приняв ванну, решил сбегать в ближайшую пивнушку опохмелиться — голова разламывалась, он еще не давал себе отчета в том, что случилось.

В передней раздался звонок. Он приоткрыл дверь, не снимая цепочки, и увидел молодого человека, одного из сотрудников доктора Ротта.

— Господин Дружиловский, доктор Ротт ждет вас.

— Когда... где?

— Сейчас же. Машина у подъезда.

— Мы не можем заехать в остбюро господина Зиверта? — спросил Дружиловский, когда они сели в машину.

— Доктор Ротт ждет вас,— строго ответил молодой человек.

Его привезли на конспиративную квартиру. Ротт сидел в маленькой уютной гостиной и читал газету. Дружиловский стоял перед ним, видя над газетой только блестящую лысину немца. В соседней комнате говорили по телефону, он явственно услышал фразу: «Доктор Ротт будет у вас через двадцать минут»,— и подумал: «Экзекуция будет недолгой, весь вопрос, чем она кончится?»

Доктор Ротт аккуратно сложил газету, положил ее перед собой, пригладил ладонью и сказал сухим негромким голосом:

— Мы решили выслать вас в Польшу.

— Как? — выдавил он из слипшегося горла.

— Как это обычно делается, в сопровождении полиции,— ответил Ротт, рассматривая его.

— За что?

— Вы — жулик, участник уголовного преступления против Польши, пусть вас там и судят,— холодные глаза немца смотрели на него без всякого выражения.

— Но против меня никаких улик нет, меня допрашивали и отпустили, следователь сказал...

— Меня не интересует, что сказал вам следователь,— прервал его немец.— Вы жулик, и вы это прекрасно знаете, а я проявил в отношении вас непростительную доверчивость.

— Я думал... я думал... что вы, Зиверт...

— Что вы думали? — тонкие губы доктора Ротта изогнула усмешка.— Может быть, то, что я должен терпеть все ваши проделки? Мое терпение иссякло. Вы имеете сегодняшний день на сборы, завтра вас отправят. Все. Убирайтесь!

Дружиловский ринулся домой. Прекрасно понимая, что доктор Ротт не шутит, он все-таки на что-то смутно надеялся.

Зиверт! Зиверт! Только он может его спасти!

Он взял деньги, нанял машину и помчался к Зиверту.

Горничная Зиверта впустила его в переднюю и сказала, недовольно пожав плечами:

— Ждите, но когда он придет, я не знаю.

Он просидел до позднего вечера. Понимал, что теряет драгоценное время, но уйти не мог, у него было ощущение, что только здесь он в безопасности, а если уйти, то там, на улице, с ним может произойти все что угодно. Когда он ехал сейчас по городу, газетчики кричали о шайке фальшивомонетчиков, и от их голосов некуда было скрыться.

Увидев его понуро сидящим в передней, Зиверт нисколько не удивился.

— Ну, соколик, допрыгался? — весело спросил он, снимая пальто.

Дружиловский прошел за хозяином в кабинет, в котором, как всегда, царили порядок и чистота. Полированный стол блестел, все кресла были в белоснежных чехлах, большие, стоящие в углу часы мерно отщелкивали секунды.

— Видик у тебя — умереть можно,— сказал со смехом Зиверт, усаживаясь на стол. Он наклонился вперед: — Рассказывай, соколик с подбритыми бровками.

— Меия высылают в Польшу.
— Зиаю. Что еще?
Зиверт только что виделся с доктором Роттом, и оии целый час обсуждали случившееся. Положение у Зиверта было иепростое. Людям из полицей-президиума ои давал немалые деиьги и был уверен, что о его, а значит, и об их участии в истории с долларами они будут молчать. Но будет ли молчать Дружиловский, если за него возьмутся как следует? В этом ои совершенно ие был увереи и нещадио ругал себя за то, что привлек его к этому делу. Полицию он в этом отношеиии обезвредил. Но люди доктора Ротта могли довольио быстро растрястн Дружиловского.

Начав разговор с немцем, Зиверт прежде всего выяснил, что тот знает о Дружиловском в связи с долларовой аферой, и вскоре поиял, что никакими точиыми данными Ротт ие располагает, одиако увереи, что Дружиловский в этом деле замешаи. Зиверт не стал разуверять доктора Ротта и даже напомиил, что он виачале тоже не очеиь верил Дружиловскому. Ход был точный — немцу совсем не хотелось созиаться, что он был необосиованно доверчив.
— Все-таки ои работал иеплохо,— задумчиво сказал Ротт.
— Согласеи, со времеием и я измеиил свое отношеиие к нему,— подтвердил Зиверт.— Но то, что фигура он иепрочная, это факт, с которым иельзя не считаться.
— Какие еще там счеты? — сердито спросил доктор Ротт.— Кроме всего, мы должиы бросить кость полякам, пусть оии его судят.
— У поляков, как и у иас, не будет прямых улик против него,— продолжал Зиверт.— Но оии иачнут трясти его совсем по другим делам, и тогда эта кость может обойтись иам очень дорого.
— Я думал об этом,— после долгой паузы отозвался доктор Ротт.
И оии стали обсуждать, как же все-таки проучить Дружиловского.
Сейчас Зиверт должен был начать первый урок.
— Что же ты собираешься делать? — спросил он, смотря иа Дружиловского острыми, виимательными глазами.
— Чем в Польшу, лучше... смерть,— ответил он.
— Тут ты прав,— согласился Зиверт и долго молчал, было слышно только, как ои хрустел пальцами да часы отщелкивали секунды.— А пока ты жив, я хочу сказать тебе, что твое второе освобождение из полиции стоило мие пять тысяч,— сказал Зиверт.— Но поскольку мы компаньоиы, эту сумму делим пополам. Выкладывай деиьги иа стол.
Дружиловский достал из кармана пачку денег и протяиул

Зиверту. Тот педантично отсчитал две с половиной тысячи, а остальные отдал ему обратно:

— Спрячь. Пригодятся.

Снова воцарилось молчание.

— Твое счастье, что ты типичный фраер,— сказал Зиверт, легко соскочив со стола, остановился перед ним, покачиваясь с носков на каблуки.— Да, фраер. Огреб шальные деньги и сам ошалел. Как могло прийти в твою дурную голову, что ты можешь не считаться с немцами? Живешь в их доме, жрешь их хлеб, они из тебя хотели сделать человека, а ты ринулся в разгул.

— Знаю... я дурак...— со страдальческим лицом искренне сказал Дружиловский.

— Наконец-то допер до главной истины. Но когда дурак, это, брат, надолго, а для окружающих опасно,— медленно и брезгливо произнес Зиверт.

— Помогите мне,— забормотал, всхлипывая, Дружиловский.— Я обещаю, я обещаю...

— Благими намерениями дорога в ад вымощена — слышал об этом? — Зиверт сел в кресло и, дернувшись вертким телом, замер, смотря на своего сообщника. Он сейчас очень злился, но не хотел этого показать. Дружиловский был опасен — вот что бесило Зиверта, но не дай бог, если он это поймет.

— Помогите мне, я сделаю для вас все,— уныло сморкаясь, сказал Дружиловский.— Кроме вас, у меня нет никого. Я вам так верю.

— Ты не мне должен обещать, а прежде всего доктору Ротту.

— Он же меня высылает!

Зиверт долго молчал, давая Дружиловскому еще раз пережить свое безысходное положение и думая в это время, что еще на несколько месяцев этого типа, возможно, и хватит. Он будет стараться, а потом его можно совершенно безболезненно выбросить на свалку.

— Хорошо. С доктором Роттом я все улажу,— сказал наконец Зиверт.— Молчи, не нужны мне твои благодарности. Я сделаю это по закону офицерского братства и вопреки рассудку. От тебя требуется не благодарность, а работа. Работа до седьмого пота. Такая работа, чтобы люди забыли, каким дерьмом ты сейчас перед ними выглядишь. И запомни, больше я из-за тебя совать свою голову в петлю не буду. Никогда!

Он ушел от Зиверта, твердо убежденный, что на всей земле у него есть только один истинно верный друг. Он не мог подумать, что Зиверту его освобождение из полиции не стоило и копейки, так как это было сделано за те гарантийные деньги, которые в начале аферы чины полиции получили от фальшивомонетчиков.

А то, что для Зиверта он сейчас просто опасен, ему даже в голову не могло прийти. В эти дни он записал в дневнике:

«В самом деле, я порядочный осел. И ведь сам же знаю, что сидит во мне тот фраер. Размахнулся не по званию — вот в чем главная моя глупость. А судьба-то предупреждала — именно в этот вечер послала мне сбившегося с пути Кирьянова, но я сигнала судьбы не услышал и вот с таким трудом лез на гору и сорвался. Ты, дурак, поднимись сперва на вершину и, когда уже будешь над всеми, тогда позволяй себе всякое. В общем, урок на всю мою жизнь. А Зиверту мой поклон до земли...»

Глава семнадцатая

Пережитый страх отрезвил Дружиловского. Он старался изо всех сил и работал на всех своих хозяев. Доктора Ротта он больше не видел, на конспиративные встречи теперь приходил господин Вебер, молодой, заносчивый, не затруднявший себя разговорами. Он молча брал донесения, кратко излагал новое задание и холодно произносил всегда одни и те же слова: «Вы свободны». И каждый раз за этими словами Дружиловскому чудился какой-то скрытый смысл, и ему хотелось ответить: «Я не считаю себя свободным, я ваш». Он старался доказать это делом — все задания немцев выполнял в срок и очень тщательно. Но задания были мелкие, и ему иногда казалось, что доктор Ротт выжидает, хочет проверить, не сорвется ли он опять. В общем, нужно было сделать все, чтобы немцы снова поверили в него.

Он хотел, чтобы в его готовность работать с полной отдачей сил поверил и Зиверт. Каждую неделю Дружиловский, приходя к нему, рассказывал о своей работе. Выслушав его, Зиверт говорил с веселой злостью: «Ну что ж, неплохо, а только от тебя, братец, все еще пахнет, а у доктора Ротта нюх острый». Сам Зиверт больше никаких поручений ему не давал, отшучивался: «Тяни-ка ты получше свою телегу».

Поляки притихли, видимо, примирились с тем, что он не выполнил их задание проникнуть в советское посольство. Вместо этого он сделал по их заказу два фальшивых «Письма Коминтерна» польским коммунистам: в одном одобрялась подготовка к антиправительственным выступлениям в день конституции, в другом была инструкция всячески проникать во все важнейшие государственные учреждения и прежде всего в военные. Он потом читал в немецких газетах, как в Польше по этим его фальшивкам было проведено несколько судебных процессов против коммунистов. Все это было полякам на руку, и даже сам Перацкий дополнительно

уплатил ему за фальшивки сто пятьдесят марок. В общем, с поляками, кажется, все уладилось.

Французы — те вообще не в счет, на них работалось легко, он сбывал им всякую чепуху, задания их выполнять было нетрудно, а встречаться с майором Лореном одно удовольствие — ни слова резкого от него не услышишь, все с улыбочкой да с шутками.

Большую часть дня он проводил в агентстве «Руссина» вместе со своим помощником — сыном бывшего российского сенатора — Алексеем Бельгардтом. Два месяца назад Бельгардт пришел к Дружиловскому и предложил свои услуги за очень скромную плату. Поговорив с ним, Дружиловский решил, что этот человек может пригодиться, но прежде пошел за советом к Зиверту.

— Я его знаю,— сказал Зиверт.— Он раньше вертелся возле конторы Орлова, не оттуда ли к тебе и подослан? Подожди-ка решать, я это дело провентилирую. А хороший помощник тебе нужен, сам-то ты посудинка мелкая.

Дружиловский кивал головой — Зиверту он прощал все.

О предложении Бельгардта Зиверт доложил доктору Ротту. Он был уверен, что тот, зная о связях Бельгардта с Орловым, будет против его работы в «Руссине».

— Это дело хорошее,— совершенно неожиданно сказал доктор Ротт.— Умный человек там очень нужен.

Зиверт не показал удивления, но отметил про себя, что, оказывается, он знает далеко не все. Совершенно ясно, что и Бельгардт тоже работает на немцев, вероятно, не кто иной, как сам доктор Ротт, и направил его в «Руссину».

Дружиловский был очень доволен своим помощником, такого сотрудника выгодно даже просто показать любому клиенту — высокий, плечистый, красивый шатен, всегда по моде одетый. Подпоручик не уставал удивляться, сколько всякого знает его помощник — имеет два диплома, говорит на трех языках.

Короткий мартовский день подходил к концу. В рабочем кабинете «Руссины» уже горел свет. Дружиловский и Бельгардт, сняв пиджаки, сидели рядом за столом. Они заканчивали работу для Франции. С утра они изготовили директивное письмо московской ЧК какому-то таинственному «подотделу во Франции» об организации в этой стране «перманентных общественных конвульсий и дезавуаций популярных государственных деятелей». Майор Лорен просил, чтобы в директиве было побольше туманностей. «Французы это любят»,— сказал он со своей обворожительной улыбкой. И Бельгардт постарался.

Сейчас они переписывали сочиненное ими, якобы полученное с надежной оказией из России письмо, где рассказывалось об ужасающей акции большевиков, начавших вывоз буржуазных детей в Сибирь с целью истребления. И опять же Бельгардт проявил недюжинные способности — французы будут рыдать, читая про товарные вагоны, оглашаемые детским плачем, про обезумевших матерей, бросающихся под колеса кошмарного поезда, про маленькие трупики, которые то и дело находят близ железнодорожного полотна сибирские крестьяне.

Дружиловский, у которого был отличный почерк, писал под диктовку, и оба они смеялись, когда Бельгардт трагическим голосом читал наиболее страшные места.

Работа была закончена, и они собирались пойти вместе поужинать. От громкого звонка в передней оба вздрогнули. Звонок повторился.

— Посмотрите,— сказал шепотом Дружиловский, сгребая со стола бумаги и запихивая в ящик. Последнее время он стал пуглив.

— Какой-то ваш знакомый по Риге,— вернувшись, сказал Бельгардт.— Выглядит прилично.

— Фамилия? — Дружиловский торопливо надевал пиджак.

— Не расслышал. Понял только, что поручик русской армии.

— Возьмите револьвер, будьте наготове.

Дружиловский приоткрыл дверь и увидел высокого, приветливо улыбавшегося мужчину в светлом пальто и шляпе.

— Простите, я что-то вас не помню,— сказал Дружиловский, глядя на незнакомца.

— Нехорошо, нехорошо, Сергей Михайлович,— улыбаясь, сказал гость.— Я поручик Крошко. Мы познакомились в Риге, в доме актрисы Ланской.

— Ну конечно же! — воскликнул Дружиловский и, сняв цепочку, распахнул дверь.— Заходите, заходите.

Помогая гостю раздеться, он шутил, жаловался на свою дряхлеющую память, а сам старался вспомнить, что у него было с этим поручиком в Риге, и напряженно думал, почему теперь он появился в Берлине и зачем пожаловал.

Он попросил Бельгардта продолжить работу в другой комнате и предложил гостю располагаться в кабинете.

— Вы не предупредили меня, а дела, знаете, не терпят отлагательств,— объяснил он.

Они сели в кресла друг против друга. Дружиловский выжидательно молчал, а Крошко с приветливой улыбкой смотрел на него.

— Вы совершенно не изменились,— сказал Крошко, отметив

про себя, что красивенькая физиономия его рижского знакомца поблекла и в глазах его не было прежнего жадного блеска. А сейчас он был явно испуган.— Прежде всего я обязан внести полную ясность в отношении моей, как говорят, личности,— продолжал Крошко.— Я поручик Крошко Николай Николаевич. Все остальное, что вам было известно обо мне от Ланской или от Воробьева, чушь. Никогда никаких связей с советскими у меня не было и не могло быть. Я работаю у Павлова в его «Братстве белого креста», надеюсь, вы знаете о нашей организации.

Дружиловский молча слушал. Все, что он услышал пока, не очень ему нравилось, но организация Павлова, он знал, располагает солидными средствами. Там засела высшая военная аристократия. Недавно в газете «Руль» сообщили, что Павлов и группа его сотрудников были приняты самим претендентом на русский престол, великим князем Кириллом.

— В Риге я пытался создать филиал нашей организации, для этого и посещал салон Ланской,— продолжал Крошко.— Впрочем, я был там всего один раз. Как только понял, что господин Воробьев является сомнительной личностью, а он-то и ввел меня в дом Ланской, я оттуда давай бог ноги.— Крошко рассмеялся и спросил: — А Воробьева-то вы помните?

— Плохо,— сухо ответил Дружиловский, хотя прекрасно помнил Воробьева и уже восстановил в памяти все, что было связано с Крошко.

— Ну как же! Ведь именно он хотел содрать с вас деньги за знакомство со мной, за мои мнимые связи в советском посольстве. Позже я выяснил, что Воробьев попросту агент польской разведки. А там, как известно, собрана шваль со всего света.

— Но вы, помнится, и сами рассказывали, и еще так трогательно, что обнаружили у красных своего родственника,— не без ехидства сказал Дружиловский.

Крошко нахмурился и ответил не сразу. Попросив разрешения, он нетерпеливо раскурил сигару.

— Мне очень трудно сознаваться во лжи, но я обязан это сделать и принести вам свои извинения,— начал он, глядя на Дружиловского посерьезневшими голубыми глазами.— Воробьев... В тот день я еще не знал, что он за птица. Он взялся мне помогать в создании филиала «братства», знакомил с интересными русскими. Однажды сказал о вас — русский, который не болтает, а действует, с идеями, но предупредил, что вас надо заинтересовать. Сообщил, что вы почему-то проявляете любопытство к красным дипломатам. И я во имя своего дела пошел на ложь. И тут же пожалел об этом. Но было уже поздно. А на другой день я уже знал, кто такой Воробьев, вышел из этой игры и, чтобы

не встретиться с вами, перестал бывать у Лаиской. Еще раз прошу прощеиия. К сожалеиию, в эмигрантской среде ложь стала ходовым товаром, но иаше «братство» этот товар категорически отвергает.

Крошко говорил очеиь серьезно, без постояииой своей обаятельиой улыбки, и в глазах у него было выражеиие горечи. Дружиловский виимательио слушал, глядя сузившимися глазами на открытое красивое лицо Крошко, и, иесмотря иа свою иасторожеииость и страх, ие мог не верить ему — все, что тот говорил, было правдой. Воробьев — польский агеит и жулик, ои ведь действительно вымогал у него тогда деиьги за знакомство с этим поручиком. Правда, потом, когда Дружиловский был уже в Польше, Братковский называл Воробьева не иначе как русской свииьей. Крошко этого может не зиать и даже ие должеи зиать, ииаче это было бы подозрительио.

— А теперь меня привело к вам иаше общее дело и иекоторые планы нашего «братства»,— Крошко глубоко затянулся сигарой.— Мы стараемся по возможиости объедииить все более или менее солидиые силы белого движения. Надеюсь, я могу рассчитывать иа вашу порядочиость? Я буду с вами предельио откровенен.

Дружиловский молча наклоиил голову: дескать, зачем об этом говорить?

— Люди типа Зиверта или Орлова иас ие интересуют,— продолжал Крошко,— хотя мы и призиаем объективную пользу их деятельиости. Но почему же тогда мы решили обратиться к вам? Нашего лидера Павлова заинтересовало объявлеиие в газете о созданном вами агеитстве. «Это должеи быть человек честиый и смелый — он все делает в открытую»,— сказал про вас Павлов. Я хочу быть абсолютно искрениим и сознаюсь, что я высказал тогда свое сомнение по вашему адресу. Я вспомнил салон мадам Лаиской, мие показалось, что вы были та́м своим человеком, и это меия иасторожило.

— Случайиое знакомство,— обронил иебрежно Дружиловский.

— И у меня вся эта публика тоже иикаких симпатий ие вызвала, и я тоже перестал там бывать.— Так или ииаче, я пришел к вам и открыл вам все. Зиаете ли вы, что представляет собой иаше «братство»? — спросил Крошко.

— Кое-что зиаю.

— Тогда моя обязанность вкратце посвятить вас в наши дела. Мы оргаиизация политическая и серьезная. Нам чужды однодиевиые фейерверки, которые только обмаиывают надежды русских людей. Мы ие стреляем по Кремлю из ракетниц. Мы роем под Кремль глубокую яму. Нас волиует не газе́тный эффект, а буду-

щее России, ответственность за которое мы взяли на себя. Мы имеем неограниченные средства, незапятнанный авторитет, в результате чего нам доверяют избранные круги эмиграции. Павлов и я недавно были приняты великим князем Кириллом Владимировичем. Мы вступаем в прямые отношения с правительствами многих стран. Ну вот,— улыбнулся Крошко,— а теперь мы пришли к вам.

— Чем же я могу быть вам полезен? — спросил Дружиловский сдержанно, стараясь скрыть обуревавшую его горделивую радость. Он уже был уверен в том, что в руки ему идет крупное дело.

— Наше слабое место — использование печатного слова. Речь идет об издании брошюр, журналов, наших политических документов. У нас попросту нет человека, знающего технику этого дела.

— Вы хотите, чтобы я закрыл агентство? — спросил Дружиловский с изумлением, дающим понять, сколь нелепо такое предложение.

— Нет, что вы! Отдельные поручения,— ответил Крошко.

— Об этом надо подумать.

«Не подумать тебе надо, а доложить немцам о моем визите и получить от них инструкцию»,— усмехнулся про себя Крошко и сказал:

— Я бы предложил вам для начала навестить наше «братство». Познакомлю вас с нашими издательскими замыслами, покажу то, что мы делали в этой области до сих пор. Когда бы вы могли нас посетить?

Условились на следующей неделе.

Поручик Крошко поднялся.

— Не буду больше отнимать у вас время. До встречи. Я рад, что между нами все выяснилось, что мы теперь познакомились всерьез и, может быть, будем работать вместе.— Крошко улыбался на прощание обаятельно и доверчиво.

Дружиловскому показалось, что деятель «братства» заискивает перед ним.

«Посмотрим... посмотрим...» — говорил себе Дружиловский, провожая гостя до двери. Он уже составлял в уме донесение доктору Ротту.

На другой день Дружиловский, придя на конспиративную квартиру, с удивлением и страхом увидел там доктора Ротта. Он остановился посредине комнаты, по-солдатски вытянув руки по швам, молча и преданно смотрел на немца, не решаясь даже поздороваться.

— Садитесь,— кивнул ему Ротт.— Расскажите, что вчера

было.— Он уже имел письменный доклад Бельгардта о вчерашнем визите и теперь хотел выслушать другого агента.

Дружиловский рассказал, робея и запинаясь, но старался не пропустить ни одной мелочи.

— Это нас очень интересует, но вы должны кое-что знать,— доктор Ротт помолчал, поглаживая свой гладкий череп, и продолжал: — «Братство» пока поддерживают очень влиятельные люди Германии. Я сказал «пока», потому что сам я, и не только я, убежден, что этот альянс бесперспективен. Дело в том, что упомянутые мною влиятельные люди видят в «братстве» как бы отражение некоторых своих убеждений и планов. Короче говоря, они хотели бы, чтобы в будущей России к власти пришла партия национального возрождения, похожая на ту партию, какую они хотят и для Германии. А весь вопрос, насколько реальны возможности и насколько тверды убеждения «братства». Вы можете помочь нам это выяснить, если сумеете туда проникнуть.

Дружиловский слушал, напрягая все свое внимание, ему страстно хотелось выполнить это важное поручение, но, увы, он далеко не все понял, что сказал доктор Ротт. И тот об этом, видимо, догадался.

— Не будем заглядывать далеко вперед,— сказал немец.— Сейчас ваша задача — проникновение. Действуйте очень осторожно. Насколько мы знаем, там немало умных и ловких людей. Особое внимание на то, что они вам предложат. Соглашаться не спешите. У вас есть свое серьезное дело, бросать которое вы не собираетесь, вы вчера хорошо сказали. Если они в вас действительно нуждаются, мы потом посмотрим и решим, на что можно будет согласиться. И прошу вас — будьте там серьезны, независимы и по возможности умны.— Тонкие губы доктора Ротта изобразили нечто вроде улыбки.

— Я постараюсь,— ответил Дружиловский, не обратив внимания на иронию.

Дружиловский нажал кнопку звонка у закрытых ворот, и вскоре из дому вышел офицер в мундире Преображенского полка. Он не торопясь подошел к воротам, попросил Дружиловского назвать свою фамилию, а затем приоткрыл калитку.

— Вас ждут, подпоручик.

По дорожке густого сада, окружавшего виллу, Дружиловский направился вслед за преображенцем.

В вестибюле швейцар принял от него пальто, и офицер-преображенец провел его по широкой, устланной коврами лестнице на второй этаж, где на площадке ждал Крошко.

В большой с высокими потолками комнате, куда они пришли, вдоль стен стояли шкафы с книгами. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, окружали стулья с высокими резными спинками.

Крошко пригласил садиться, и тотчас молоденькая горничная в крахмальном переднике внесла поднос с кофе, коньяком и печеньем, а затем тот же самый офицер-преображенец внес кипу брошюр.

— Вот наша кустарная продукция,— сказал Крошко, когда они остались вдвоем.— Посмотрите, пожалуйста, глазами опытного человека и, умоляю вас, будьте в оценках безжалостны.

Дружиловский, сосредоточенно сдвинув брови, листал брошюры и думал о том, что ему и не снилось выпускать такие роскошные издания. Великолепная бумага и печать, разнообразные иллюстрации, от фотографий до акварельных, в цвете напечатанных рисунков. Но все эти брошюры были похожи на туристские проспекты по России — описание дворцов Петрограда и его окрестностей, Московского Кремля, волжских городов.

— Я думаю, что это вполне можно было бы переиздать в красной Москве,— усмехнулся он.

— Вас смущает, что здесь не видно политики? — спросил Крошко.— Но именно в этом мы и видим политику. Цель этих изданий — напомнить русской эмиграции, что такое наша Россия со всем ее богатством и прелестью. Оголтелая политическая трескотня сводит весь вопрос о России к тому, что большевики бяки и их надо прогнать, заменив.— Крошко рассмеялся.— А вот в вопросе замены царит такая ярмарка вокруг всяческих претендентов, что за гвалтом не слышно голоса самой матушки-России. Любовь к ней подменяется ненавистью к большевикам.

— Но ваша позиция, по-моему, пассивна? — заметил Дружиловский.— Без свержения большевиков мы этой прелестной нашей России так и не увидим.

— Вы собираетесь победить большевиков агитационной писаниной?

— Мы уже сегодня наносим им сильные удары.

— Например? — Крошко заинтересованно ждал ответа.

— Ну...— замялся Дружиловский.— Например, мы дискредитируем их в глазах мирового общественного мнения, оно не должно мириться с существованием большевиков.

— Пример, пример,— требовал Крошко.

— Вы могли сами видеть наши удары, читая газеты,— осторожно ответил он.

— Рука Коминтерна в Америке? — с иронией спросил Крошко.

— Хотя бы...

— Вы верите в возможность революции в Америке?

— Важно, чтобы в это поверила американская буржуазия, которая уже стала забывать об октябрьском кошмаре.

— Полноте,— мягко возразил Крошко.— К вашему сведению, американцы, воспитанные на дрожжах своей демократии, приветствовали русскую революцию, им противна всякая единоличная власть. Помазанник божий, батюшка царь, был для них фигурой почти комической, а замена батюшки синклитом, хотя бы и большевистским, в их глазах явление прогрессивное.

— А мы обязаны вызвать у них страх перед таким прогрессом,— упрямо заявил Дружиловский.

— Уж не вы ли придумали это письмо Коминтерна? — равнодушно спросил Крошко.

— Во всяком случае, причастен,— не удержался он и рассмеялся, переводя свое признание в шутку.

— А люди Орлова уверяют, что это сделали они. Вот и разберись тут в этой вашей конкуренции.

— Каждый делает свое,— сказал уклончиво, улыбаясь, Дружиловский и замолчал, ожидая, что скажет Крошко.

— Хорошо, оставим в покое далекую Америку,— вздохнул Крошко.— Вернемся к делам нашим. Для начала мы хотели бы привлечь вас к изданию ежегодной политической энциклопедии.

— Что это такое? — спросил Дружиловский.— Пожалуйста, расскажите.

— В нашем плане это издание условно названо: «Мир за год». Два, а то и три тома, включающих в себя все важнейшие события года, и ваш комментарий, оценка этих событий и тому подобное. Это издание должно стать настольной книгой для всех русских людей, всерьез интересующихся политикой, пособием для их политического развития и понимания важнейших процессов, происходящих на планете. Конечно, это общие сведения, предварительно, так сказать.

— Я должен подумать.— Дружиловский ясно понимал, что ему предлагают дело не по силам.

— Конечно, подумайте. И когда вы дадите согласие, я доложу руководству.— Крошко встал.— Долго будете думать?

— Я вам позвоню,— неопределенно ответил Дружиловский. Преображенец проводил его до ворот.

ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ. 21 марта 1925 года

«Посетил Дружиловского в его агентстве «Руссина». Впечатление убогое. Удалось установить, что с ним работает только сын сенатора Бельгардта и машинистка Соловьева. Позже Дружиловский был у меня в «братстве». Он производит впечатление недоучки, каких среди русских подпоручиков военного времени

было большинство и что я знаю по своему бывшему и нынешнему окружению. Однако нахально старается производить впечатление мыслящей личности, что выглядит просто смешно. Он косвенно признал свою причастность к английской фальшивке, если не сделал это из хвастовства. Сделал же он это признание без тени неловкости или, не дай бог, стыда. Уверен, что во встречах со мной он ничего не заподозрил. Я ему предложил работу в «братстве», и нарочно столь сложную, что даже он с его нахальством вынужден был фактически отказаться.

О делах нашего «братства». Мне кажется, что Павлов ведет «братство» к краху. Во всяком случае, на базе Германии. Начиная дело, он прокламировал свою политическую платформу, которая сразу же получила признание и поддержку самого правого крыла политических сил Германии, поставивших своей целью возрождение Германии: национальное, военное и политическое. «Братство» тоже прокламировало национальное возрождение России. Именно поэтому такие крупные фигуры в Германии, как члены прусского ландтага граф Ревентлов, Кубе, Вулле и другие, поддерживали «братство» и морально и материально. Но Павлов не понимал, что надо будет с немцами расплачиваться. С чисто аристократической брезгливостью и легкомыслием — наши руки должны быть чистыми, мы идейные борцы — он отворачивался от практических дел, которые подтверждали бы, что «братство» — зародыш такой же будущей политической партии для России, какую задумали для Германии Ревентлов и магнаты Рура, а, судя по всему, они задумали партию военного реванша, использующую национализм и обман народа как две отмычки в будущее.

Недавно Павлов встречался с Ревентловом. Возвратясь от него, он сказал: «Мы должны резко сократить наши расходы, мне кажется, что мы лишаемся немецкой поддержки». (Как я уже сообщал, немецкая часть финансов «братства» самая значительная.) Затем Павлов рассказал, что Ревентлов изложил ему принципы тех политических сил, с которыми связывается будущее Германии, и при этом выяснилось нечто новое. С целью получить поддержку держав Антанты в вопросе военного возрождения Германии эти политические силы включили в свою программу как цель — создание мощной в военном отношении Германии, способной быть не только барьером между Западом и большевистской Россией, но и выполнить миссию спасителя цивилизации от большевизма с помощью войны. Павлов заявил Ревентлову, что он не представляет себе, как можно рассчитывать на популярность в разоренной войнами России политической партии, поддерживающей подобные цели Германии, и что в конечном счете он считает свою программу для России программой мира и народ-

ного благополучия. На это Ревентлов грубо ответил: «Тогда ориентируйтесь на нейтральную Швейцарию и там ищите поддержки».

И отношение к «братству» здесь, в Германии, ощутимо ухудшилось. Совершенно не случайно в немецких газетах мелькнули сообщения о том, что активные силы русской эмиграции в Германии создали новое объединение, которое получило название «Братство русской правды» и возглавлено Орловым. Дается справка о нем, в которой сообщается, что он был в России следователем по особо важным делам царского правительства, а во время войны с большевиками возглавлял контрразведку у генерала Врангеля. Павлов откуда-то знает, что возня немцев с Орловым началась не сегодня и в ней участвовали от германского рейхстага Рау и Лизер, военный представитель Франции в Германии Лорен, от Англии — Сидней Рейли. Кроме того, к Орлову очень близок берлинский полицей-президиум в лице доктора Бартельса... В связи со всем этим нет ли смысла мне поссориться с Павловым и переориентироваться на «братство» Орлова?

Кейт».

Резолюция на донесении:

Передать Кейту:

1. Все связанное с Орловым надо держать под неослабным вниманием.

2. Порывать с Павловым рано, без него он окажется на мели и без хорошего прикрытия в соответствующих кругах. А как конечную цель это можно иметь в виду.

3. Дружиловского не упускайте из виду, но уже без контактов с ним.

Глава восемнадцатая

Естественно, что автора очень интересовали донесения Кейта. Они помогали проследить извилистую жизнь и деятельность Дружиловского. Все это происходило давно, очень давно, и казалось, что донесения Кейта, события, которые они отражали, и сам отважный разведчик стали уже достоянием далекой истории. Но однажды я подумал: «А что, если Кейт жив? Ведь раньше мне удавалось не раз находить живых свидетелей из подобного «далека».

Пока было известно только то, что Кейт был советским разведчиком, который в двадцатые годы действовал в Прибалтийских государствах, в Польше и Германии, и что подлинное его имя Нико-

лай Николаевич Крошко. Но что это был за человек? Как сложилась его судьба? Надо искать, и казалось, что это будет делом нелегким.

Начинаю выяснять и узнаю, что Николай Николаевич Крошко жив... И даже имеются его московский адрес и телефон.

Страшно волнуясь, набираю номер. Долго не отвечают — такое ощущение, будто между длинными гудками пролетают десятилетия. Наконец ответил тихий женский голос.

— Можно Николая Николаевича?

— Николай Николаевич скончался, сегодня мы его похоронили,— ответила женщина и заплакала.

Спустя месяц снова позвонил и попросил разрешения зайти. Вскоре я уже был в скромной квартире в одном из тихих переулков Сретенки и познакомился с женой Николая Николаевича Софьей Спиридоновной и его братом Владимиром Николаевичем.

Прошу их рассказать про Николая Николаевича.

— Прежде всего скромный, прямо до болезненности скромный,— говорит Владимир Николаевич.

— Да, скромный,— тихо произносит жена.

— Для себя он никогда не жил,— рассказывал Владимир Николаевич.— Всегда себя отдавал делу. Свято любил Родину. Особо был ей благодарен за то, что оказала ему доверие, когда, по его мнению, он на это доверие имел весьма шаткие права.

В чем тут дело? Почему он свое право на доверие Родины считал шатким? Спрашивать об этом сейчас мне показалось неловким.

— Умер от рака,— продолжал Владимир Николаевич.— Болезнь тянулась долго, мучительно. Перенес две тяжкие операции, но спасти его не удалось. Болел и умирал так же мужественно, как жил. До последней минуты был в ясном сознании.

Спрашиваю, не осталось ли каких-нибудь записей, дневников, документов, относящихся к его работе за рубежом?

— Ну что вы? — отвечает Владимир Николаевич.— Даже находясь на пенсии, он никогда о той своей работе не говорил. Но когда слег уже окончательно, он несколько дней что-то писал, потом сам это запечатал и попросил отнести в Комитет госбезопасности.

Бывшие сослуживцы Николая Николаевича показали мне школьную общую тетрадь, до последней страницы заполненную карандашной записью. По почерку, то четкому, то с трудом разбираемому, было видно, когда начинал записывать и когда, теряя силы, заканчивал. Последние страницы писал явно торопясь, все чаще прибегал к сокращениям или вдруг обрывал запись: «да-

лее — по логике...», «продолжение не существенно...», «здесь не надеюсь на память...»

Это был своеобразный конспективный обзор его жизни и работы. Впрочем, о жизни было очень мало

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Н. КРОШКО

Пишу это по давней просьбе той моей службы и для себя — в конце концов, теперь, когда после описываемых здесь событий минули годы и годы, мне и самому надо разобраться в своей судьбе — необычной и непростой, в том, что тогда было моей работой и жизнью. Так или иначе, буду писать правду, хотя кое-что в памяти моей померкло и другой раз приходится задумываться: а точно ли так это было? Но врать не буду. В чем не уверен, лучше вовсе не напишу или сделаю необходимые оговорки.

Я не могу без горечи и боли вспомнить о том, как я, сын крестьянки Воронежской губернии Анны Ефимовны Крошко, внук крепостного, после революции оказался в стане белых, среди людей, чуждых мне по политическим убеждениям и по своему социальному положению...

Дед мой, Ефим Крошко, после солдатской службы остался работать в 7-м запасном кавалерийском полку вольтижером. Полк стоял в Тамбове, там и жила вся многочисленная семья моего деда.

Мать моя совсем молоденькой девушкой сошлась с офицером этого полка Александровичем. Результатом этой связи и было мое появление на свет в ноябре 1898 года. Николай Евгеньевич Александрович попал на военную службу поневоле. Он был студентом Харьковского технологического института, принимал участие в революционном движении и, когда при Александре III вспыхнули студенческие волнения, был исключен из института и отдан в солдаты. Не выдержав муштры и тягот солдатской службы, он, как говорится, идейно разоружился, примирился с действительностью, пошел в военное училище и стал офицером.

Когда встал вопрос об узаконении его связи с моей матерью, это оказалось для него делом непростым и еще одним испытанием. Ему нужно было уйти из полка, так как офицер не мог жениться на крестьянке. Александрович снова поступился своей совестью — из полка не ушел и бросил мою мать. Деда в то время прогнали из вольтижеров, а я стал внебрачным ребенком, или, как тогда говорилось, «незаконнорожденным».

Дед с семьей переехал в Воронеж, служил сперва кучером, а состарившись, ночным сторожем.

В Воронеже мать сошлась с Валерианом Александровичем Бед-

ряиой, служнвшнм тогда начальннком вокзала. Бедряна был жеиат, давно разошелся с женой, но в те времена получнть разрешенне на расторженне церковного брака было иевозможно, н мать жила с ннм, как тогда говорилось, вне законного брака. У ннх роднлнсь двое детей — мои сводные сестра Анна н брат Аиатолий.

В 1904 году Бедряна перевелся в Полтаву, а затем в Киев, где он служил на Московско-Кнево-Воронежской железной дороге. Получал он небольшое жалованье, детей было двое, а затем трое, и мать стала работать портнихой.

Бедряна был миого старше моей матерн. Умер ои в 1922 году.

В связи с переездамн нз одного города в другой я поздно начал учнться. Прн поступлении в гнмиазню, да н в дальнейшем крестьянское происхождеине н «иезаконнорожденность» крайне тяжело отражалнсь на мне.

Рос я, как говорится, сам по себе, но учился хорошо и кончил гимназню с серебряной медалью. Рано начал работать: давал уроки, служил в товарной конторе.

Читал я много, как миогне мон сверстиики, увлекался спортом, но жнли мы беспросветно бедно, н уже в те годы я иачал чувствовать антипатию к богатым, ко всякого рода властям, даже сам царь батюшка ие вызывал у меия восторга, как у иекоторых моих сверстников. Истнннный мой батюшка меия бросил, н этот ннчего хорошего иашей семье не сделал. Но это еще не было моей полнтнческой познцней. И вообще, полнтическими вопросами я стал нитересоваться, только когда иачалась мировая война. Поражения русской армин, позорные дела царской фамилии, Распутнн н все такое прочее — вот что заставило меня думать, почему все ндет не так, как надо.

В этн годы, семиадцатилетним, я сдружнлся со своими одноклассникамн Федором Брауиом н Леоиидом Федоровым. Одии брат Федора, Ленька, мой лучший дружок, был студеитом, состоял в партин эсеров, другой брат тоже был связан с эсерамн; их влняине, их восторжеиные рассказы о бесстрашин эсеров-боевнков и главиого их террориста Борнса Савннкова завлеклн меня к эсерам, затумаинли мне голову н в конце концов забросилн в эмиграцню.

В 1917 году, в бурные днн Февральской н Октябрьской революцнй, я было вырвался из эсеровского дурмана, начал читать марксистскую лнтературу, увлекся Плехаиовым, бегал на митинги, где выступалн большевистские ораторы, но в 1918 году, когда в Кнев прншлн иемцы, опять попал в объятня своих старых друзей и под их влняиием поехал на Дон, где иаходился тогда их «вождь» — Борис Савиков. Там, присмотревшись к деникиицам,

разобравшись, за что они воюют, я сбежал от них и вернулся в Киев, к которому в это время подходила Красная Армия. Тут бы мне и остаться, но, снова поддавшись влиянию друзей, я уехал в Одессу, а в декабре 1919 года на английском пароходе — в Салоники, а затем перебрался в Югославию.

Жизнь там вызывала горькие мысли: как и зачем я сюда попал? Через несколько месяцев мне, как и другим эмигрантам, предложили поехать в Крым, к Врангелю, в случае отказа угрожали лишением пособия. Большинство поехало, и лишь немногие, в том числе и я, отказались — мы не хотели участвовать в братоубийственной войне. Нас сразу лишили пособия, пришлось продать все, что было, приходилось голодать. Работал уборщиком.

Через некоторое время в Белграде появился мой «злой ангел» — Ленька Федоров, приехавший из Польши в составе миссии от Бориса Савинкова вербовать людей в «настоящую революционную армию освобождения России от большевиков». Я опять поддался ему и поехал.

Пока я добирался до Варшавы, формирование «армии освобождения» прекратилось. Федоров сперва приютил меня у себя в гостинице, где он занимал прекрасный номер. Жили, как говорится, по-царски, в свое удовольствие.

Но вскоре я ему надоел, и он выставил меня, устроив в офицерский эмигрантский лагерь. Он же состряпал мне офицерские документы, чтобы я мог быть с полным правом помещен в этот лагерь. Так я и сделался поручиком Крошко.

Через пару месяцев Федоров вызвал меня из лагеря для работы в оперативной группе савинковской организации. Возглавляли эту группу Виктор Савинков — брат Бориса — и полковник Перхуров (один из руководителей ярославского мятежа).

Непосредственными моими начальниками были капитан Гомолицкий и полковник Самсонов. Как я позже выяснил, Гомолицкий был агентом французской разведки, а Самсонов — английской. Раньше Самсонов был начальником контрразведки в Архангельске.

Вскоре вместе с капитаном Гомолицким я выехал во Львов, где в экспозитуре 2-го отдела польского генштаба нам оформили документы на право пребывания в пограничной зоне и перехода через границу в так называемую нейтральную зону (граница с Советским Союзом не была тогда еще демаркирована, и на советскую сторону мы ходили с целью переброски туда антисоветской литературы и для сбора информации, интересующей польскую разведку). Затем мы с Гомолицким из Львова переехали в Сарны. Там Гомолицкий остался, а я выехал в погранзону в Олевск, откуда начал добывать информацию о положении

в «большевистском аду» и искать связи с полезными людьми на советской территории. Однако очень скоро я убедился, что никакого «большевистского ада» нет, народ твердо стоит за Советскую власть, перебрасываемая нами тогда антисоветская литература никем не читается, а передается в погранпосты войск ОГПУ. Население в погранзоне настроено враждебно против польских панов и помогает советским пограничникам, поэтому никаких связей мне наладить не удалось.

При очередной встрече с Гомолицким я осторожно высказал ему свои впечатления, а он на это сказал мне, что я ничего не понимаю, что только погранполоса усеяна агентами ГПУ, а дальше от границы все только и ждут, когда будет свергнуто «большевистское иго».

Но тут последовало неожиданное: поляки выслали Гомолицкого из Сарн. Позже я узнал причину этого. Оказалось, что Гомолицкий получаемую от меня и других своих агентов информацию не сдавал, как это он должен был делать, в экспозитуру 2-го отдела польского генштаба и Виктору Савинкову, а передавал ее (конечно, за деньги) в разведывательный отдел французской военной миссии в Варшаве.

Бесцельно, без руководства поболтавшись несколько недель в погранзоне, я выехал в Варшаву, но там получил приказ немедленно вернуться назад, так как «назревали крупные события». Этим событием явилась переброска на советскую территорию банды Тютюнника, организованной экспозитурой 2-го отдела польского генштаба. Я не принимал никакого участия в этой авантюре и стал свидетелем полного разгрома этой банды, что окончательно убедило меня в том, что народ стоит за Советскую власть, за большевиков, за Ленина и все, что я до сих пор делал, является не чем иным, как преступлением против своего народа, и что Борис Савинков враг и предатель своего народа.

Из трофеев разгромленной тютюнниковской банды мне попали в руки приказы, инструкции и другие документы советской погранзаставы. С этим «багажом» я вернулся в Варшаву, чтобы передать его полковнику Перхурову в савинковскую организацию. Но я этого не сделал и вот почему: я показал эти документы одному из подручных капитана Гомолицкого — капитану Насонову, рассказав ему о разгроме банды Тютюнника. Заодно рассказал и о настроениях народа в Советском Союзе и высказал ему свое мнение о бессмысленности и беспринципности борьбы с большевиками, ибо бороться нам, русским офицерам, против большевиков — значит бороться против России. В свою очередь я попросил объяснить мне историю с высылкой Гомолицкого. Насонов рассказал мне, что Гомолицкий всю разведывательную информа-

цию не сдавал людям Савннкова, а продавал французам. Он посоветовал привезенные с границы материалы отдать не Перхурову, а ему, Насонову, а он найдет нм место.

Мои настроения в отношении борьбы с большевнками Насонов поддержал. Сказал, что я прав — верить в Савинкова глупо н вообще надо кончать все этн бессмысленные дела. Тогда я отдал ему документы, а он отнес нх во французскую мнссню, нбо он сам, оказывается, промышлял тем же, что н Гомолицкнй, т. е. работал на французов.

На следующнй день у меня пронзошел страшный скандал с Перхуровым н полный разрыв с братьямн Савннковымн.

Вскоре я познакомнлся с прнехавшими в Варшаву представнтелямн атамана Краснова, которые предложнлн мне вернуться на граннцу. Я от этого предложения отказался. В результате остался совершенно не у дел н без денег.

Находнлся я тогда в состояннн полной депресснн, не жнл, а существовал, не представлял себе, как дальше жить н для чего.

Однажды я поделился своимн чернымн мыслямн с некнм поручнком Шпеером, тоже кневляннном, с которым я был знаком по савниковской органнзацнн. Выяснилось, что он тоже находнтся в таком же подавленном состояннн, как н я. С савнннковцамн он порвал еще раньше меня, н у него созрело решенне идтн в советское посольство и проснть разрешення возвратиться на родину.

Прошло несколько недель, в теченне которых я часто встречался со Шпеером. Он убеждал меня тоже покончнть с сомненнямн, возвращаться на роднну. А однажды он сказал мне, что он уже был в посольстве н ему разрешают вернуться на роднну, в Киев, н сообщнл, что он говорил обо мне в посольстве н меня там прнмут.

На другой день я пошел с ннм в советское посольство, где, к моему удивлению, меня прниял не рядовой сотрудник посольства, а сам советник посольства Кобецкнй.

Из этого я понял, что Шпеер, очевндно, подробно рассказал обо мне, о монх связях и поэтому ему было поручено прнвестн меня.

Кобецкнй прнннял меня очень любезно, вннмательно выслушал, но на мою просьбу отправнть меня на родину с первой же группой возвращенцев ответнл, что мне будет дано разрешение вернуться на родину прн определенных условиях, а пока предложнл тут же в его кабннете подробно напнсать о себе, об антнсоветской деятельностн н о монх связях и знакомствах в Варшаве.

Писал я часа три. Написал много, ничего не утаивая, не щадя себя. Кобецкий предложил мне зайтн через несколько дней.

Через несколько дней я пришел в посольство без Шпеера н снова был прннят Кобецким. На этой встрече прнсутствовал еще

один товарищ. Мне предложили подробно написать о савинковской организации в Варшаве, об ее взаимоотношениях с французской миссией и 2-м отделом польского генштаба, об их агентурной сети в пограничной полосе, в районе Сарн, Ровно, о деятельности эсера Кароля Вензьягольского, о представителе Краснова генерале Дьячкове, о полковнике Самсонове, т. е. обо всем, что я тогда знал.

Просидел несколько часов в посольстве, написал исчерпывающую информацию. Закончив ее, спросил, как решен вопрос о моем возвращении на родину. Мне сказали, что я много знаю, у меня большие связи и знакомства и я кажусь им подходящим человеком для нужной и ответственной работы. Прежде чем вернуться на родину, я должен поработать, заслужить право на возвращение и таким образом искупить свою вину перед Советским правительством. Я посчитал это условие вполне закономерным и согласился.

Вот так я начал в 1922 году свое сотрудничество с советской разведкой за границей. Мне было предложено собирать информацию о деятельности савинковцев и других активных белоэмигрантских группировок в панской Польше.

Савинковская организация в это время находилась в состоянии полного разброда. Сам «вождь» Борис Савинков уединился и не проявлял никакой активности. Виктор Савинков и Перхуров, Португалов и другие еще рвались к борьбе, вернее сказать, к польским и французским субсидиям. Этим разбродом среди савинковцев старались воспользоваться другие белоэмигрантские группировки, чтобы вытеснить савинковцев и стать на их место у кормушки.

Этого же добивались деникинский генерал Бредов, представитель атамана Краснова генерал Дьячков, небезызвестный командир волчьей сотни есаул Яковлев, остатки антоновцев, перешедшие в Польшу после разгрома мятежа.

Мои взаимоотношения с савинковцами были испорчены, поэтому я решил закрепить отношения с красновскими представителями — генералом Дьячковым и полковником Самсоновым. Через них я и начал собирать информацию. Получаемую информацию я передавал на назначаемых встречах.

Примерно через месяц генерала Дьячкова в его попытках вытеснить савинковцев постигла неудача, и поляки выслали его в Данциг (бывший тогда самостоятельным «вольным городом»). В связи с этим мои возможности получения информации ухудшились. Кроме того, Перхуров натравил на меня польскую дефензиву, и я почувствовал наблюдение за собой. Я доложил об этом, и было решено, что мне надо вслед за генералом Дьячковым ехать

в Данциг и там собирать информацию о деятельности генерала Глазенапа, его агентах в Латвии и Литве и, конечно, о генерале Дьячкове.

Однако выехать сразу мне не удалось. Мои посещения советского посольства были выслежены агентами дефензивы, и я был арестован. Допрашивал меня сам начальник дефензивы Спарский. На допросе я заявил, что ходил в посольство по заданию генерала Дьячкова. Меня несколько раз били крепко, как это было принято в польской дефензиве, но я твердо стоял на своем. Тогда Спарский заявил, что меня отправят в Данциг к Дьячкову.

Под конвоем двух жандармов я был выслан в Данциг, что меня, конечно, устраивало.

Прибыв в Данциг, я явился к генералу Дьячкову и рассказал ему, что меня, как его приближенного, по интригам савинковцев тоже выслали в Данциг, что и было принято этим неумным казачьим генералом за чистую монету.

Генерал Дьячков познакомил меня с генералом Глазенапом, и я начал собирать сведения о его деятельности, его связях. Прошло около двух месяцев, мне удалось собрать интересный материал, а связного все не было.

Я не знал, что делать: в Польшу дорога была закрыта, представительства СССР в Данциге не было, генерал Дьячков уехал в Париж, деньги у меня кончались... Поэтому решил нелегально, через польский коридор перебраться в Германию и в Берлине связаться с советским посольством. Собранные материалы я решил уничтожить, так как опасался, что при нелегальном переходе польского коридора и немецкой границы могу быть задержан.

Благополучно перебравшись в Германию, я добрался до Берлина и после устройства пошел в советское представительство и попросил отправить меня в Советский Союз.

После продолжительной беседы мой собеседник заявил, что мое сообщение нужно проверить в Москве, и предложил мне зайти через несколько недель, а пока ознакомиться и постараться войти в активные белоэмигрантские группировки в Берлине.

Прошло около месяца, пока меня снова принял знакомый мне товарищ. За это время я постарался завести знакомства с эмигрантскими кругами в Берлине. Он заявил мне, что возвращаться в Советский Союз рано и я должен продолжать работать на советскую разведку. После этого меня познакомили с другим товарищем, с которым я должен был держать связь.

Передо мной была поставлена задача проникнуть в руководящие центры активных белоэмигрантских группировок, выяснить их возможные связи в Советском Союзе, их отношения с иностранными разведками и политическими организациями. Задача была

трудная. Для эмигрантских кругов и их вожаков я был неизвестной личностью, в Берлине я никого не знал и меня никто не знал, и мне стоило немалых трудов и времени, чтобы закрепиться в какой-либо группировке.

Месяца через два я познакомился с бывшим офицером царского флота Павловым. В прошлом аристократ, он имел тесные связи и политическую и материальную поддержку со стороны крайне правых членов прусского ландтага — графа Ревентлова, Кубе и Вулле (в дальнейшем крупных деятелей гитлеровской партии националистов).

При поддержке этих лиц Павлов организовал группировку национал-социалистского типа под названием «Братство белого креста», и вокруг Павлова группировались молодые офицеры, разочаровавшиеся в старых вождях — Деникине, Врангеле и в правомонархических группировках.

Мне, как недавно прибывшему из пограничной с Советским Союзом полосы, переходившему границу и имевшему якобы «связи по ту сторону», постепенно удалось войти к нему в доверие и сделаться ближайшим его помощником.

Под прикрытием «Братства белого креста» я смог завязать знакомства и связи в руководящих центрах активных белоэмигрантских группировок, получать от них интересующую наши разведывательные органы информацию и освещать их деятельность.

Лейтенант Павлов являлся вождем и идеологом «Братства белого креста», сочинял антисоветские брошюры и листовки, которые я по своим «связям» должен был перебрасывать в Советский Союз. Получаемые брошюры и листовки я прямо из типографии передавал связанным со мной сотрудникам нашей разведки.

Затем со мной работал еще один товарищ, Василий. Это был умный и чуткий руководитель, он многому меня научил и сыграл важную роль в моем политическом развитии. Под его руководством я весьма успешно развернул работу по расширению своих знакомств и связей и стал получать интересную информацию о деятельности антисоветских белоэмигрантских группировок.

Основными группировками правого крыла эмиграции были сторонники «блюстителя престола» — бывшего князя Кирилла Владимировича, затем шли приверженцы бывшего князя Николая Николаевича, а затем уже группировки Деникина, Врангеля, Кутепова. Значительными были группировки кадетов, издававших в Берлине свою газету «Руль», остатки эсеров, сильно подорванные в связи с переходом Б. Савинкова в Советский Союз, и, наконец, эсдеки, представлявшие большой интерес вследствие своих связей с эсдеками, оставшимися в Советском Союзе и работавши-

ми в советских учреждениях. Особо держались петлюровцы, украинские эсдеки и грузинские меньшевики.

Среди всех этих эмигрантских группировок царила свирепая грызня. Все обвиняли друг друга в политических ошибках, приведших к разгрому белого режима, каждая группировка заявляла, что только она имеет рецепт спасения России от «большевистского ига», все старались завоевать доверие иностранных разведок, политических организаций и правительств и, главное, получить от них деньги и поддержку в борьбе с «большевиками».

В этой грызне использовались все средства, какие только возможно, вплоть до слежки друг за другом. Используя такую обстановку, я сумел наладить получение информации о деятельности самых различных эмигрантских группировок и отдельных интересовавших нашу разведку лиц.

Мне сперва было поручено работать против правого крыла эмигрантских группировок, как наиболее активного и пользующегося поддержкой иностранных разведок и политических организаций. Кроме того, разработке правых группировок способствовало мое руководящее положение в «Братстве белого креста», занимавшего крайне правые позиции национал-социалистского толка. Это было ново и эффектно.

На каждой встрече я получал от товарища Василия все новые и новые задания по освещению деятельности отдельных лиц. Информацию я сдавал в форме донесений, а иногда делал устные доклады. Через меня прошло такое количество заданий, имен и фамилий, что запомнить и восстановить все это теперь, через много-много лет, очень трудно. В памяти остались только немногие лица и факты. Часть информации собирал сам, а большую часть получал через приверженцев «Братства белого креста» и их приятелей, связанных с другими эмигрантскими группировками.

Так постепенно я создал, так сказать, свою сеть, собиравшую мне обширную информацию. Это было очень удобно и к тому же ни копейки не стоило.

Одной из крупных операций, проведенных мною под руководством товарища Василия, было изъятие документов из помещения военной миссии Деникина — Врангеля в Берлине. В этом помещении проводились офицерские занятия по тактике. Я принял деятельное участие в организации и проведении этих занятий. Снял слепок ключей от входных дверей и сейфов, по которым были изготовлены их дубликаты.

В ночь с субботы на воскресенье я проник в помещение и изъял два или три чемодана с документами. На улице меня ждал товарищ Василий с машиной. Он отвез все документы, сфотографировал их, а к утру я уложил все документы на место.

Однажды я получил задание завязать связи и подробно осветить деятельность группировки кирилловцев, имевших свою штаб-квартиру в Баварии и в Мюнхене, где тогда жил сам «блюститель престола» — Кирилл Владимирович.

Как представитель «Братства белого креста», я выехал в Мюнхен для установления связи с кирилловцами, получив для этого официальное письмо от Павлова. В Мюнхене я познакомился с секретарем Кирилла Владимировича — князем Казым-Беком. Установив эти связи и проведя несколько совещаний с кирилловцами, я собрал интересовавшую нашу разведку информацию. В частности, я получил интересную информацию о связях кирилловцев с фельдмаршалом Людендорфом и о зарождавшейся тогда гитлеровской партии национал-социалистов. С этими материалами я вернулся в Берлин и сдал их по назначению.

Через пару недель я получил новое задание — выехать в Париж, завязать там знакомства во врангелевских и деникинских кругах и собрать информацию о деятельности активных эмигрантских кругов в Париже, их связях с французским правительством и французской разведкой.

Приехав в Париж, я разыскал небезызвестного деятеля белого движения Брешко-Брешковского, с которым познакомился в Варшаве. Брешко-Брешковский ввел меня в активные группировки эмигрантов в Париже, и в частности познакомил с крупным политическим деятелем царской России Гучковым. В Париже, кроме того, я встретил капитана Гомолицкого.

Через этих лиц я собрал исчерпывающую информацию о деятельности эмигрантских организаций в Париже и их связях с французскими правительственными кругами и французской разведкой и их попытками наладить связи с остатками контрреволюции в Советском Союзе. С этими материалами я вернулся в Берлин.

Затем последовала разработка деятельности полковника Лютцедарского. Последний имел тесные связи с германскими националистами и свой ресторан в Берлине, где собирались интересные для нашей разведки люди. В частности, в ресторане Лютцедарского я познакомился с одним белогвардейским офицером, который в гитлеровские времена был редактором русской газеты в Берлине (фамилию я забыл). Одновременно шел сбор информации по другим заданиям и «переброска» контрреволюционных брошюр и листовок «Братства белого креста» в Советский Союз.

Через Павлова и его приверженца поручика Тиволовича я познакомился с руководителем русской секции национал-социалистской партии в Берлине, прибалтийским немцем доктором Миллером. Благодаря этому знакомству я получил интересный

материал о его деятельности и связях с русскими эмигрантами.

В 1923 году происходил съезд национал-социалистской организации «Штальхейлм», на который я был приглашен доктором Миллером как представитель «Братства белого креста». Получив санкцию товарища Василия, я вместе с доктором Миллером и поручиком Тиволовичем поехал на этот съезд. Как почетных гостей съезда, нас поселили в особняке богатейшего промышленника, субсидировавшего нацистов. Мы принимали участие в торжественных собраниях и деловых совещаниях, были на парадных обедах и т. д. Здесь я познакомился с большинством руководителей съезда.

Вернувшись в Берлин, я составил подробный отчет о съезде и завязанных знакомствах и возможностях закрепиться в нацистских организациях. К сожалению, эти возможности не были использованы. Товарищ Василий сказал мне, что эта поездка рассматривается как интересный эпизод и полезна только с точки зрения укрепления моего положения среди эмигрантских организаций. Далее он сказал, что деятельность правых германских партий достаточно известна, в Германии положение неопределенное, может быть революция и т. д. Действительно, прогремели саксонское, рурское и гамбургское выступления рабочего класса. Рейнская область была оккупирована французами и англичанами, страна была в брожении, катастрофически росла безработица, бешеными темпами шла инфляция. Обычно организованные и дисциплинированные немцы находились в состоянии депрессии и растерянности. Я имею в виду, конечно, рядовых людей, мелких чиновников и других, а не верхушку — та знала, что делала.

Веймарская республика тогда заигрывала с Советским правительством. Кокетничали с левыми даже такие крайне правые деятели, как граф Ревентлов (будущий нацист).

В дальнейшем, по мере стабилизации положения в Германии и ухудшения отношений между Веймарской республикой и Советским Союзом, положение в корне изменилось. Работники советского полпредства и торгпредства были взяты немецкой полицией и разведывательными органами под наблюдение, пошли провокации против полпредства и торгпредства и отдельных сотрудников. Был, наконец, произведен налет немецкой полиции на торгпредство в Берлине. Работать стало трудно, приходилось бесконечно менять места встреч и пароли. В это время одной из серьезных моих работ стало освещение контрреволюционной деятельности отпетого проходимца Дружиловского...

Моя работа среди эмигрантских группировок успешно продолжалась. Имея уже, как я выше указывал, свою осведомительную сеть, я успешно выполнял все поручаемые мне задания.

В этот период временн товарищ Василий уехал, а связь со мной стала поддержнвать молодая женщииа, товарнщ Зося. Фамилню ее я забыл, знаю только, что она вскоре умерла в Москве от чахотки.

Продолжалась текущая работа по сбору информации об эмиграитах. Одиой из крупиых операций было изъятие документов из квартиры фраицузского военного агеита полковника фон Ляшпе. Товарищ Зося сфотографировала их, после чего я водворнл нх иа место.

В связи с активизацией антисоветской полнтики французского правительства и усилеиием помощн белогвардейским организациям меия направили в Парнж. Туда же выехала н товарищ Зося. Через Гучкова, Брешко-Брешковского и Гомолнцкого я собрал необходнмые сведення, и в частностн о натнске со стороны фраицузских органов иа поляков с целью оказаиня поддержки кутеповским агентам в Польше.

Через Казым-Бека я собрал материалы о деятельиостн кирилловцев. Под предло́гом бездеиежья я устронлся иа несколько дней у иего иа квартнре и сфотографировал все документы и переписку, храиившуюся у иего как у секретаря Кирнлла Владимировича. Материалы я передал товарищу Зосе и вернулся в Берлии. Здесь продолжалась текущая работа по сбору информацни, «переброска» брошюр н листовок «Братства белого креста», иаблюдеиие за отдельиыми лнцамн. В это время немецкие связи Павлова снльио умеиьшились, иемцы потеряли интерес к Павлову и его «братству», перестални субсндировать его. Лнчиые его средства, а онн былн иемалые, тоже поиемиогу иссяклн. Богатые эмнграиты жили широко, надеялнсь, что вот-вот вернутся в освобождеиную от большевнков Россию. Павлов вынужден был подрабатывать себе иа жнзнь, сделавшись шофером.

Вскоре я серьезно заболел, перенес операцию н на два с половиной месяца выбыл нз строя. Мою работу, виднмо, ценили, считалн нужиой и успешной. Когда же я заболел, крепко меня поддержалн, так как лечеиие за границей стоит дорого.

После болезин на условлеииую явку ко мне пришел связиой. Я подробио доложил ему о моем положенни в эмнграитских кругах, связях и зиакомствах и перспектнвах дальнейшей работы. Был разговор и об упущеииых возможностях в Германии.

Шел 1925 год, положеиие в Германии стабилизировалось, и теперь взять иемцев, как говорится, голыми руками и думать было иельзя. Теперь иужны былн большие деньги, время н упорная настороженная работа. На иацнстскую партию по-прежнему серьезиого виимаиия не обращалн, хотя еще были возможиости организовать работу протнв гнтлеровцев.

От связного я получил задание постараться проникнуть в белоэмигрантскую организацию «Братство русской правды». Эту организацию возглавлял бывший следователь по особо важным делам царского правительства полковник В. Орлов. Он раньше был во главе контрразведки у Врангеля. Это был умный и опасный враг.

Орлов был связан с английской, французской и немецкой разведками. В берлинской полиции у него была связь с начальником отдела политической полиции, в рейхскомиссариате у него был свой человек, прибалтийский немец Зиверт, в разведке рейхсвера — ближайшие сотрудники начальника отдела разведки полковника Николаи — майоры Ливер и Рау.

Орлов был знаком с известным английским разведчиком Сиднеем Рейли и некоторыми его начальниками, во Франции у него были давние связи со 2-м отделом генштаба.

«Братство русской правды» имело своих представителей в Латвии. В Риге представителем «братства», т. е. Орлова, был поручик Покровский, тесно связанный с латвийской охранкой, разведкой и эсерами.

В Финляндии, в Хельсинки и Выборге, у Орлова были также доверенные люди (фамилии их, к сожалению, я не могу припомнить), тесно связанные с политической полицией, разведкой генштаба и организацией шюцкаров.

Были у Орлова свои люди и в Харбине, связанные с японцами и полицией Маньчжоу-Го. Он имел личные связи с начальником политической полиции Саариярви, а через него и Ееско Рисики, бывшим тогда министром полиции.

Орлов был организатором фабрики антисоветских и антикоммунистических фальшивок, принесших много вреда Советскому правительству и коммунистическому движению за границей. Он был автором фальшивки о якобы подготовлявшемся взрыве собора в Софии, приведшей к аресту многих болгарских коммунистов.

Из орловской фабрики вышло известное «Письмо Коминтерна», Орлов же снабжал английскую разведку фальшивками, способствовавшими налету английской полиции на Аркос. Он приложил руку и к налету немецкой полиции на торгпредство в Берлине.

Деятельность Орлова по изготовлению фальшивок продолжалась много лет. По заказам иностранных разведок Орлов «добывал» для них, т. е. изготовлял, «директивные письма ГПУ и Коминтерна» и другую липу, послужившую, однако, основанием для крупных антисоветских провокаций. Возле него терся и уже упомянутый выше подонок Дружиловский.

Особенно успешно Орлов развернул свою фабрикацию фальшивок, когда связался с предателем Яшиным (он же Сумароков). Этот предатель был сотрудником в представительстве УССР в

Берлине (тогда было такое представительство). Его через своего агента немку Дюммлер обработала немецкая полиция, и он сбежал из представительства, захватив с собой много документов, которые постепенно сбывал немецкой полиции. Яшину-Сумарокову дали паспорт на имя Павлуновского.

Когда выкраденные подлинные документы были проданы, Павлуновский кооперировался с Орловым по изготовлению фальшивок. Павлуновский передал Орлову некоторые подлинные советские документы, с которых были скопированы бланки, штампы, подписи и печати. Поэтому эти фальшивки воспринимались как достоверные.

О размахе этого «бизнеса» можно судить по доходам от него. На доходы от своей фабрики фальшивок Орлов приобрел богатое имение. У него были фото- и химлаборатория, машинки с различными шрифтами, десятки штампов и печатей, огромная картотека на советских работников и т. д.

Под предлогом установления контактов я познакомился сперва с полковником Кольбергом, а затем и с Орловым, который знал обо мне как об одном из руководителей «Братства белого креста» и о моих связях в Советском Союзе через Польшу. Поэтому Орлов охотно пошел на знакомство со мной. Начались встречи, беседы о совместной борьбе с большевиками, о связях «по ту сторону». Они-то больше всего и интересовали Орлова, да и не только Орлова. Все эмигрантские группировки только об этом и думали, тем более что большинство из их руководителей уже превратились в платных агентов иностранных разведок. А притока связей с людьми в Советском Союзе ни у кого не было. Были адреса, фамилии, но реальной связи не было.

Постепенно я начал входить в доверие к Орлову, но к своей фабрике фальшивок он меня долго не подпускал. Для этого потребовалось много времени и усилий. Орлов был не чета другим эмигрантским деятелям. Это был умный, осторожный и опасный враг, а не доверчивый аристократ лейтенант Павлов, не болтун Брешко-Брешковский, не «министр» Гучков, от которого я легко выуживал интересующую информацию, не восторженный секретарь «блюстителя престола» Казым-Бек.

Несмотря на это, я понемногу стал кое-что вытягивать и из него. Узнал о его связях в Финляндии, познакомился с его представителем в Латвии — Покровским, а через Кольберга получил сведения о намечавшемся переходе через финскую границу английского разведчика Сиднея Рейли.

В 1925 году в Берлине появился упоминавшийся мною ранее английский агент полковник Самсонов, а затем из Швеции приехал его брат есаул Самсонов, который устроился заведующим большим

автогаражом, принадлежавшим ростовскому миллионеру Парамонову. Парамонов до революции издавал в Ростове газету «Приазовский край», владел мельницами, пароходами и шахтами в Донбассе.

В эмиграции Парамонов являлся виднейшим членом «Союза промышленников». Этот «Союз промышленников» имел реальные связи со старыми специалистами, работавшими на советских предприятиях и в советских учреждениях. Они часто приезжали в командировки в торгпредство в Берлин, так как тогда Советский Союз наиболее активные торговые отношения поддерживал с Германией.

Торгово-промышленный союз и, в частности, Парамонов являлись организаторами и вдохновителями вредительства на советских предприятиях.

Я получил задание собрать сведения о деятельности Парамонова и выявить его связи в Советском Союзе. Через братьев Самсоновых мне удалось собрать довольно интересный материал о деятельности и связях Парамонова.

Затем последовала разработка редакции газеты «Руль», издавшейся в Берлине одним из вождей партии конституционных демократов (кадетов) Набоковым. Нужно было установить источники получения газетной информации из Советского Союза. Через своих осведомителей из числа приверженцев «Братства белого креста» я собрал нужную информацию.

Я продолжал разработку Орлова и его «Братства русской правды», «перебрасывал» в Союз листовки «Братства белого креста».

В это время мне было предложено срочно выехать в Париж, встретиться со связным. Приехав в Париж, я получил от него задание выехать в Ниццу, установить там связи с местными эмигрантами и выяснить планы и намерения якобы созданной там террористической группы.

Получив рекомендательные письма от Гучкова и Казым-Бека, я выехал в Ниццу. В эмигрантских центрах в Ницце я выяснил, что ничего серьезного и конкретного по подготовке террористических актов у них нет. Это подтвердилось в дальнейшем.

Вернувшись в Париж, я доложил связному о результатах поездки по его заданию, собрал информацию о деятельности грузинских меньшевиков в Париже и вернулся в Берлин.

Здесь я получил задание выехать в Гамбург и выяснить намерения эмигрантов и немецкой полиции по организации провокации против сотрудников Дерлюфта (германо-советского транспортного агентства). Выяснив, что ничего серьезного там не планируется, я вернулся в Берлин.

Мои связи с «Братством русской правды» и Орловым постепенно закреплялись, я стал получать все более и более обширную информацию о его деятельности и связях с разведкой рейхсвера, с людьми из полицей-президиума и Зивертом из рейхскомиссариата общественного порядка и безопасности, а также о его финляндских связях. Однако к своей фабрике фальшивок Орлов меня все еще не допускал.

На одной из встреч на квартире Орлова после изрядной выпивки он, утеряв свою обычную осторожность, начал хвалиться своими связями. Орлов заявил, что деятельность агентов ГПУ в Берлине находится под наблюдением полиции и разведки рейхсвера и что ему предоставлена возможность знакомиться с этими материалами и, в частности, он знает, кто сейчас является резидентом ГПУ в Берлине. Я подзадорил Орлова, выразив свои сомнения. Тогда он заявил, что покажет мне кое-что и это рассеет мои сомнения. Можно представить себе мое удивление и беспокойство, когда Орлов показал мне фотокарточку одного из моих связных. Из дальнейших разговоров я понял, что многого Орлов не знает и, во всяком случае, я не расшифрован, иначе Орлов не стал бы мне об этом рассказывать. В дальнейшем я выяснил, что полиция снабжает Орлова фотокарточками и данными на всех ответственных сотрудников берлинского полпредства и торгпредства, официально регистрируемых в германском министерстве иностранных дел и полицей-президиуме.

На следующий же день я срочно по условленному паролю вызвал своего товарища на внеочередную встречу. По тому, что я не подошел к нему, он понял, что произошло что-то серьезное. Мы долго колесили по городу и наконец, запутав следы, встретились. Я рассказал ему о том, что слышал от Орлова. На этой встрече мы договорились, что связь с ним я прекращаю и буду ждать условленного вызова по телефону. Недели через две по паролю меня вызвали на явку. Я доложил о положении с разработкой Орлова, о других моих связях, о положении «Братства белого креста» и других эмигрантских группировках. Я сообщил также, что мои акции в эмигрантских кругах падают, мои «связи по ту сторону» ставятся под сомнение, вокруг меня возникает атмосфера недоверия и подозрительности и только у лейтенанта Павлова я, как говорится, на коне, но так как его «Братство белого креста» само потускнело и перспективы для дальнейшей работы неважные, не пора ли мне возвратиться на родину, тем более что я сильно измотался и чувствовал себя плохо. Но беседовавший со мной товарищ сказал, что, пока я еще добываю нужную информацию, надо продолжать работать, а для укрепления моего положения в эмигрантских кругах надо что-то придумать. На следую-

щей встрече он предложил мне, используя финские связи Орлова, организовать свой переход в Советский Союз через финско-советскую границу, пожить немного в Москве и, вернувшись назад, разафишировать свою поездку, свои связи с «организацией» в Советском Союзе. Это, конечно, подымет мои акции среди эмигрантских кругов. В Финляндии же разработать связи Орлова в Хельсинки и Выборге. На этой же встрече я получил описание внешности товарища, с которым буду держать связь, и место, где должен с ним встретиться. Решение было принято, и я начал проводить его в жизнь.

Встреча с новым товарищем произошла через несколько дней в одном маленьком кафе. Это был товарищ Иван.

Как обычно, я получил новые задания по разработке отдельных лиц и интересующих нашу разведку фактов. Через свои связи и знакомства собирал интересующую информацию и одновременно подготовлял свою поездку в Финляндию. С этой целью я сочинил для Павлова и Орлова историю о полученных мною через Польшу сведениях о расширении деятельности «наших людей» в Советском Союзе и желательности установления с ними прямой связи, т. е. поездки в Советский Союз. Так как у меня были неприятности с польскими властями из-за генерала Дьячкова, переход границы при помощи моих связей через польскую границу был невозможен. С согласия Павлова я обратился к Орлову с просьбой организовать мой переход в Советский Союз через финско-советскую границу, так как у меня есть явка в Ленинграде.

После некоторых колебаний Орлов дал мне рекомендательные письма в Хельсинки к начальнику политической полиции и к своему представителю в Выборге. Павлов дал мне адрес своей тетки в Севастополе. В ноябре 1925 года я приехал в Хельсинки, где меня, заранее предупрежденный Орловым, очень любезно принял начальник политической полиции Саариярви.

Через несколько дней я выехал в Выборг, связался с представителем Орлова, а он в свою очередь связал меня с уполномоченным разведотдела финского генштаба. Этот человек и должен был организовать переброску меня через границу.

Пребывание в Хельсинки и Выборге, конечно, я использовал для сбора информации о составе эмигрантских группировок, их связях с финнами, их деятельности в пограничных районах и, конечно, их связях в Советском Союзе. Как финны, так и эмигрантские группировки были удручены «гибелью при переходе границы английского разведчика Сиднея Рейли» (наша пресса сообщила тогда, что при попытке перехода границы Рейли был убит). В Выборге меня вооружили, дали советские документы, и вместе с капитаном финской разведки я был переброшен через

границу. Предварительно мы договорились о дне, часе и месте обратного перехода. Меня должны были встретить те же проводники.

Переход границы произошел не совсем гладко. Раза два чуть не напоролись на наши патрули. Проводники уже готовились к перестрелке. Случись такая стычка, мое положение было бы тяжелое: или получишь пулю от наших пограничников, или пристрелят проводники, если заподозрят меня. Пришлось уходить от патрулей по руслу реки, а вода была ледяная, шел снег, и я отчаянно простудился.

Перешли границу благополучно. Проводники ушли обратно, а я пошел в сторону Сестрорецка, там меня задержали и для проверки документов препроводили в штаб погранотряда. В штабе погранотряда я назвал сообщенную мне в Берлине фамилию уполномоченного ИНО при ПП ОГПУ в Ленинграде. Туда меня немедленно доставили. Отдохнув до вечера, я выехал в Москву. Там меня на вокзале встретили.

Меня поселили в гостинице, где и происходили мои встречи. Я составил обширный доклад о проделанной работе в Финляндии, о деятельности эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге, их связях с политической полицией и финской разведкой, о составе и людях, работавших в погранзаставе, откуда проводилась моя переброска через границу.

Несколько дней я прожил в Москве, с жадностью знакомился с ее кипучей жизнью, словом, начал наконец по-настоящему жить. У меня было такое состояние, как будто бы я вновь родился, что мои политические грехи зачеркнуты и я стал советским человеком, приносящим посильную пользу своей стране, своему народу.

Как было обусловлено с Павловым, я должен был выехать в Севастополь для свидания с его теткой. Мне очень хотелось заехать в Киев, повидать свою мать, сестру и братишку, и я получил разрешение на эту поездку. На случай неожиданных встреч я должен был представляться работником немецкой фирмы, приехавшим в Москву по торговым делам.

По приезде в Киев я немедленно связался с ПП ОГПУ, где были предупреждены о моем приезде. Мать моя, простая женщина, рада была увидеть меня живым и здоровым и никаких ненужных вопросов не задавала. Сестра же работала в немецком консульстве. Это меня, конечно, обеспокоило. При встрече с полномочным представителем я высказал свое беспокойство по этому поводу, однако он сказал мне, что все в порядке и беспокоиться мне нечего. По его просьбе я дал сведения о ряде известных мне лиц, работавших в польской разведке на участке границы Ровно — Олевск.

В город я выходил редко, сидел дома у матери, но однажды на улице я столкнулся нос к носу с неким Тоцким, агентом польского генштаба в Ровно. Тоцкий очень растерялся, начал рассказывать, что он «возвращенец», и, сославшись на дела, быстро распрощался. На улице было мало народу, и мне стоило большого труда проследить, куда пошел Тоцкий. Об этой встрече я немедленно доложил в представительстве. Тоцкий был взят под наблюдение и впоследствии арестован.

Прожив несколько дней в Киеве, я выехал в Севастополь к тетке лейтенанта Павлова. Эта женщина, бывшая богатая аристократка, оказалась старухой без интересных связей и знакомств. Я передал ей письмо от Павлова, получил от нее письмо к нему и в этот же день выехал в Киев. Здесь я прожил еще дня три и вернулся в Москву, так как приближалось время моего обратного перехода в Финляндию.

В Москве я доложил об условиях работы, моих связях и знакомствах и дальнейших перспективах моей разведывательной работы за границей. В частности, я пожаловался на отсутствие надежного прикрытия материальных источников моего существования за границей.

Через несколько дней меня познакомили с Андреем Павловичем Федоровым, работавшим тогда в КРО. Федорову было поручено организовать переброску меня на границу в условленное место для встречи с финскими агентами-проводниками.

Вместе с Федоровым я выехал в Ленинград, откуда меня подбросили к условленному месту, где я и встретился с проводниками. Переход границы прошел спокойно, так как посты и патрули на этом участке на время перехода были сняты.

В Москве меня снабдили большим количеством не имевших значения материалов — разных приказов, распоряжений, т. е. дезинформационными материалами. С этим «багажом» я прибыл в Выборг, где кое-что дал уполномоченному финского генштаба, в Хельсинки пришлось кое-какие «документы» дать начальнику политической полиции Саариярви. Большую же часть материалов я взял с собой в Берлин.

Мой «успешный рейд» произвел на финнов большое впечатление. Меня настоятельно просили дать явку к «своим» людям в Ленинграде и Москве. Однако я получил указание пока никаких явок не давать, мотивируя это тем, что мои связи являются политическими, а не разведывательными, что к сбору разведывательных данных надо подходить осторожно и т. д.

По приезде в Берлин я успешно афишировал поездку в Советский Союз. Привезенные мною «документы» и письмо тетки к Павлову, сообщения из Финляндии о моем «рейде» подняли мой

авторитет в эмигрантских кругах и укрепили доверие ко мне и к «Братству белого креста».

Орлов, которому я показал привезенные документы, стал еще более доверительно относиться ко мне и старался перетянуть меня в его «Братство русской правды». К фабрике фальшивок, однако, он меня еще не допускал.

Связь я поддерживал с товарищем Игорем. С этим товарищем работалось очень хорошо. Встречи часто менялись, хорошо конспирировались. Он приобрел мотоцикл и благодаря этому легко ускользал от слежки немецкой полиции. Мы встречались в пригородах Берлина, что было надежней и спокойней. Продолжалась обычная работа по сбору интересующей информации.

Как я уже указывал выше, через созданную мною из эмигрантов свою сеть осведомителей я получал обширную информацию и мог вести наблюдение за интересующими нашу разведку лицами. В это время я получал очень хорошую по тому времени зарплату, имел возможность через ИНО помогать матери.

Летом 1926 года я снова тяжело заболел, сказалась простуда, полученная при переходе границы. Проболев около двух месяцев, я получил месячный отпуск и поехал поправляться на курорт.

На очередной встрече после отпуска товарищ Игорь сказал мне, что я должен снова организовать при помощи Орлова и его финских друзей поездку в Финляндию и снова перейти через границу в Советский Союз. В Финляндии мне необходимо закрепить связи с финнами и собрать материал о деятельности эмигрантских группировок в Выборге.

В это время лейтенант Павлов, утерявший поддержку со стороны немцев, решил в Париже искать себе поддержку у французов и влиятельных эмигрантских кругов. Товарищ Игорь предложил мне выехать вместе с Павловым в Париж и, используя его связи и знакомства, собрать информацию о деятельности эмигрантских группировок во Франции.

Приехав вместе в Павловым в Париж, я через него, а также с помощью своих связей собрал интересующую информацию и вернулся в Берлин. Павлов остался в Париже еще на полгода, но вернулся ни с чем. В финансовой поддержке ему отказали, и его «братство» начало хиреть. Мне уже почти нечего было «перебрасывать» в Советский Союз. Денег у Павлова на печатание его макулатуры не было.

Я же старался все больше и больше сближаться с Орловым и его «Братством русской правды», так как помимо разоблачения его фабрики фальшивок и использования его связей в Финляндии я получал от Орлова богатейшую информацию о деятельности активных эмигрантских группировок и их связях с иностранными разведками.

К лету 1927 года я подготовил свою поездку в Финляндию. С письмом Орлова приехал в Хельсинки. Я думал, что будут организовывать переброску через уполномоченного финского генштаба в Выборге. Однако Саариярви заявил мне, что сделает это сам через своих агентов на границе: политическая полиция и Саариярви не хотят делиться с разведкой генштаба ожидаемыми от меня материалами и моими возможными связями в Ленинграде.

Вместе с Саариярви я выехал на границу и днем в районе Сестрорецка перешел границу в указанном мне месте без проводников. Из этого мне стало ясно, что политическая полиция располагает точными данными о расположении наших пограничных постов и движении патрулей в дневное время. В Ленинграде я пошел, как и в первый раз, на квартиру уполномоченного ОГПУ и вечером выехал в Москву.

В Москве в этот раз пробыл долго, около двух месяцев. Мне сказали, что на некоторое время я передаюсь в распоряжение КРО и буду работать по их заданиям.

Во время встреч обсуждались дальнейшие аспекты работы, и в частности разработка финских связей. Решен был также вопрос о снабжении меня дезинформационными материалами, дана явка для финнов в Ленинграде и решен вопрос о материальных источниках моего проживания за границей.

Кажется, в конце июля, снабженный в достаточном количестве материалами для финнов и для моих берлинских дел, я выехал в Ленинград, а затем в том же самом месте, в районе Сестрорецка, перешел границу.

В Хельсинки я передал Саариярви часть материалов, предназначенных для финнов, а главное, к большой радости Саариярви, дал адрес-явку в Ленинграде. С Саариярви договорился, что часть получаемых на этой явке материалов он будет пересылать мне в Берлин через посольство Финляндии.

Таким образом, мои финляндские связи успешно закреплялись. От Саариярви я получил подробные сведения о деятельности эмигрантских группировок в Финляндии, отношении к ним финского правительства и их связям с разведывательными органами, в том числе и с английской разведкой, пережившей тяжелый удар вследствие «гибели» Сиднея Рейли.

Пробыв несколько дней в Хельсинки, я через Стокгольм возвратился в Берлин и по условленному паролю связался с товарищем Игорем. Передал ему собранную в Хельсинки информацию, получил валюту для прикрытия материальных источников моего существования в Берлине.

Получил я также первые задания КРО, состоявшие в организации наблюдения за приезжавшими в Берлин из Москвы спе-

циалистами и установлении их связей с белоэмигрантскими группировками. Мне было названо несколько фамилий и переданы фотографии лиц, за которыми надо было присмотреть. Это было легко организовать, так как я использовал для этого своих осведомителей из «Братства белого креста», поручая им следить за «большевистскими агентами». Одновременно я должен был продолжать сбор информации и разработку Орлова.

На полученные деньги я купил хорошую машину, нанял шофера из прибалтийских немцев (конечно, бывшего офицера) и начал ее эксплуатировать по частным заказам, как это тогда практиковалось в Германии. Машину я поставил в парамоновском гараже, которым заведовал упоминавшийся мною ранее казачий есаул Самсонов. Таким образом, источники моих средств стали всем известны, и разговоры о том, на какие же средства живет поручик Крошко, прекратились.

Однако это мероприятие повлекло за собой ухудшение моих отношений с моим, так сказать, вождем лейтенантом Павловым. Он был удручен отсутствием денег для финансирования «Братства белого креста»; не получая поддержки, организация его теряла влияние в эмигрантских кругах. Я же почти совсем перешел в «Братство русской правды» к Орлову.

Однажды Павлов спросил меня, откуда у меня появились деньги на покупку автомашины. Я ответил, что получил крупную сумму денег от финской разведки за доставленные мною «большевистские документы». Эту версию я распространил и среди всех моих эмигрантских знакомых. Павлов заявил мне, что это компрометация «Братства белого креста», ведущего «идейную борьбу с большевиками». На это я ответил, что имевшиеся у меня скудные средства иссякли и у меня не было другого выхода. После этого разговора мои отношения с Павловым стали весьма холодными, но полностью отношения с «Братством белого креста» я не порывал и оставался одним из его руководителей.

За этот период времени я получил через секретаря финского посольства в Берлине несколько пакетов с материалами. Следовательно, явка, данная для финнов в Ленинграде, функционирует исправно и отрабатывается под наблюдением КРО.

Затем мною было получено от КРО задание собрать возможно большую информацию о деятельности группы генерала Кутепова, его связях в Польше, Латвии и Эстонии. Эта разработка заняла месяца два, однако до конца ее довести не удалось. Я собрал интересную информацию и должен был выехать в Париж, где находился генерал Кутепов и его штаб-квартира, чтобы подробно и до конца разобраться в деятельности кутеповцев, но получил сведения, что французская и английская разведки считают меня

германо-большевистским агеитом, которого иадо разоблачить. В такой снтуацнн поездка делалась нецелесообразной и опасной. Я доложил об этом, и выезд в Париж был отложеи, а иа следующей встрече товарищ Игорь сказал мне, что поездка вообще отмеияется.

Моя последияя поездка в Советскнй Союз, получаемые мною матерналы и явка для финнов в Леиинграде окончательно расположили ко мие Орлова, и ои накоиец посвятнл меия в тайиы своей фабрики фальшнвок. Орлов познакомнл меия с Павлуновскнм-Сумароковым н предложил мне прннять участне в изготовлеиии матерналов, «подрывающнх деятельность большевиков за граиицей», т. е. фальшивок.

Орлов показал мне свою картотеку, цннковые штампы, печати н дубликаты иаиболее громких фальшнвок («Письмо Комитериа», директиву о взрыве собора в Софнн и др.). Я сперва сделал вид, что отказываюсь от этого дела, так как вижу в ием только нечнстый способ зарабатывать деньгн.

Орлов же горячо доказывал мие, что фальшнвкн являются мощиым оружием для подрыва и компрометацнн деятельности советских органов за граннцей и борьбы с коммуиистическимн партиями. Так, он вспомиил аресты болгарских коммунистов, спровоцированные фальшивкой о подготовке взрыва собора в Софнн, налет аиглийской полицин иа Аркос н иемецкой полицнн иа торгпредство в Берлнне, чему также способствовали антнсоветские фальшнвкн. Прн этом он иамекнул, что иностранные разведки ие особенно проверяют «подлииность документов». Главиое, чтобы онн были на высоте по качеству и по содержанию.

Из дальиейших разговоров выясинлось, что Павлуиовский-Сумароков выдохся со своими устарелыми материаламн и «дело» иадо ожнвить. Мои связи «по ту стороиу» и мои матерналы могут очеиь помочь им. Орлов иачал меня уговаривать, чтобы я в загримированном виде, в красноармейском шлеме н гнмиастерке со зиакамн различия дал себя сфотографнровать. Эту фотокарточку Павлуновский покажет сотруднику рейхскомнссариата Зиверту, заявнв, что это его, Павлуновского, приятель, приехавший в комаидировку в Москву и у него можно купить «большевистские документы». Дело было рнсковаииое, ио, посоветовавшнсь с товарнщем, смеиившнм на связи со миой товарища Игоря, я согласился на это.

Но Зиверт, не удовольствовавшнсь этой фотокарточкой, потребовал от Павлуновского устронть свидаиие с его «большевистскнм другом», т. е. со мной. Это было уже совсем рисковаиио, учитывая мой рост и фнгуру. Но прншлось пойтн н иа это. Тщательио загримированный, поздно вечером, вместе с Павлуновскнм

я встретился с Зивертом. Быстро договорившись о продаже документов, я ушел. Однако, как говорится, я еле ноги унес, так как заметил, что Зиверт пришел не один, а с двумя агентами полиции, наблюдавшими за встречей. Я быстро вошел в знакомое мне кафе, прошел в уборную, снял грим и через черный ход вышел на улицу, вскочил в такси и уехал домой.

После этого я завоевал у Орлова полное доверие. Он уже стал иногда оставлять меня одного в своей квартире, и я смог снять слепки с ключей от квартиры, шкафов и сейфа. В один из дней, когда Орлов уехал к жене в свое имение, я проник в его квартиру и изъял материалы, изобличающие изготовление им фальшивок (дубликаты, черновики, заготовки, образцы штампов, печатей и т. д.). В частности, я изъял заготовки фальшивок, «изобличавших» американских сенаторов Бора и Нарриса в получении денег от Советского правительства.

Провал произошел в конце сентября 1928 года. Связь была прервана почти на месяц. В Берлин приехал товарищ Виктор, который сообщил мне о провале и необходимости незаметно выехать из Германии в Советский Союз. Я и без того почувствовал провал, так как за мной неотступно ходили два шпика, что было нетрудно заметить.

Некоторое время я должен был, не проявляя беспокойства, встречаться со своими знакомыми в эмигрантских кругах и готовиться к отъезду. Орлов ничего не знал о провале, так как уехал в имение и, видимо, немецкая полиция его еще не информировала об этом.

В конце октября товарищ Виктор передал мне документы на имя советского гражданина Сидорова с выездными визами (на меня и мою жену). С этими паспортами, ускользнув от наблюдения агентов полиции, я выехал в Гамбург, потом сел на пароход «Герцен». На нем прибыл в Ленинград. На этом и закончилась моя работа по заданию советской разведки, продолжавшаяся семь лет, с 1922 по 1928 год.

Между тем в Берлине произошли события, имевшие непосредственное отношение ко мне. В начале 1929 года на основании заявления корреспондента американской газеты «Нью-Йорк Ивнинг пост», известного американского журналиста Артура Никкербокера-младшего немецкая полиция вынуждена была арестовать Орлова, Павлуновского-Сумарокова и его сожительницу, агента немецкой полиции Дюммлер, барона Кюстера, полковника Кольберга, в общем, всю шайку Орлова. Им инкриминировалась попытка продать Никкербокеру фальшивое письмо о получении американскими сенаторами денег от Советского правительства за то, чтобы эти сенаторы выступили за признание Соединен-

ными Штатами Советского правительства и установление дипломатических отношений.

Заготовки и черновики этих писем вместе с другими изобличающими Орлова материалами были, как указывалось выше, изъяты мною у Орлова незадолго до провала. Произошел грандиозный международный скандал. Вся международная пресса месяцами писала об этом сенсационном аресте и последовавшем за ним процессе Орлова и К°. Наши газеты «Известия», «Правда», «Труд» и другие начиная с марта 1929 года широко освещали «дело Орлова и К°» и возвращались к нему в 1930 и 1932 годах.

Процесс, конечно, закончился легким испугом для Орлова и компании. Орлов был изображен эдаким идейным борцом с большевиками. На процессе фигурировали начальники политического отдела берлинского полицей-президиума Бартельс, Зиверт и другие лица. Защита Орлова в числе других аргументов в пользу Орлова заявила, что все это дело спровоцировано опаснейшим агентом ГПУ поручиком Крошко, таинственно исчезнувшим из Берлина.

Спасая свою репутацию, лейтенант Павлов выпустил брошюру, в которой написал, что поручик Крошко давно ушел из «Братства белого креста», а затем в эмигрантских газетах распространились слухи, что поручик Крошко убит при переходе советской границы.

Вскоре же за границей вышла книжка о советском шпионаже, в которой также упоминалось «об агенте ГПУ поручике Крошко, который много лет действовал в столицах европейских стран».

Глава девятнадцатая

Выслушав рассказ Дружиловского о посещении «Братства белого креста», доктор Ротт некоторое время сидел молча, выпятив вперед острый подбородок, прикрыв глаза белесыми ресницами.

— Больше с ними никаких контактов,— сказал он наконец и забарабанил по столу длинными белыми пальцами.

— Я допустил ошибку? — с беспокойством спросил Дружиловский.

— К вам претензий нет,— ответил немец.

— А если они захотят узнать, какое я принял решение?

— Скажете, что предложенная работа вам не подходит.

— А если они предложат что-то другое?

— Не предложат. Продолжайте заниматься своими делами,— доктор Ротт поднял глаза на Дружиловского, и тот понял, что разговор окончен. Но ему казалось, что немец обидно подчеркнул слово «своими», и это усилило его тревогу.

Доктор Ротт ничего не собирался объяснять мелкому и не очень надежному функционеру. Тем более что лезть в «братство» вообще не было нужно — стало известно, что Ревентлов и другие покровители отказали «братству» в материальной поддержке, оно обречено. Единственно, что было неясно доктору Ротту,— почему «братство» так откровенно отделалось от Дружиловского? Поняли, что в агентстве «Руссина» ни на какие деньги рассчитывать нельзя? Или раскусили, что хозяин агентства слишком мелкая фигура, чтобы звать ее на помощь? Так или иначе, с «братством» покончено, и можно о нем не думать.

Дружиловский продолжал изготовлять всевозможные политические фальшивки, выполнял задания немцев, поляков, французов... Работы, в общем, хватало, но что-то она становилась для него неинтересной. Все острей была тревога, что он работает на других, а сам отстранен от большой политики. Крошко с его респектабельным «братством» попросту отмахнулся от него, а доктор Ротт нашел нужным сказать, чтобы он не лез в дела не своего ранга. Так что же, значит, ему на роду написано остаться в ранге безвестного исполнителя? Почему? Почему?

Очевидно, в это время он записал в своем дневнике:

«Зиверт сказал, что я более или менее вошел в норму. Но мне в этой норме становится скучно. Бельгардт тоже ноет, собирается от меня уходить, у него наклюнулось какое-то большое дело. Ну и черт с ним! Надоел он со своей образованностью, деньги зарабатывает у меня, а каждый день тычет мне в нос свою ученость. Но в одном он прав: мы, как безропотные ослы, тащим чужой воз. И что-то я утомился от страха перед всеми, кто легко может свернуть мне шею. Смертная тоска в одиночку напиваться, запершись в квартире. А с кем выпить, если никому не верю? Эх, дельце бы какое-нибудь с большим шумом и чтоб все знали, что дело это имеет мою звонкую фамилию...»

Он пришел к Зиверту под вечер. Плохое свое настроение скрывать не пытался. Не стал даже, как было заведено, рассказывать о работе. А Зиверт, накануне вернувшийся из Парижа, был весел и точно заново заряжен энергией. Легкий, вертлявый, он метался по комнате, не умолкал его высокий резкий голос.

— Париж, скажу я тебе,— это вещь, там воздух другой, честное слово! — рассказывал Зиверт, не останавливаясь ни на минуту.— И люди другие! Все другое! Я сейчас тебе покажу.—

Он бросился к шкафу, вынул и мгновенно надел светло-голубой в полоску пиджак с хлястиком.— Гляди, как сидит! Каждое движение дает по нему волну! Видишь! И легкий как пушинка! А брюки к нему знаешь какие? Белые! — Он побежал, вытащил из шкафа брюки и приложил их к ноге: — Белая фланель! Ты гляди, гляди, это же музыка! Верно?

Дружиловский только грустно кивал головой.

Зиверт сел напротив в кресло, забросив ногу на ногу.

— Что случилось? Опять напакостил?

— Почему? Вы сами говорили — все в норме.

— Тогда в чем дело?

— Тоскливо что-то.

— Ну, знаешь... Если ты явился плакать в жилетку, то убирайся.— Он вскочил, прошелся по комнате и, остановившись у окна, спросил не оборачиваясь: — Эльза прогнала?

— Ну при чем тут Эльза? — обиделся Дружиловский.

— При том, что ты из тех мышиных жеребчиков, которые, если месяц бабу не видят, могут в петлю полезть.

— Работа не веселит — вот что!

— Работа не цирк.— Зиверт снова сел в кресло, обхватив руками колено, и смотрел на подпоручика озорными глазами: — Чего же ты хочешь?

— Надоело на дядю работать,— ответил он, угрюмо глядя из-под сдвинутых бровей.

— Ты работаешь на тетю, на политику, и тут каждый делает свое дело. Не все политики становятся министрами. Лично я к этому и не стремлюсь.

— Дело делу рознь,— ответил Дружиловский.

— Рвешься в большую политику? — рассмеялся Зиверт.— А она, братец мой, птица хитрая: думаешь, поймал ее за хвост, а она тю-тю.

— Мне не до шуток,— обронил Дружиловский.

Живое лицо Зиверта изобразило притворный испуг:

— Прости, пожалуйста, я забыл, что ты человек серьезный. Так что же ты от меня, несерьезного, хочешь?

— Совета.

— Только и всего? — Зиверт вскочил и опять стал ходить.— Хорошо, я тебе кое-что объясню. Но прошу не обижаться, скажу как брат брату. Прежде всего, друг мой, нужно уметь трезво видеть самого себя, а потом уж того самого дядю. Ты работаешь нечисто и без особого ума. Ты не смог толком сработать даже в нашем с тобой приватном деле — сам привел полицию в свою комнату. Это же надо — снял комнату на свое настоящее имя! Подумай сам — могут после этого немцы поставить на тебя

в серьезном деле? А поляки? Так что не оглядывайся, мой друг, по сторонам, оглянись на себя!

Зиверт остановился перед Дружиловским, а тот сидел, опустив аккуратно причесанную голову, и уныло молчал.

Роль учителя Зиверту, очевидно, нравилась — упиваясь покорным молчанием ученика, он снова заходил по комнате.

— Выбросил на рынок десяток документов и уже вообразил себя политиком? Поторопился, братец! Погляди, как ты работаешь. Для тебя дело оканчивалось с получением гонорара, и все твои мысли были об одном: не мало ли дали? А политика с продажи документа только начинается. Надо внимательно смотреть, как пошел твой документ. Какая степень веры в него. Какие силы за него. Какие — против. Если документ зашатался, его надо немедленно укрепить. Сумел все это сообразить, тогда к тебе уважение. И это значит — новые и все более серьезные заказы... А как поступаешь ты? Вспомни, к примеру, свой документ для американцев. В спешке сунул им неправильную фамилию коммуниста. Для исправления ошибки несешь другой документ. Белые нитки видны за версту. Москва поднимает шум, заявляет протест. А Америка в это время нацелилась выгодно торговать с большевиками — обстоятельство, которое ты вовсе не учел. И каков конечный результат? Ноль без палочки. Если не считать, что очень полезного всем нам американского корреспондента, который не обидел и тебя, отозвали из Германии. Ты сунул деньги в карман — и в кусты. А для политика настоящее дело только тут и начиналось.

— Корреспондент сам предложил мне сделать второй документ,— неожиданно вскинулся Дружиловский.

— А своей головы у тебя нет? — прикрикнул Зиверт.— Погляди, как работаю я. Когда Гаврилов вляпался с советскими бланками в Вене и поднялся гвалт, я немедленно выехал в Вену, потому что в возникшем скандале есть возможность продолжения борьбы. Я быстро нашел путь к тем, кто собирался судить Гаврилова и Якубовича. Я им, как дважды два четыре, доказал, что за это их будут благодарить только коммунисты. Результат — вывел из-под удара Якубовича, который был мне дороже Гаврилова. А теперь и Гаврилов на свободе, и все мои люди в безопасности. И продолжают действовать. Ну? Уловил ты, в чем твоя главная беда? — Зиверт снова стоял перед Дружиловским, сидевшим с понурым видом. И вдруг, сменяя гнев на милость, сказал примирительно: — Ладно. Урок окончен. Надеюсь, он не пройдет даром. И раз уж просишь, дам тебе и совет — поищи ход в болгарское посольство. Они пробовали связаться со мной, но то, что им надо, мне не с руки. А дело там, кажется, серьезное, может вызвать

большой шум. Притом Болгария — это как-никак государство, даже царь там имеется и есть своя политика и своя казна. Попробуй. Но лезть туда напролом с визитной карточкой своего агентства не надо. Повод там появиться должен быть железный.

— А что за дело? — встрепенулся Дружиловский.

— Это выясни сам,— ответил Зиверт.— Но если ты хоть мельком помянешь там мое имя, считай, что тебе конец.

Дружиловский стал искать ходы к болгарскому посольству. Он подолгу околачивался возле посольского особняка, надеясь на счастливую случайность.

Однажды вечером он решил перед сном прогуляться возле заветного особняка и на первом же перекрестке столкнулся с Гавриловым.

— Ты что же это, шельма, нос воротишь? — заорал Гаврилов на всю улицу.

Они поздоровались. От Гаврилова пахло водкой.

— Ненавижу таких типов: когда ты им нужен, они с полным удовольствием, а когда нет — в кусты,— громко говорил Гаврилов, глядя с недоброй усмешкой.— И ты знай: сегодня на тебе хорошее пальто и шляпа, но это, брат, не на всю жизнь. У меня, брат, тоже пальто, даже шуба была бобровая, в Вене пошитая, а теперь, видишь, зимой хожу в пиджачке, будто мне жарко, как в Африке.

— Я ничего такого не думал, я просто вас не узнал,— сказал Дружиловский, с досадой замечая, что прохожие оглядываются на них.

— А если не думал, так давай зайдем в пивную, поговорим за кружечкой о превратностях судьбы. Потраться на меня малость за то, что я сделал для тебя, когда был тебе нужен.

Гаврилов говорил злобно, и в глазах у него сверкал шальной блеск — того и гляди устроит скандал на улице.

— Хорошо, давайте зайдем, только ненадолго, у меня еще дела есть.

— А зачем надолго? — хрипло рассмеялся Гаврилов.— На это время требуется самое малое.

Пивная была заполнена до отказа. Дым стоял коромыслом. Посетители орали песни. Выждав, когда освободился маленький столик в темном углу бара, они заказали пиво.

— Войну проиграли, а гляди, поют. Пойми их,— кивнул головой Гаврилов.

— А чего им — пиво-то есть,— отозвался Дружиловский.

— Да... Придет ли времечко, когда и мы запоем иаши песни? — вдруг спросил Гаврилов.

Дружиловский удивлеиио взгляиул иа иего: с чего это потянуло его иа лирику?

Они помолчали, слушая крикливую, маршеобразиую песню. Немцы сидели большими компаииями, обиявшись за плечи и ритмично раскачиваясь.

— Все сволочи. И Зиверт тоже сволочь,— перегиувшись через стол, мрачио сказал Гаврилов.— Я для иего, вишь, дерьмом стал, а кто ои сам? А?

Дружиловский, думая, что Гаврилов провоцирует разговор о Зиверте, чтобы потом все ему передать, иичего не ответил.

— Делает вид, будто спасает Россию,— продолжал Гаврилов.— А что иа самом деле? Глядит, как бы оторвать кусок пожирней, на Россию-то ему иачхать. А когда я в Вене захотел хоть часок пожить красиво, он спихиул меня в яму.

Дружиловский решил, что молчать дальше иеосторожно, заподозрит иеладиое Гаврилов.

— История делается ие в белых перчатках,— повторил он слова, которые слышал одиажды от Зиверта.

— Во-во! Это же и Зиверт говорил мне! — сказал Гаврилов, кивая головой.— Я же, дурак, думал: Лоидои... Париж... Великие столицы! Великие политики! Вершители судеб человечества! Тьфу! — Гаврилов и в самом деле плюиул иа пол, растер плевок иогой и закричал: — Те же сволочи и торгаши. Но я-то, осел безухий, ведь были у меня какие-никакие деньжата, взял бы да купил себе лавочку, завел бы себе бабу домашиюю и плевал бы с высокого дерева на всех Зивертов, вместе взятых.

— Интересно, во всем зале нет ии одиой жеищины,— сказал Дружиловский, пытаясь переменить разговор.

— Немец, он с детства аккуратист на деиьги, за бабу-то надо платить, оиа ж тоже пива потребует,— объяснил Гаврилов и добавил мечтательио: — Вот в Веие с бабами лафа, выйдешь иа улицу, выбор, как иа ярмарке...

Дружиловский вдруг подумал о своей Юле. Недавно ои получил от иее отчаяииое письмо из Ревеля — умоляет перетащить ее в Берлии. Что-то случилось у иее в Польше, и оиа вынуждена была вериуться в Эстоиию. Что имеиио случилось, не пишет, только намекает, чтобы ои не приезжал в Ревель: опасно. А ои об этом и ие думает — иа кой ляд ему заштатиая Эстоиия, когда есть настоящая Европа? Тащить Юлу в Берлии ои тоже ие собирается — только ее еще не хватало, когда ои иацелился иа громкое дело.

В пивную вошел мужчииа, похожий на цыгаиа. Он стоял

у дверей и высматривал свободное место. Гаврилов помахал ему рукой, и мужчина направился к их столу.

— Это один... не то серб, не то македонец,— шепнул Гаврилов.— Их тут целая шайка, сколько я их знаю, они все кого-то убивать собираются.

Фамилию человека, севшего за их стол, Дружиловский не разобрал — тот вообще так плохо говорил по-русски, что понять его было трудно. Разговор не клеился, и они молча пили холодное пиво и через витринное окно смотрели на улицу, где огни реклам тщетно пытались расшевелить сумрачный февральский вечер.

— Вы не знаете кого-нибудь в болгарском посольстве? — спросил Дружиловский, считая по простоте душевной, что сербы и болгары это одно и то же.

Серб посмотрел на него бешеными глазами.

— Зачем это мне?

— Ну... я думал... может, случайно,— ответил Дружиловский.

— Одного знаю. Ангелов! Мы его убьем! — воскликнул серб с ненавистью и вдруг, бросив на стол деньги, ушел не попрощавшись.

— Зачем ты его? Он такой же бездомный, как мы,— печально укорил Гаврилов.

— А что я такое сказал? — рассеянно спросил Дружиловский. В это время его мысли были заняты уже совсем другим — кажется, счастливый случай ему все-таки подвернулся.

— У него зуб на этих болгар, а ты ему прямо на самую мозоль,— продолжал Гаврилов.— Ладно, бог с ним, закажи-ка еще по кружечке.

Гаврилов выпил и начал рассказывать скабрезные истории из своей венской жизни. Он говорил громко, хохотал, и за соседними столами с любопытством прислушивались к его пьяному реготу.

— Давайте расплатимся,— предложил Дружиловский. Он заторопился домой: нужно было срочно обдумать, как использовать то, что он услышал от серба. «Ангелов... Ангелов...» — повторял он про себя.

Глава двадцатая

На другой день утром он направился в болгарское посольство. На нем было сшитое по моде длинное узкое пальто, темная жесткая шляпа, какие носили чиновники, на руках перчатки из тонкой желтой кожи. Он был тщательно выбрит, причесан, выутюжен, ему хотелось произвести наилучшее впечатление.

Через массивную дверь он вошел в холл посольства. Привратник окинул его опытным взглядом и почтительно поклонился, не позволив себе задавать вопросы.

— Могу я видеть господина Ангелова? — солидно спросил Дружиловский, стягивая с руки перчатку.

— Как прикажете доложить?

— Скажите: русский офицер, располагающий очень важной информацией.

Привратник скрылся за дверью. Пока все шло хорошо, но было неловко стоять посредине холла со шляпой в руках, а кроме столика и кресла привратника, больше никакой мебели не было. Увидев на стене гравюру, он подошел и, заложив руки за спину, стал ее рассматривать. Он даже приготовился спросить, кто автор этой замечательной вещицы.

В сопровождении привратника вошел высокий болгарин с крупным смуглым лицом и густо посеребренной лохматой головой. Он остановился на безопасном расстоянии от Дружиловского, ощупал его маленькими злыми глазками и спросил:

— Что у вас?

— Очень важно, но конфиденциально,— Дружиловский скосил глаза на привратника.

— С кем имею честь?

— Русский офицер Дружиловский Сергей Михайлович,— четко, по-военному ответил он и щелкнул каблуками.

Настороженно всматриваясь в него, болгарин молча сделал приглашающий жест.

Они прошли в небольшую гостиную, обставленную старой мебелью красного дерева. Болгарин показал ему на кресло у стены, а сам сел поодаль у приоткрытой двери в холл.

— Вы господин Ангелов? — Дружиловский смотрел на болгарина глазами, полными сочувствия и тревоги.

— Да, я Ангелов.

Дружиловский наклонился вперед и тихо сказал:

— Вас хотят убить... сербы... я знаю это совершенно точно, можно сказать, из первоисточника.

— Это для меня не новость,— совершенно спокойно ответил Ангелов.— Они мне сами писали об этом — и не раз.

— Я думал... я счел своим долгом русского офицера...— заторопился Дружиловский, видя, что Ангелов собирается встать.

— Спасибо, я тронут вашей тревогой,— сказал болгарин. Он встал и добавил равнодушно: — В этом проявилось наше кровное славянское братство.

Дружиловский поспешно вскочил.

— Долг русского офицера,— сказал он, пристукнув каблу-

камн.— Если разрешите, один вопрос: не нуждается ли ваше посольство в документах, разоблачающих козни Коминтерна?

— Откуда у вас... такие документы? — спросил удивленно Ангелов. Последние дни в посольстве только и разговоров, что об этих документах. Из Софии специально по этому поводу приехал ответственный сотрудник охранки.

— Это вопрос уже другой и не самый важный,— улыбнулся Дружиловский.

— Подождите минуточку.

Ангелов вышел и вскоре вернулся с мужчиной почтенного возраста в мешковатом костюме, Ангелов представил Дружиловского.

— Я секретарь посла,— сказал вошедший.— Будьте любезны уточнить, о каких документах идет речь.

Нарушая инструкцию Зиверта, Дружиловский протянул свою визитную карточку, где было указано, что он возглавляет информационное агентство «Руссина», занимающееся деятельностью Коминтерна.

— Скажите, пожалуйста, вы знаете господина Зиверта? — спросил болгарин, внимательно смотря на него через толстые очки.

Дружиловский сделал неопределенный жест рукой.

— Хорошо,— улыбнулся болгарин.— Но нас могут интересовать только документы, связанные с Болгарией.

— Можно и такие,— сказал Дружиловский.

— Нам нужны очень определенные документы.

— Для этого мне понадобятся ваша помощь, ваш совет, а что касается меня, можете не сомневаться, я сделаю все, что в моих силах.

Пожилой болгарин пригласил Дружиловского пройти с ним в его кабинет.

Дружиловский понял, что это был кабинет самого посла. А по тому, как по-хозяйски болгарин сел за массивный стол, над которым висел большой портрет болгарского царя, как небрежно отодвинул он в сторону лежавшие на столе бумаги, подпоручик самодовольно решил, что имеет дело с самим послом.

— Я хочу кое-что объяснить вам,— начал болгарин.

— Я весь внимание.— Дружиловский вытянул вперед лицо, выражавшее серьезность и сосредоточенность.

— Всю атмосферу жизни в нашей стране отравляют коммунисты...

— Как и всюду, как и всюду,— сочувственно вставил Дружиловский.

— Но у нас особенно,— продолжал болгарин.— Потому что

у нас очень сильны традиционные симпатии к русским, к Москве, и многие просто не могут понять, что теперь от Москвы болгарину ничего хорошего ждать нельзя.

— Совершенно верно,— согласился Дружиловский.

— Вот на это мы и хотели бы открыть глаза всем болгарам...

— Именно этим мое агентство и занимается,— солидно произнес Дружиловский.— Не можете ли вы несколько конкретизировать свои интересы?

— Хорошо бы, например, иметь документ, из которого в Болгарии узнали бы, что Москва учит болгарских коммунистов сеять в нашей стране национальную рознь с целью вызвать смуту.

— Все ясно,— Дружиловский вынул блокнот.— Скажите, о каких нациях идет речь.

— Болгары... сербы... македонцы... хорваты... румыны... турки...— медленно продиктовал болгарин.

Дружиловский записал.

— Срок? — спросил он.

— Как можно скорее,— ответил болгарин.— И с этого мы только начнем.

Дружиловский поехал к Гаврилову.

— Дайте мне в долг чистый бланк Коминтерна.

— Кончились бланки,— мрачно ответил Гаврилов, он снова был пьян.— Музыка отыграла, за дело взялись могильщики.

— Может быть, завалялся хотя бы испорченный. Я по нему закажу новые и поделюсь. Плачу наличными сейчас же.

Гаврилов отыскал наполовину разорванный фальшивый бланк, они его склеили, а текст смыли.

Забежав домой за деньгами, Дружиловский поспешил в типографию, которая находилась недалеко от его агентства, на Лютерштрассе. Он давно приметил эту типографию, маленькую, чистенькую. В витринном окне была выставлена реклама: «Здесь принимаются заказы на всех европейских и на русском языках».

Его заказ нисколько не удивил хозяина типографии, он ничего не спрашивал, а когда получил деньги вперед, сказал, что завтра все будет готово.

Сто собственных бланков! Это было целое богатство. Дружиловский вместе с Бельгардтом и машинисткой Соловьевой принялись за изготовление фальшивки. Первый бланк они испортили. Машинистка не разобралась в поправках на черновике и одно слово напечатала два раза.

— Это не работа, а черт знает что! — орал на нее Дружиловский.

Теперь ои диктовал машиинстке сам. Все получнлось гладко. Поставнв под текстом размашистую иеразборчивую подпись, Дружиловский смял докумеит, а затем, свериув его вчетверо, разгладил подогретым утюгом. Потом мокрым пальцем помусолил углы бумаги, н теперь оиа приобрела такой вид, будто уже побывала во многих руках...

Когда ои принес фальшивку в посольство, то уже обращался к своему собеседннку: «господин посол», н тот не возражал.

Прочитав и осмотрев документ со всех сторои, болгарни улыбнулся:

— Я вижу: ваше агентство — предпрнятне серьезное, и потому сразу же даю вам иовый заказ. А пока давайте оформим иаши отиошеиия...— он протяиул Дружнловскому бухгалтерскую ведомость, где ои увидел фамилию «Шидловский» и инже: «За исследовательскую работу по заданию болгарского посольства — 100 марок».

— Тут же ие моя фамилия,— сказал Дружиловскнй.

— Так будет лучше. Какая вам в коиечиом счете разиица? Деиьги-то вашн. Расписывайтесь. Бернте деиьгн, н займемся делом.

Следующее задание тоже не было особеино сложиым, тем более что текст «докумеита» был болгарниом заготовлен. Это будет сообщеиие нз Москвы о том, что какому-то господиину Пастернаджиеву Коминтерн перевел десять тысяч долларов иа усилеине подпольиой деятельностн в военных частях. И еще иесколько фраз — тумаиных и двусмысленных, которые можио было поиимать как хочешь. В том чнсле и как зашифрованиую ннструкцию.

— Этот документ стаиет для господииа Пастернаджиева смертиым прнговором,— сказал болгарии, закончнв диктаит.

— А кто он такой? — поинтересовался Дружиловскнй.

— Очеиь опасный для Болгарнн человек.

Самой сложной для Дружиловского стала третья фальшивка.

Работа иад этнм документом началась с того, что болгарин прочитал Дружиловскому иечто вроде лекцнн о внутреинем положеннн в Болгарин.

— Наша миогострадальная страиа осенью двадцать третьего года пережнла чудовищный кошмар,— печальио и несколько иапыщенно говорил он.— Коммуиисты попытались устроить полнтнческнй переворот и взять власть в свон руки. С большим трудом

этот их злодейский плаи удалось сорвать, ио очистить страну от коммунистов нам ие удалось. Многих мы обезвредили, но довести оздоровленне до конца нам помешалн всякие либералы, которые в сентябре двадцать третьего года иичего не поняли и уподобились овцам, требующим амннстии для волков. Мы должиы им доказать, в какое страшное болото оии толкают Болгарию. Еслн они не опомиятся, коммуиисты уничтожат и их.

Дружиловский весь виимание.

— Теперь перейдем к содержанию документа,— продолжал болгарни.— Я думаю, вы зиаете известное «Письмо Комиитериа» английским коммуиистам. Наш документ должеи быть в этом стнле. Я думаю, вам следует кое-что записать. Будьте внимательиы, пожалуйста, то, что я вам продиктую, абсолютно точно выверено и рекомендовано авторнтетными нистанцнями Болгарии.

Он выждал, пока Дружиловскнй прнготовился записывать, н иачал диктовать:

— Первое. Москва, Комиитери, его отдел междуиародиых сиошеиий дает приказ болгарским коммунистам мобилизовать все силы для иового вооружеииого восстаиия. Это ясио? — Дружиловский кнвнул, продолжая записывать.— Второе. Срок восстання — иочь с 15 на 16 апреля. Все это в тоне прнказа... Третье. Несколько конкретиых деталей. Напрнмер... Расстрелять воеииого мниистра Гордиева н...— болгарни проднктовал еще две фамнлни, которые Дружнловскнй в своем блокиоте записал неразборчиво, и в фальшивке появятся фамнлнн Матко и Кашемиров.— Надо пристегнуть еще несколько фамилий.— Болгарии взял со стола бумагу и, заглянув в нее, продиктовал:— Руссиов... Яичев... Зотов... Пусть в тексте будут иепонятиые сокращеиия изванння, какие так любят в Москве. Ну, например, ОУН или ОНГ и так далее — сами сможете придумать. Подпнсь под документом тоже придумайте сами, ио желательио, чтобы оиа была ие русской, а какой-нибудь иностраииой.

Дружиловский кнвиул, ои решнл, что поставит подпись Дорот — пойдн поймн, какой нацнональиостн этот комиитерновец. Фамнлия эта уже давио застряла у него в памяти, а откуда взялась, ои и ие помннл.

Почти две иеделн шла работа над фальшивкой. Пришлось иесколько раз бегать в посольство и получать там дополнительиые даииые и разъясиения. Дружиловский уже поиимал, что делает очеиь важиый документ, хотя, конечио, и подумать ие мог, что эта его фальшнвка станет исторической. Фашистский правнтель Болгарин Цанков будет зачитывать ее в парламеите, ее иапечатают миогие газеты мира, и все это обериется гибелью тысяч и тысяч честиых людей, которых повесят, расстреляют, замучают в тюремиых застеиках царской Болгарин.

3 апреля Дружиловскнй прннес фальшивку. Болгарнн долго и внимательно читал документ. Дружнловский ие без виутренней дрожи ждал, не заметит ли посол допущениой им оплошиости. Дело в том, что иа эмблеме блаика стояло «отдел виешннх сношений», а в тексте — «отдел международиых сиошеннй». Но болгарии этого не заметнл.

— Могу вас поздравить,— сказал он накоиец,— Болгария иикогда ие забудет вашей заслуги перед ней.— Ои помолчал и сказал: — Завтра я уеду в Софню. Мне хотелось бы знать, имею лн я право заверить достаточно высокопоставлениых лнц, что иаши с вамн деловые контакты не смогут стать достояннем другнх.

— Никогда! — восклнкнул Дружнловский.— Все черновики уже уничтожены мною лнчно.

— А блокнот, в котором вы делалн записи здесь, у меия?

— Тоже уничтожен.

— Кто, кроме вас, посвящен в нашн дела?

— Только господь бог.

Дружнловскнй сиова расписался в ведомостн за Шидловского, получнв на этот раз 500 марок.

...Вот ои, самый высокнй взлет Дружиловского! Газеты всего мира вопили о происках Комннтерна протнв маленькой Болгарнн, взывалн к совести человечества н требовалн беспощадной борьбы с красной опасностью. Дружиловского распнрало от гордости — это сделал он!

В Парнже Совет послов велнких держав целый день обсуждал вопрос, как спастн Болгарию от смертельной опасности. Посол Англни, потрясая «директивой Комиитерна болгарским коммуннстам», предложнл немедлеино разрешнть болгарскому правнтельству увелнчнть армию. Это предложенне единогласно прннимается. У Дружнловского дух захватывает — это сделал он!

Газета немецких коммунистов «Роте фаие» каждый день сообщала о массовых казнях в Болгарии. Он читал этн сообщення с жутковатым ознобом — н это сделал он!

Зиверт сам позвоннл ему по телефону:

— Должен прнзнать — ты выдоил болгарскую корову колоссально,— как всегда, весело начал он.— Сделай вывод: когда работаешь серьезно, дело получается. Но не забыл ли ты, кто тебя направил к болгарам?

— Не забыл.

— Тогда гони двести марок!

— Сто.

— Ладно. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Заходи. Не зазнавайся.

Вот как все здорово получилось! А вокруг весна. Зацветают пахучие липы. В парках заливаются скворцы. На роскошной улице Курфюрстендам полно красивых женщин в ярких платьях и шляпках. По вечерам в парках военная музыка. И главное, все ему доступно! Все!

В эти дни о нем вспомнили американцы. Его пригласили в консульство, и Гамм заказал ему сразу несколько фальшивок. Это было для него самым убедительным подтверждением его значительности — из серого прозябания он вырвался на самостоятельную дорогу и заявил о себе всему миру.

Заказ американцев он выполнил быстро, уверенно, с подъемом. Он изготовил «Инструкцию Коминтерна своему представителю в Америке». В начале документа выражалась благодарность за успешную деятельность в пользу признания Америкой СССР и сообщалось о переводе из секретного фонда двадцати тысяч долларов на продолжение этой работы. Одновременно сообщалось, что советскому полпреду в Мексике Пестковскому Совнарком переводит на те же цели еще двадцать тысяч, а счет будет открыт в Стокгольмском банке. Далее давалось указание о «физическом устранении» Уорена, выдвигаемого Кулиджем на пост генерального прокурора. Эта акция почему-то должна была сблизить Кулиджа с сенатором Бора и смягчить возражения против признания СССР.

Другая фальшивка была «Инструкцией Коминтерна о реорганизации Американской компартии». В третьей говорилось о том, будто Коминтерн продает в Америке царские бриллианты. Американскому агенту Коминтерна предлагалось усилить контроль за этими операциями и за отчислением прибыли для подрывной работы. Эту фальшивку Дружиловский вручил берлинскому корреспонденту газеты «Нью-Йорк геральд» Чаплину-Каплану *.

Все эти фальшивки принесли Дружиловскому солидный доход в долларах, хотя ему и пришлось делиться с Гаммом, который помогал готовить тексты.

---

* Н. Н. Крошко добыл из архива Орлова записку Бельгардта по поводу этой и других фальшивок Дружиловского для Америки. В ней говорится: «С деньгами из Москвы для агентов Коминтерна в Америке — ход понятный, а остальное выглядит непонятно и даже глупо. Завязка Кулиджа, Бора и устранение Уорена похожи на ребус, который не разгадают даже в Америке. С бриллиантами — глупость. Зачем Коминтерну торговать ими в Америке, когда хитрее сбыть их в любой богатой стране (например, в Швейцарии) и переправлять в Америку уже валюту? Но он (очевидно, Дружиловский.— *В. А.*) приносил в агентство уже подготовленные тексты и никаких исправлений не допускал. Платят ему здорово. Вы зря упустили эту возможность...»

И наконец, еще одна победа — его поздравил с успехом сам грозный Перацкий и был при этом неузнаваемо ласков.

И только немцы почему-то никак не реагировали на его успех. На последней встрече Вебер был, как всегда, брезгливо-заносчив:

— Доктор Ротт приказывает вам написать подробную информацию о ваших делах с американцами. Но написать надо только правду. Вы свободны.

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 12 апреля 1925 года

«Можно считать установленным, что все фальшивки болгарского направления изготовлены Дружиловским в его агентстве «Руссина». Машинистка Соловьева подтвердила факт перепечатки ею всех этих документов на фальшивых бланках. Соучастник — Бельгардт...

«Братство» Павлова окончательно идет ко дну. На днях он сказал мне: «У нас иссякли средства, ищите себе работу». Я немедленно сообщил эту новость Орлову, и тот сказал: «Так им и надо, дохлым дворянам». Он предложил мне работу у него. Так что вся проведенная мною подготовка переориентации на Орлова сработала отлично. Орлов мне верит, говорит со мной вполне открыто. Рассказывал о том, как солидно ведет он дело, он еще раз подтвердил свою причастность в изготовлении для Англии «Письма Коминтерна» и назвал следующих соучастников: «Жемчужников, Гуманский, Бельгардт, и его завершающей инстанцией в этой работе был друг Черчилля английский шпион Сидней Рейли. Последнее он привел как образец его тактического хода, уводившего все следы дела от него в Англию и сделавшего этот документ для Англии «принципиально подлинным». Бельгардт сотрудничает с Дружиловским не для заработка — он, очевидно, ведет разведку «Руссины» для Орлова, а значит, для англичан. Возможно также, что он действует там и от немцев. О Дружиловском Орлов говорит презрительно. Сказал: «Он неизбежно попадется в капкан, как всякая голодная мышь».

Кейт».

Резолюция на донесении:
Передать Кейту:

1. Разведка дел Орлова и его связей с Лондоном — главная задача.

2. Центр разрабатывает ход, который должен укрепить его положение возле Орлова.

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТЕНОГРАММЫ ДОПРОСА С. ДРУЖИЛОВСКОГО НА ПРОЦЕССЕ В МОСКВЕ (8—12 июля 1927 г.)

Председатель Ульрих. Переходим к третьему болгарскому документу, к седьмому по счету вообще. Инструкция Болгарской коммунистической партии о вооруженном выступлении. Как этот документ составлялся, кто указывал содержание, кто технически выполнял и кому он был передан?

Подсудимый Дружиловский. Содержание этого документа состояло в том, что должен быть дан сигнал к мобилизации членов коммунистической партии, их вооружение должно было произойти в ночь с 15 на 16 апреля. А выступление должно было произойти 16-го числа по сигналу из Центра. Это было продиктовано совершенно дословно, и я совершенно дословно записал.

Председатель. Резолюция на этом документе, подписи были написаны вами, вашей рукой?

Подсудимый. Подпись «Бужанский» взята из «Руля».

Председатель. Я считаю необходимым огласить этот документ полностью.

Член суда Камерон (читает документ):

«Совершенно секретно. После выполнения уничтожить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИККИ
Изображение серпа и молота.
Центральная секция
отдела внешних сношений
№ 2960
Москва

Настоящим согласно постановлению балканской коммунистической федерации при ИККИ от 12 марта с. г. сообщаем, что сейчас же после получения сего должны войти в связь непосредственно с тов. председателем контроля нашей секции при македонском «оуена оюка тауеб», сообщив, что вышеупомянутым постановлением балканская коммунистическая федерация утвердила постановление македонского «уоена оюка тауеб» относительно приведения в исполнение приговора над Руссиновым и Гаржичем и соглашается предоставить приведение в исполнение постановления тт. Матко и Кашемирову, как испытанным работникам в оперативно-террористическом отделе.

Кроме того, согласно тому же постановлению мы должны посвятить всех находящихся в нашем непосредственном распоря-

жеиии товарищей из коитроля балкаиского центра в следующее:

1. С 15 апреля с. г. все работиики коитроля балкаиского центра объявляются мобилизоваиными.

2. Те из иих, которые оргаиизоваиы в тройках, пятерках и десятках, должиы к 12 часам дия 15 апреля с. г. сообщить товарищам, находящимся под их руководством, по списку о мобилизации и передать им приказ о распределеиии работ, предвидеииых в ииструкции ИККИ от 10 мая 1924 года за № 47001.

3. Заведующие распределительиыми оружейиыми пуиктами должиы к 1 часу дия 15 апреля с. г. подготовить выдачу амуиицни в иеобходимом для каждого районa количестве согласно требоваииям руководителей райоиа.

4. Оружие выдается иочью с 15 иа 16 апреля и должио храииться у каждого десятиика под его личиой ответствеииостью, и т. д. и т. п.

Эти распоряжеиия иужио иемедлеиио сообщить иепосредствеиио местам, пользуясь кодом АЛЗ, предписывая после изучеиия уиичтожить.

По постановлеиию Исполкома Комиитерна геиеральиый секретарь отдела междуиародиых сиошеиий

А. Дорот.

ИККИ
Изображеиие серпа и молота
Цеитральиая секция
виешиих сиошеиий
№ 2960
Москва».

На этом докумеите сделаиа следующая иадпись:

Тов. Зотову

Немедленно сообщите тов. Янчеву о приговоре, переведите инструкцию на код АЛЗ в нужном количестве отд. секр. экспорта.
Сохраиить в личиом моем архиве.

С. Бужанский.

19.III.925
Вх. № 346/а
1925. Отд. общ. КОНТ.
Отдел виешиих сиошеиий».

Прокурор Катаияи. Скажите, пожалуйста, вы виесли какие-иибудь исправлеиия... или оставили докумеит в том виде, в каком ои был... Указали вам иа иедочеты докумеита?

Подсудимый Дружиловский. Какие иедочеты?

Прокурор. Например, что есть противоречия. Вы внесли исправления или нет?

Подсудимый. Нет, не внес.

Прокурор. Значит... этот документ приняли?

Подсудимый. Да.

Прокурор. Почему тут четыре раза упомнгается дата 15 апреля?

Подсудимый. Потому что наметили на это число.

Прокурор. Значит, дата 15 апреля вам была указана... Я потом задам несколько вопросов. Но сейчас попрошу огласить документ из газеты «Болгария» № 552 — процесс о покушении в соборе св. Недели, речь прокурора по поводу взрыва Софийского собора. Довольно странное совпадение. В фальшивке говорится, что на 15—16 апреля должно быть выступление, и точно 16-го происходит взрыв Софийского собора. Причем эта дата, как устанавливает подсудимый Дружиловский, указана была ему...

(Оглашается газетное изложение речи прокурора, напечатанное в газете «Болгария» за номером 552.)

Защитник Комодов. Скажите, Дружиловский, на каком языке была написана эта фальшивка?

Подсудимый Дружиловский. На русском.

Защитник. Вы ее написали лично, от руки?

Подсудимый. Да, лично, от руки.

Защитник. Она была потом напечатана?

Подсудимый. Да, она потом была напечатана Соловьевой.

Защитник. Все эти номера — 47001, 2960 — это все ставилось вами случайно?

Подсудимый. Да, случайно...

Защитник. Теперь скажите, пожалуйста, вы не помните, когда был составлен этот документ? На штампе написано 12 марта, задолго ли до этого числа вы составляли этот документ или, наоборот, после этого числа?

Подсудимый. Точно я не могу вспомнить.

Прокурор. Вас не волновало то обстоятельство, что благодаря вашим документам были жесточайшие расправы в Болгарии?

Подсудимый. Нет, гражданин прокурор, я рассуждал таким образом: на моем месте могли бы быть другие люди из тех лиц, которые тысячами находятся за границей и которые могли быть привлечены к этому, как и я, и сделали бы то же самое, что сделал я, ту же фальшивку.

Прокурор. Совершили бы то же самое преступление?

Подсудимый. Совершили бы то же самое преступление.

. . . .

У чнтателей может вознинкнуть вопрос: неужели высокопоставленные политическне деятелн западных держав, крупные дипломаты, входившие в Совет послов, не зналн, что правнтельство Цанкова опернрует грубой фальшнвкой? На этот вопрос сейчас можно ответнть совершенно твердо: з н а л н! Это подтверждено многими вышедшимн потом в разных страиах документальнымн и мемуарными книгами. Но, может, узналн об этом позже? Нет, знали это н тогда.

Известно, напрнмер, что Вандервельде, ссылаясь на нмевшуюся у него частную информацию, утверждал, что фашистское правительство Болгарни для обосновання террора использовало сомннтельные документы, и в связи с этим предлагал предоставлеиие Болгарии креднтов обусловить требованием прекратнть террор. Ему резко возражал Чемберлен, он даже намекиул Вандервельде, что тот может быть прнвлечен к ответствеиности за клевету, но это же был тот самый Чемберлен, который утверждал, что подлннным является и «Пнсьмо Комннтерна» англнйскнм коммуннстам, хотя был прекрасно осведомлен, где н кто его изготовнл. Газета немецких коммуннстов «Роте фане» тогда же разоблачала пронсхождение фальшнвок для Болгарнн, назвала имя их автора и его адрес.

Не могли не зиать пронсхождения документов прежде всего разведкн этих государств. О немецкой и говорнть нечего — оиа зиала каждый шаг Дружиловского, Зиверта, Орлова н других. Через Орлова и других своих агентов была осведомлена обо всем разведка англнйская. По выражению Снднея Рейли, все пронсходнвшее в Берлине в тот же день лежало на ладонн британской секретной службы. Не была слепой и французская разведка. Ее представнтель Лореи, как мы знаем, пользовался услугамн Дружнловского. Зиала все и американская разведка, она тоже пользовалась услугами Дружиловского и других жуликов.

А раз знали разведкн, значит, зналн н правительства. Все знали! Но что же их заставляло делать внд, будто оии в полиом иеведеинн?

Обратимся за разъяснением этого вопроса к нсторин.

Балканскне страны уже давно привлекали к себе внимаине велнких западных держав. Еще Бнсмарк говаривал, что всякая европейская держава, готовясь в большой военный поход, должна иметь за спиной балканскнй мешок. Интерес Запада к Балканскнм странам стонл народам, населяющим этот полуостров, немалой крови. Уннстон Черчилль в своих диевниках значительное место уделяет балканской проблеме и называет ее нервной. Он прекрасно понимал, что XX век внес с эту проблему тревожное н иеуправляемое извне явлеиие — стремленне балканских народов к иациональ-

ной и государственной самостоятельности. Для устранения этой опасности империализм использовал старый свой метод — разделяй и властвуй. Задача «разделяй» решалась стандартно — между Балканскими странами то и дело вспыхивали «местные войны», закулисными организаторами которых были западные державы. Что же касается осуществления задачи «властвуй», тут дело обстояло гораздо сложнее, так как по поводу раздела сфер влияния на Балканах шла грызня уже между самими господами империалистами.

Одной из самых вожделенных для Запада Балканских стран стала Болгария. Империалистов разных мастей прельщало уже одно географическое положение этой страны, имевшей границы с Турцией, Грецией, Румынией, со странами Югославского королевства, образовавшегося после распада Австро-Венгерской империи, и морскую границу с Советской Россией.

Нельзя отказать в дальновидности германскому империализму, он еще в начале века энергично полез в Болгарию, а к тридцатым годам уже фактически имел эту страну в том самом мешке за спиной, о котором говорил Бисмарк. Во всяком случае, царем Болгарии еще в конце прошлого века стал Фердинанд Кобургский — бывший офицер австрийской армии, родным языком которого был немецкий, а в 1918 году престол занял его сын Борис — весьма послушный Германии человек. И хотя Бисмарк советовал иметь в мешке Балканы целиком, немецкий империализм расчетливо начал с Болгарии, понимая, что через Болгарию он будет иметь стратегически удобный доступ во все Балканские страны. Будущее полностью подтвердит этот расчет...

Но нас интересуют сейчас двадцатые годы. После первой мировой войны, в которой Болгария выступала на стороне Германии, следовало бы ожидать, что ее постигнет участь союзника побежденной страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, как это ни парадоксально, именно поражение способствовало тому, что Германия смогла прочно внедриться в экономику и политику этой страны.

Сразу после нашей революции 1917 года в Болгарии происходит грозный революционный взрыв. Восстали болгарские солдаты. Разъяренные тем, что их заставили воевать против России, вдохновленные нашим примером, руководимые болгарскими коммунистами, они уже приближались к Софии, цель их была более чем ясной — власть рабочих и крестьян. К солдатам повсеместно присоединялись пролетариат и все честные патриоты страны. Запад встревожился не на шутку. Всполошилась даже далекая от Болгарии Америка. Именно дипломаты США ринулись на помощь своим европейским коллегам, и буквально в двадцать четыре часа

Болгария была выведеиа из войиы, а иа подавлеиие восстаиия были брошеиы иемецкие войска.

Правители Болгарии берут курс на фашизм. В этой страие раиьше, чем в Германии, устаиавливается воеиио-фашистский режим, Цаиков может считаться предшествеиииком Гитлера.

Благоиравиый Запад взирал иа это с таким же олимпийским спокойствием, как позже ои будет взирать иа приход к власти иацистов в Германии. Более того, Запад одобрил действия болгарских фашистов. В то время болгарские газеты то и дело иа своих первых страиицах перепечатывали выдержки из статей о Болгарии, опубликоваииых в Западиой Европе и в Америке. Вот, к примеру, выдержка из аиглийской газеты «Таймс»: «Новое правительство Болгарии стоит перед иеобыкиовеиио трудиой задачей, если оио хочет удержать свою страиу от вулкаиических потрясеиий. Революциоииый дух иарода, который в иедавием прошлом помог ему в борьбе за освобождеиие от чужеземиого диктата, теперь стал опасиостью для родившегося государства, так как, сливаясь с искоииым русофильством, ои как бы автоматически переключается иа идею слепо следовать за русской революцией, что теперь иастойчиво подсказывает и сама красиая Москва».

Ну что ж, все сказаио более чем ясио.

А вот еще. На этот раз выдержка из фраицузской газеты «Таи»: «Перед моей поездкой в Болгарию иаши либералы предупреждали меия, что болгарское правительство Цаикова ие популярио в своем иароде. Теперь, после двухиедельиой поездки по этой мирио живущей страие, мие хочется задать себе, а заодио и иашим либералам один вопрос: что вообще озиачает популяриость или иепопуляриость правительства? Или, точиее, спросить так: что лучше для любой страиы — иеобычайио популяриый премьер, которому рукоплещут дамы, ио идеи которого иикто ие хочет претворять в жизнь, или же премьер, при одиом имеии которого у иервиых дам округляются глаза, ио зато в страие его слово закои? Да, если бы Цаиков стремился к традициоиио-показной популяриости, коммуиисты давио бы его повесили. В страие, где красная и русская опасиость имеет жириую почву в лице иевежествеииой массы, от правительства требуется ие популяриость, а решительиость...»

Тоже сказаио более чем ясио. Словом, Цаиков имел прямую и открытую поддержку Запада.

Что же в это время происходило в самой Болгарии?

Страна была повергиута в кровавую бездиу иеслыхаииого террора. То, что сделали Цаиков и его баида, впоследствии сможет превзойти только Гитлер со своими подручиыми. В тюремиых застеиках, иа виселицах, в подвалах охраики и прямо иа улицах

палачи Цанкова убивали тысячи и тысячи болгарских патриотов, в первую голову, конечно, коммунистов. Истреблялись все честные и мыслящие люди.

В сентябре 1923 года в стране вспыхнуло восстание. Оно было как взрыв отчаяния, оно было попыткой остановить кровопролитие и спасти нацию. Восстание было потоплено в крови. Официальный Запад аплодировал фашистскому палачу Цанкову. И вот именно в этот момент Цанков, прекрасно понимавший, что подавление восстания вызвало еще большую ненависть к нему народа, решает провести новый тур террора. Он мечтал, как сам выразился, вырвать из болгарской земли все корни, питавшие восстание. Для этого нужен был только предлог. Им становится фальшивка Дружиловского — «директива Коминтерна» болгарским коммунистам об организации нового восстания. Запад дает Цанкову свое благословение на новое чудовищное кровопролитие, делая при этом вид, будто ему неведомо, что в руках палача — грубая фальшивка. Боже мой, какое это имеет значение, когда речь идет о спасении Балкан от коммунизма! Чемберлен, настаивая на оказании помощи правительству Цанкова, прямо так и говорил: было бы катастрофой для всей Европы, если бы в Болгарии, в центре Балкан, победили коммунисты.

Вот при каких, совсем не случайных обстоятельствах аферист и жулик Дружиловский вошел в историю. Ну что ж, не он первый, не он последний.

Глава двадцать первая

В этот день Дружиловский решил не работать и провести его в свое удовольствие. Утром он вышел из дома на Пассауэрштрассе и направился к площади Виттенберга. Программа продумана на весь день и вечер. Сейчас он купит газет и потом будет не торопясь просматривать их за кофе в роскошном ресторане «Берлин», где в это время кейфуют самые богатые люди города.

Он надел недавно сшитый костюм — серый в клетку, желтые туфли с лакированными носами, в узел пестрого галстука воткнул булавку с крупным рубином. Ему казалось, что он очень красив, элегантен сегодня, и он ревниво следил за тем, как смотрят на него прохожие. Над городом во все стороны расплеснулось нежно-голубое небо, солнце, еще невысокое, выбрасывало меж домов на улицы золотые полосы.

Он вышел на площадь и остановился перед зеркальной витриной «Кауфхауз дес вестенс», любуясь радужным водопадом шелка, струившегося с плеч красавиц из папье-маше. Простоял возле

вертящихся дверей в магазин, жмурясь от вспышек солнца в непрерывно движущемся стекле. Вдоволь налюбовавшись собой в зеркале витрины, он отправился за газетами. Сделав несколько шагов к киоску, он замер на месте, окаменел. Двое пожилых немцев читали развернутую газету, и прямо в лицо ему кричал крупный заголовок:

АФЕРИСТ ДРУЖИЛОВСКИЙ И ЕГО ПРОВОКАЦИИ!!! В БОЛГАРИИ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ!!!

Эти черные восклицательные знаки пронзили его — он стоял, боясь пошевелиться и не в силах оторвать взгляд от страшных букв. Потом он разобрал название газеты — «Роте фане». Немецкие коммунисты! Ярость ослепила его — небо стало черным.

Выждав, когда немцы ушли, он боязливо огляделся по сторонам — ему казалось, что все на него смотрят. Купив газету, сунул ее в карман и пошел домой — все быстрее, почти бегом.

Сообщение в газете было коротким — всего несколько строк и без подписи. Редакция объявляла, что она располагает неопровержимыми данными, разоблачающими чудовищную провокацию против болгарских коммунистов. Нашумевшее «Письмо Коминтерна» Болгарской компартии, говорилось далее, которое рассматривалось Советом послов держав-победительниц, является фальшивкой, изготовленной в Берлине аферистом русского происхождения Дружиловским по заказу официальных лиц, представляющих в Германии болгарское правительство.

Сбивала с ног краткость и категоричность сообщения. Будь оно более пространным, в нем, может быть, оказались бы какие-то неточности, за которые можно было бы ухватиться и протестовать, а тут один только факт — прямой и голый, как штык, приставленный к груди.

Что делать?.. Что делать?.. Он метался по комнате, с ужасом поглядывая на лежавшую на столе газету. Сейчас должны прийти Бельгардт и машинистка — может, они еще ничего не знают? Он схватил газету и засунул ее в ящик стола.

Немедленно звонить в болгарское посольство! Их это касается в первую очередь! Они могут и должны что-то посоветовать!

Услышав в трубке знакомый басовитый голос, Дружиловский спросил не здороваясь:

— Вы читали?

— Кто говорит?

— Дружиловский.

— Вы у себя? Я сейчас вам позвоню.

Звонок. Он схватил трубку.

— Да, да... слушаю...

— Вы мне сейчас звонили?

— Да, да... Вы читали?

— Я уже сделал заявление для печати. Если кто-нибудь будет спрашивать вас, рекомендую отвечать, что вы красную прессу не читаете, и все.

В телефонной трубке послышались гудки отбоя.

Но все равно теперь уже легче — он, по крайней мере, знает, что говорить, если будут спрашивать. Но облегчение тут же смывает новая волна тревоги: что будет дальше?

Он снова заметался по комнате.

В дверях появился Бельгардт. Подняв над головой проклятую газету, он весело воскликнул:

— Поздравляю!

— Вы что, издеваетесь? — завизжал Дружиловский, готовый броситься на своего помощника с кулаками.

— Да вы, я вижу, не в себе и ни черта не понимаете,— Бельгардт швырнул газету на стол.— Вы получили колоссальное паблисити. Опомнитесь. О такой рекламе для вашего агентства можно было только мечтать.

Дружиловский уставился на него — что мелет, в самом деле?

— Поймите, это означает, что вас признали,— продолжал Бельгардт.— Вы серьезная опасность для красных, и они ударили в набат.

Из передней послышался звонок. Бельгардт пошел открывать, и в следующее мгновение в комнату ворвались трое незнакомых мужчин. Один из них на ходу раскрыл фотоаппарат. Они одновременно и неразборчиво назвали газеты, которые представляют. Тот, что с фотоаппаратом, подбежал к окну и раздернул гардины — ему нужен был свет.

— Кто из вас господин Дружиловский? — спросил высокий рыжий репортер.

— Не я,— сказал Бельгардт. Он отошел к окну, задернул гардины и сказал фоторепортеру: — Спрячьте вашу штуку. И быстро.

Репортер, смерив взглядом плечистого Бельгардта, послушно закрыл аппарат. Два других атаковали Дружиловского, который стоял, вжав голову в плечи, его глаза злобно блестели, как у затравленного зверька.

— Вы читали, что написано в «Роте фане»?

— Я не читаю газет красной сволочи.

— Они заявляют, что вы изготовили фальшивые директивы Коминтерна по заказу болгарского правительства. Вы хотите это опровергнуть?

— Нет.

— Зиачит, вы это подтверждаете?

— Нет.

— Позвольте, господа,— вмешался Бельгардт.— Вы ведете себя по меньшей мере страино. Допустнм, я публнчно обвиннл бы вас, что вы, все трое,— гомосексуалнсты. К вам прнбегут репортеры н спросят: вы хотите опровергнуть это обвинеине? Как вы поступнте?

Газетчики засмеялнсь.

— Ничего смешиого,— продолжал Бельгардт.— Коммунисты опублнковали в своем грязном лнстке клеветническое обвииение протнв господина Дружиловского, а вы, представителн солидных газет, вместо того чтобы ианести удар по коммуиистам, собралнсь им помочь. Вы извнинте, но я хотел бы получить вашн внзитные карточки.

— У нас иет карточек,— ответнл однн.

— Должиы быть,— повыснл голос Бельгардт, подходя к репортерам вплотную.

— Пошлн отсюда! — скомаидовал рыжий и уже от дверей крикнул: — Это у вас надо требовать документы!

Хлопиула дверь. Тншина.

— Спасибо,— тихо пронзнес Дружиловский.

— А вы, Сергей Мнхайловнч, совсем не боец и легко впадаете в маразм. Извнните, конечно. Надо драться, Сергей Мнхайлович. Раз мы ведем борьбу за серьезные целн, мы обязаны уметь драться.

Дружиловский молчал.

На другой день должиа была состояться предусмотренная расписаннем встреча Дружнловского с Вебером. Ои очень боялся этой встречн, хотя н иадеялся на поддержку немцев. Но утром позвоиил Вебер.

— Сегодня не приходнте,— сказал он сухо.— О следующей встрече вы будете извещены заблаговремеиио.

— Посоветуйте мне...— быстро иачал Дружиловский, ио услышал сигналы отбоя.

Страшио — до озиоба. Но раз говорят о следующей встрече, значнт, ие все еще потеряно.

Он позвоннл Зиверту. Кто-то из сотрудников сообщил, что тот иа десять дней уехал из Берлниа. Звоинть полякам он не решался — зачем лезть иа рожон?

Он заплатил машииистке жалованье за две неделн вперед и разрешнл ей не приходнть в агентство, пока ои ее ие вызовет. А Бельгардт и сам перестал появляться.

Целыми днями Дружиловский не выходил из дому. И только когда темнело, предварительно оглядев улицу, он торопливо шел в дешевенький ресторан поблизости. С каждым новым прожитым днем он все увереннней говорил себе: «Ничего, время все излечит».

В это время в его дневнике одна за другой появляются две записи. Первая сделана на вершине его успеха:

«Да, не прямая была моя дорога, но все же она вывела меня на вершину, где делается большая политика, и отсюда мне виден весь мир с его подноготной, и я ощущаю ветер истории.

Конечно, Болгария это еще не Америка, но знают меня и в Америке, так что шаг туда я уже сделал, и, может, именно там меня ждет вторая моя вершина. Душой чую, что там я мог бы развернуться... Что же касается Болгарии, то в ее историю я вошел и занял там свое место, и будьте любезны, господа, с этим считаться. Как говорится, из песни слова не выкинешь... Хорошо бы никогда-нибудь съездить в Болгарию... Приятно будет, черт возьми, самому посмотреть на пожарище от бомбы, которую я сделал. Люди там будут видеть меня, и им в голову не придет, что этот красивый, элегантно одетый молодой человек вместе с их правителями и самим царем делал историю их страны. Но это лирика, или, как выражается Зиверт, розовые сопли. А главное теперь — не промахнуться дальше. Но надо думать, что доктор Ротт и все прочие поняли теперь, на что я способен, и найдут для меня достойные, большие дела...»

И вторая запись:

«Неужели все испугались выступления газетки трижды проклятых коммунистов и делают вид, будто они меня и знать не знают? Не может этого быть! Я же помню, как доктор Ротт однажды пошутил, что считаться с коммунистами означало бы, стоя на голове, делать все наоборот... Но, может, просто всем надо выждать какое-то время?

...А состояние ужасное, страшно выйти на улицу, все время кажется, что кто-то невидимый держит меня на мушке и сейчас грянет выстрел, которого я уже не услышу. От коммунистов можно ждать всего... Но может, мой страх только с непривычки? Ведь все большие политики однажды попадают в мое положение, и о них печатают грозные статьи, а с них как с гуся вода. Ну другой раз кто-то лишится министерского портфеля, но рожа его все равно мелькает в газетах, и у него берут интервью... Может, я тут сижу, забившись, как в норе, в своей квартире, а меня в это время ищут, ждут? Но раньше-то, когда я был нужным, меня находили, а теперь мой телефон молчит вторую неделю, никто не приходит, почтовый

ящик пустой. И это же дикость, если вспомнить, что я сделал для большой политики, для священной войны с проклятыми коммунистами.

Но, может, я сам веду себя неправильно и, забыв о том, что политика есть шлюха, жду от нее благородства, когда мне надо стукнуть кулаком по столу? А то что получается? Я взошел на гору и вдруг стал бояться высоты, когда надо идти выше и выше. А ну-ка, господин Дружиловский, возьмем себя в руки...»

Ничего он не понимал, этот господин Дружиловский. А все было просто — наймиты его ранга никогда большой и длительной карьеры не имели.

Бывший руководитель немецкой разведки полковник Николаи, который славился умением организовывать всяческие политические провокации, в том числе и провокацию первой мировой войны, писал: «Без услуг подобных исполнителей обойтись почти невозможно, исходя из элементарного морального принципа не вовлекать людей своей нации и своего круга в дела, сопряженные с риском в случае неудачи выглядеть непрезентабельно в глазах общества... Хирург разрезает человека скальпелем, и мы тоже для особых дел находим такой скальпель, который потом можно надежно спрятать или выбросить. Лучше — выбросить, помня, что чем значительней была операция, тем радикальней следует потом поступить. Одним из важнейших условий успеха является не держать долго в руках один и тот же скальпель. Многие известные скандалы случались только потому, что после успешной операции фетишизировался не хирург, а скальпель». Приведя несколько поучительных на этот счет примеров из истории, полковник Николаи заключал: «Чем эффективнее было дело, к которому был привлечен исполнитель извне, тем радикальнее нужно поступить с исполнителем, это приведет к конфликту только с одним человеком, а иначе может возникнуть конфликт со всем обществом».

Доктор Ротт в отношении Дружиловского решил последовать именно этому совету, но с некоторым опасным для него запозданием, что мешало ему быть решительным до конца. Но он все же приказал выбросить скальпель.

Одновременно решили принять свои меры и поляки, которые боялись, что всплывет связь Дружиловского с дефензивой. Они, конечно, учитывали, что в данной ситуации немцы защищать Дружиловского не будут. Пожалуй, наоборот. План у них был такой: дискредитировать Дружиловского в глазах немцев, добиться, чтобы они или сами расправились с ним, или выслали его из Германии. А в других местах покончить с ним будет легче.

Очень нервничал и господин Цанков в Софии. Болгарская разведка получила приказ ликвидировать Дружиловского — других способов Цанков не знал.

А Дружиловский продолжал отсиживаться дома в ожидании, когда его снова позовут к большим делам.

Раздался телефонный звонок. Дружиловский долго не подходил к телефону — боялся, а телефон все звонил, звонил, и тогда он осторожно взял трубку.

Сразу узнав скрипучий голос Перацкого, он замер в предчувствии беды, но то, что он услышал, было поразительно — он не представлял себе, что этот злобный поляк может быть таким вежливым и даже душевным — его спрашивали о здоровье и не нуждается ли он в деньгах, а в заключение попросили о свидании. Именно попросили.

На другой день они встретились.

— Приветствую героя дня,— сказал Перацкий, пожимая руку Дружиловскому и со злорадством глядя на его мятое, серое лицо.— Мы гордимся вами. Вы так сумели насолить коммунистам, что они взвыли. Это удается не каждому. Я лично просто завидую вам.

— Это были все-таки неприятные дни,— скромно сознался Дружиловский. Он не очень-то верил в искренность поляка.

— Почему неприятные? — удивился Перацкий.— Мы всегда должны быть готовы к встречным выпадам врагов и на каждый отвечать тремя ударами — такова логика борьбы, если хочешь победить. Мы как раз хотим предоставить вам возможность нанести ответный удар именно по немецким коммунистам.

Эту операцию польская разведка поручила своему резиденту в Берлине доктору Ретнигеру, о существовании которого подпоручик до сих пор не знал. Когда Перацкий сказал ему, что необходимо связаться с этим человеком, он насторожился:

— Кто это такой?

— Наш с вами коллега,— ответил Перацкий.

В тот же день Дружиловский позвонил Ретингеру по телефону, и тот назначил встречу в восемь часов вечера в ресторане «Кенигсберг». Дружиловский должен был ждать в вестибюле.

Была суббота. В ресторане уже было много народу. Дружиловский из вестибюля наблюдал, как метрдотель во фраке с белой гвоздикой в петлице юлил перед гостями. Он вдруг увидел себя в зеркале и устыдился своего мятого костюма — не догадался приодеться. Но он беспокоился напрасно. Высокий, стройный седой человек в легком летнем пальто, с соломенной шляпой в руке

(так ему и описывали доктора Ретнигера) подошел и пригласил идти за ним.

Они направились вдоль набережной, потом по мосту перешли на другую сторону канала и там зашли в маленькую гостиницу. Поднялись на второй этаж, и в самом конце сумрачного коридора Ретнигер, вынув ключ, отпер дверь.

— Прошу, пан Дружиловский,— сказал он, пропуская вперед подпоручика.— Апартаменты, прямо скажем, не королевские, но, увы, надо экономить деньги нашей бедной Польши.

В комнате был только один стул, Дружиловскому пришлось сесть на застеленную кровать.

Ретнигер улыбнулся.

— Пан Перацкий сказал, что последнее время вы работали удачно, это вынужден был признать даже главный наш недруг Братковский.

— Его мнение меня не волнует,— сквозь зубы сказал Дружиловский.

— О, да, конечно, личные отношения в нашей работе не должны играть никакой роли,— согласился Ретнигер.

Дружиловский с достоинством чуть наклонил голову. Было у него такое свойство: когда с ним говорили грубо, он становился робким, если же разговаривали по-человечески, то быстро наглел.

— Вы читали в газетах о крушении поезда в Данцигском коридоре? — спросил Ретнигер.

— Читал, конечно.

— Надо сделать об этом документ. Как сделать, вы знаете лучше меня, но смысл должен быть такой: крушение организовали коммунисты в сговоре с немецкими правыми националистами. Это понятно?

— Элементарно.

— Но чтобы все в документе было достоверно, вам надо проконсультироваться у господина Бенстеда. Вы ведь с ним знакомы? Вот и прекрасно. Он это крушение знает во всех подробностях. И что особенно важно, знает все технические обстоятельства. Господин Бенстед сейчас проживает в отеле «Алжир», и он предупрежден о нашем деле.

Дружиловский набросал дома черновик фальшивки и отправился к Бенстеду. «Ничего, ничего,— подбадривал он себя,— кажется, поезд снова тронулся».

Бенстеда он узнал не сразу. Старый данцигский знакомый был без бороды и от этого выглядел значительно моложе.

— Что же это, господин Дружиловский, с моей легкой руки вы начали большую карьеру, а теперь не узнаете? Как быстро заносятся удачливые люди,— с веселой укоризной сказал Бенстед.—

А между тем, когда вы ворвались в мою контору в Данциге, я в ту же минуту понял, что на вас можно ставить. У вас в глазах была такая решимость, что я сказал себе: этот человек, если нужно, проломит каменную стену, а такие люди встречаются, увы, не часто.

Дружиловский слушал настороженно и незаметно следил за Бенстедом. Самое подозрительное было то, что в Данциге Бенстед был врагом дефензивы, а сейчас действовал заодно с ней.

— Судьба распорядилась так, что теперь и вы и я снова помогаем Польше,— сказал Бенстед.— Впрочем, дело не в судьбе, а в трезвом отношении к политике. Наверно, вы, как и я, поняли, что Польша сейчас занимает самую энергичную позицию в борьбе с большевиками. А то, что где-то там есть ненавистный нам с вами Братковский, это уже вопрос чисто личного свойства. Не так ли?

Дружиловский промолчал.

— Давайте займемся делом,— предложил Бенстед.

Они сели за стол.

— Нет, нет, с правыми националистами все не так просто, как вы думаете,— сказал Бенстед, прочитав «болванку», приготовленную Дружиловским.

— Я сделал, как сказал Ретингер,— пояснил подпоручик.

— Значит, и он не понял, в чем тонкость нашего хода,— продолжал Бенстед.— Надо сделать так: крушение организовали не коммунисты, а правые националисты. Но для этого они поручили нескольким своим людям пролезть в коммунистическую партию, а потом уже, под видом коммунистов, произвели крушение.

— Зачем же выводить из-под удара коммунистов?

— Во-первых, так или иначе они окажутся под ударом, во-вторых, всегда все валят на коммунистов, и это так надоело, что никто не верит. В общем, давайте набросаем черновик.

Польская разведка все рассчитала точно.

После полуночи Дружиловский ушел от Бенстеда с окончательно отработанным черновиком фальшивки. С утра он сел за ее изготовление, а около трех часов дня, когда большую часть текста он уже перенес на бланк, явилась полиция, и Дружиловский был арестован. Черновик фальшивки был предъявлен ему как улика в том, что он собирался спровоцировать в Германии внутренние политические беспорядки. Объявили, что суд над ним состоится через два месяца.

Дружиловского посадили в одиночку.

Все было проделано так быстро, что у него минуты не было подумать о происходящем. Только теперь, в тюрьме, он восстановил в памяти эти последние дни и все понял. Это поляки. Все началось с телефонного звонка трижды проклятого Перацкого. Он не пони-

мал толком всех тонкостей своего последнего «документа». Он, как всегда, делал то, что ему говорили, и был уверен, что документ так или иначе направлен против немецких коммунистов. Но тогда почему немцы за этот документ посадили его в тюрьму и собираются судить?

Проходили дни, на допросы его не вызывали, и он уже решил, что в его дело вмешался Зиверт. Все свои надежды Дружиловский связывал только с ним.

Зиверт о нем действительно помнил. Он спросил у доктора Ротта: не следует ли как-то дать знать Дружиловскому, чтобы он ни при каких обстоятельствах не упоминал ни одного немецкого имени? Задавая этот вопрос, Зиверт больше всего опасался за себя.

— Что он будет говорить следователям полицей-президиума, не имеет абсолютно никакого значения, с ним вообще не будут разговаривать,— ответил доктор Ротт, брезгливо сморщив свое белое анемичное лицо.— Этот человек вообще не существует, и нечего о нем думать.

Зиверт успокоился. Но случилось непредвиденное. Однажды в его кабинет вошел рослый мужчина в английском френче и лакированных желтых крагах. У Зиверта был звериный нюх на людей. По тому, как независимо этот человек держался, как он привычным легким движением вынул из кармана визитную карточку и положил ее на стол, Зиверт сразу понял, что к нему явился человек сильный, а значит, и опасный. Прочитав фамилию, он напряг все свое внимание, весь свой изворотливый ум. Это был Бризоль — известный русский богач, теперь живущий в Америке и работающий там у всесильного Генри Форда.

— У меня к вам серьезное дело,— не тратя времени попусту, сразу начал Бризоль, но Зиверт остановил его:

— Прошу понять меня правильно...— замялся он,— у вас есть еще какой-нибудь документ?

Бризоль понимающе улыбнулся и положил перед ним свой американский паспорт.

— Прошу извинить,— сухо сказал Зиверт, возвращая ему паспорт.

— Вас оправдывает русская пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься...» — с усмешкой произнес Бризоль и начал рассказывать о своем деле.

В Америке произошел шумный инцидент между Фордом и американским журналистом Германом Бернштейном, который обвинил автомобильного короля в клевете и предъявил иск на очень крупную сумму. Форду нужны документы, подтверждающие его правоту. Нельзя ли добыть документ, доказывающий, что Бернштейн для своих выступлений против Форда пользовался данными,

которымн его снабдилн агенты Коминтерна и американские коммунисты?

— Это будет стоить очень дорого,— сказал Зиверт. Он мгновенно оценил ситуацию — с Фордом шутить нельзя, дело не из легких, но деньги можно огрести такие, что стоило потрудиться.

— Когда речь заходит о чести имени, Форд денег не жалеет, и давайте не будем говорить об этой стороне дела. Нас интересует только результат. Но во всех его аспектах. Во всех,— подчеркнул Бризоль.

Зиверт понимающе склонил голову, его живое смуглое лицо сковало выражение глубокой сосредоточенности.

— Из всех аспектов я выделяю два главных,— неторопливо начал он.— Первый — проучить газетчика, поднявшего руку на Форда. Второй — чтобы после операции не было...— Он запнулся и закончил с мимолетной улыбкой: — Чтоб не было никакого дыма.

— Совершенно верно,— согласился Бризоль, подумав, что такого типа, как его собеседник, не мешало бы Форду иметь при себе постоянно.

— Однако обеспечить второй аспект в условиях Америки крайне трудно,— продолжал Зиверт.— Мистер Форд — фигура, все, что связано с ним,— сенсация, и понятно любопытство газетчиков. А эта публика может найти труп там, где его и не было.

— Именно. Мистер Форд тоже говорил об этом.

— Я рад быть его единомышленником,— усмехнулся Зиверт.— Но это только усиливает мое беспокойство.

— Вы отказываетесь?

— Нет,— твердо ответил Зиверт.— Но я обязан именно этот аспект тщательно продумать.

— Когда мне зайти? — спросил Бризоль, вставая.

— Завтра в это же время.

На другой день у Зиверта уже был готов план действий.

— По-моему, я нашел решение... У меня есть человек, который может это сделать, и всякий дым при этом будет исключен. Но этот человек сейчас сидит в немецкой тюрьме.

— Начало мне не нравится,— сказал Бризоль.

— Нас же интересует не начало, а конечный результат. Не так ли? — оживленно продолжал Зиверт.— Этот человек известен как владелец информационного агентства, занимавшегося делами Коминтерна. Его услугами пользовались и ваши газетчики. Им можно будет в случае чего об этом напомнить. Словом, информированность этого человека в делах Коминтерна вне сомнения. А сделав все, что требуется для вас, этот человек исчезнет.

— Совсем? — быстро спроснл Бризоль.

— Нет, это было бы иеосторожным шагом, нсчезиовение в данной. ситуации немедлеино вызовет подозрение.

— Но газетчнки вездесущн,— сказал Бризоль.

— Этот человек будет знать, что свободу н жизиь он получит за то, что стаиет иемым. Я хорошо его знаю, ои будет образцовым немым.

Бризоль долго думал, перебнрая вынутые нз кармана четкн.

— А все остальные щели? — спросил ои накоиец.

— Щель еще только одна,— ответнл Зиверт.— Берлииский полицей-презнднум. Но там есть достаточно солндиый человек, ои все, что иужно, сделает и тоже будет немым по причииам, которые объяснять нет надобиости.

— Я бы хотел иметь дело только с вами.

— Со миой н с тем человеком в тюрьме. Все остальиое я беру иа себя.

Теперь они заговорнли о гонораре, и иадо думать, что эта операция стоила Геири Форду немало.

Подготовка заняла больше иеделн.

Дружнловскнй по-прежнему сидел в одниочке, ожидая суда, на котором собирался доказывать, что ои иепримиримый борец протнв коммуиизма.

В это утро ои, лежа иа жесткой койке, репетировал свою речь на суде. Лязгнул запор, ржаво проскрипела дверь, и в камеру зашел иезиакомый господии в ворсистом пальто и большой клетчатой кепке.

Дружиловский свесил иоги с койки, удивленно глядя иа него.

— Я, с вашего разрешения, сяду,— не здороваясь, сказал иезнакомец на хорошем русском языке. Он сел на табуретку и, выиув портснгар, протяиул Дружиловскому:— Прошу.

— Спасибо, ие курю,— хрипло ответнл Дружиловскнй, хотя он чертовски хотел глотиуть табачиого дыма.

По камере поплыл прнятный аромат дорогого табака. Оглядевшись, иезнакомец сказал:

— Тюрьма — это все-такн тюрьма, даже еслн она немецкая.— Он помолчал.— Моя фамнлия Бризоль. Не слышали?

— Почему не слышал? Я зиаю вас,— ответнл Дружиловскнй.— Только я думал, что вы в Америке.

— В даииое время я здесь,— сказал Брнзоль.— Но дело у меня к вам все же амернканское, и направил меня господин Зиверт, который кланяется вам.

Затем Бризоль сообщил, что ему нужио.

— Разве господин Зиверт не понимает, что, сидя здесь, я ничего не могу? — спросил Дружиловский.

— Понимает. И мы поступим так,— продолжал Бризоль.— Вы здесь, в камере, под присягой дадите свидетельские показания, что те документы, которыми оперировал Бернштейн, вы однажды видели у известного вам агента Коминтерна.

— Согласен,— ответил он.

«Ясно! Зиверт протягивает руку помощи»,— пронеслось в его голове.

— Однако будет выглядеть странно, что я даю какие-то показания, сидя в тюрьме.

— Я получу от немцев справку, что вас попросту спрятали в тюрьме от мести коммунистов,— сказал Бризоль.

Дружиловский выжидательно молчал.

— Платой будет ваша свобода. Замечу, это будет стоить недешево.

Дружиловский сделал все, как ему было сказано,— под присягой и даже в присутствии православного священника дал необходимые показания.

Прощаясь с ним, Бризоль сказал:

— Оплата вашей работы произойдет неукоснительно и в самое ближайшее время.

Но прошло еще две недели, а свободой не пахло, и уже был назначен день суда — 3 ноября. Он решил, что его снова обманули, и, когда его везли в суд, чувствовал себя преданным всеми, кому он верно служил. Но нет, он так просто на колени не станет! Он будет ожесточенно бороться и на суде не пощадит никого!

Весь его запал пропал даром. Судебного разбирательства не было. Ему сразу объявили приговор. Время, проведенное им в тюрьме, определялось как наказание. Ему было предписано в сорок восемь часов покинуть Германию. Дружиловский подписал обязательство через два дня явиться в полицей-президиум для получения выездных документов, и его отпустили.

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 14 мая 1925 года

«Все завершилось тем, что 24 апреля с. г. газета «Роте фане» выступила с разоблачением болгарских фальшивок Дружиловского. Опубликованное местной печатью опровержение болгарского посла выглядело беспомощно — голое отрицание плюс злость. Немцы Дружиловского от греха подальше убрали, посадили его в тюрьму за какую-то фальшивку о крушении поезда в Данцигском коридоре. Когда будет суд, неизвестно, он уже откладывался два раза, а печать по этому поводу больше ничего не сообщает. Так или иначе агентство «Руссина» перестало сущест-

вовать. Деятельность группы Орлова продолжается, и весьма активно, я делаю здесь все, что могу, надеюсь, что через пару месяцев мы нанесем удар и сюда.

Кейт».

Резолюция на донесении:

Передайте Кейту:

1. Необходимо до конца проследить судьбу Дружиловского.

2. По Орлову необходимы прежде всего документы — улики.

Глава двадцать вторая

Дружиловский вышел из здания суда иа улицу, н в лицо ему ударил холодиый ветер. Был тот утреиний час, когда служивый Берлии уже приступил к работе, а праздиый мог еще поваляться в постели, и улица была безлюдна. Ветер гиал по ией сиежиую поземку, оиа хлестала по иогам. Гремя и позваиивая, катились трамваи, с ревом и фыркаиьем проиосились автомобили, ои смотрел иа все это отрешеиио — Берлии отказался от иего. В шуме улицы ему слышалнсь беспощадиые слова: «в сорок восемь часов...», «в сорок восемь часов...». И когда полицейскнй на перекрестке вдруг уставился иа иего, ои иепроизвольио ускорил шаг.

Ои быстро устал, иачал задыхаться, его терзал иестерпимый холод. На ием было легкое пальто и светлая летияя шляпа. Редкие прохожие посматривали иа иего удивлеиио, подозрительно. От созиания, что ои растоптаи и обречеи иа уинжение, комок подкатил к горлу и защипало в глазах. Ои заплакал.

Пожилая жеищниа протяиула ему иа ладони медиые моиеты.

— Что вам иадо? — отшатиулся ои.

— Я хотела... вам помочь...— смутилась женщиииа и торопливо пошла прочь.

Немедлеиио к Зиверту. Вот кто еще может его спастн. Только ои! Все остальиые — продажные шкуры, оии и от чужой беды норовят барыш получить. Зиверт, и никто другой, помог ему вырваться из тюрьмы. Ои поможет ему и сейчас.

Ои долго звонил в заветиую дверь. Уже решил, что Зиверта иет дома, и все-такн звоиил, звоиил.

Сердито щелкиул замок, и дверь прноткрылась. Зиверт в накниутом на плечи халате смотрел иа иего опухшими, иепоиимающимн глазамн. Дружиловский протисиулся в дверь.

— Извииите... иа два слова...

— Господи боже мой,— взмолился Зиверт.— А еще раиьше ты ие мог? Я работал до пяти утра, у меия голова трещит.— На самом деле ои ждал его появлеиия, только думал, что в суде его продержат дольше.

— Умоляю...— задыхался Дружиловский.

Оии прошли в кабииет. Зиверт плюхиулся в глубокое кресло.

— Ну что? — спросил ои, мучительио морщась и кутаясь в халат.

— Я хочу вас поблагодарить.

— За что? — подиял брови Зиверт.

— За помощь. Господии Бризоль... Когда ои передал мие привет от вас, я все поиял. Спасибо.

— Погоди-ка, погоди-ка, что за чушь ты мелешь? — Зиверт выдвииулся всем телом.— Что это еще за Бризоль? Какие приветы? Уж ие рехиулся ли ты, соколик?

Дружиловский иа мгиовеиие оторопел, ио сразу сообразил, что Зиверт ие хочет об этом говорить.

— Я поиимаю,— тихо сказал ои, предаиио смотря в глаза друга.— А мие приказаио в сорок восемь часов покииуть Германию.

— Вариаит для тебя совсем ие худший,— вдруг ясио и жестко произиес Зиверт и снова утопил в кресле свое легкое тело.— Едииствеиное, что могу тебе посоветовать,— не ждать все эти сорок восемь часов. Удивляешься? Бог мой, иеужели ты действительио иичего ие поиимаешь? Ты что — дурак или ребеиок? Болтаешься по городу, когда тебя сейчас иа каждом углу караулят, чтобы выпустить из тебя дух.

— Да кому я иужеи? Я и так кончеиый,— уныло сказал ои.

— Ну так я тебе объясню,— Зиверт повериулся в кресле так, что халат распахиулся, открыв заросшую рыжими волосами грудь. Ои поправил халат и сказал: — И для поляков, и тем более для болгар ты будешь коичеиым только тогда, когда стаиешь покойииком и ие сможешь ии вспомииать, ии чесать языком. Не собирался ли ты, идиот, побежать к иим за помощью? Да, может, иемцы только для того и дали тебе сорок восемь часов, чтобы облегчить эту операцию.

Дружиловский смотрел иа Зиверта расширеииыми от страха глазами. Только теперь ои понял! Раиьше ему это и в голову ие пришло.

— Ну, что вытаращился, дитя иепорочиое? — спросил Зиверт. По-тюремиому остриженный, безусый и точио усохший, Дружиловский был жалок. Но Зиверт, смотря иа иего, думал со злостью, что этот облезший хорек опасеи для иего.

— Куда тебя высылают? — спроснл ои, прекрасно зная, что Дружиловского отправят в Эстонию.

— Не сказали.

— А ты бы спроснл. Может, онн предложат Париж? — ехндно сказал Зиверт, оскалнв белые зубы.— Даю тебе последний совет — просись в Ревель к жеие н там, возле нее, затнхии года на трн самое меиьшее. Будто тебя нет и ннкогда не было. Заннмайся чем угодно — чисти ботиики, разводн пчел, разиосн почту — что хочешь, но чтоб тебя не было вндно и слышио. А ииаче ты в два счета схлопочешь пулю в затылок н три строчкн в уголовной хроннке. И учти — пугать тебя попусту мне незачем. Я, к сожалеиию, чувствую какую-то дурацкую ответственность за тебя н ие хочу, чтобы ты кончил как бездомная собака. Чем черт не шутит, может, придет час, и я тебя еще свистну.

— Я все сделаю, как вы говорнте,— покорно произнес Дружнловский.

— Деиьгн есть?

— Немного.

— Не врн, ты последиее время хапал обенми руками. Не бойся, взаймы ие попрошу. Еще один совет. Ты прнпомнн — как только ты начииал сорнть деньгами, немедленно попадал в дерьмо. Так вот — жнвн это время так, будто денег у тебя нет. Деньги всегда деньги, н, когда тучн пройдут, оии помогут тебе быстро встать на иогн. А теперь сыпь от меня н, пока я сам не иапомню, забудь мой адрес и мое нмя. Понял?

— Да, да. Но я инкогда ие забуду, что вы для меня сделали,— торопливо сказал Дружнловскнй.

Зиверт вскочнл из кресла и протянул ему руку.

— Всего, соколнк. И не корн судьбу. В нашем деле такое нензбежио, и еслн ты умел делать большне дела, умей осилить и большие неприятностн. Желаю успеха.

Дружнловский вышел на улицу, и его охватил дикнй страх. Каждый встречный казался ему опасиым, завидя, что впереди кто-то стонт, поворачивал обратио.

Дома он взял деньги, дневннк, сложил в чемоданчнк самое необходимое н отправнлся в полнцей-презндиум.

Прождал в прнемиой около трех часов, но зато там чувствовал себя в полной безопасиостн.

Наконец его провели в узкую длнннную комиату с зарешеченным окиом, через которое вндиелось серое небо.

— Ну что собираетесь делать? — спроснл упитаниый розовощекнй чииовник в черном полнцейском муидире.

— Я хочу уехать в Эстоиию, там у меня жена.

— Эстлаидия? — переспроснл чиновник и, заглянув в какие-

то бумаги, кнвиул: — Можно. И мы даднм вам такой докумеит, иа основаиии которого вы можете получить там местный паспорт, а может быть, даже н нансеновский. И вам везет, через два-трн дня в Гамбурге будет эстоиский пароход.

Вечером Дружиловскнй сел в гамбургскнй поезд. Целый час прятался в закоулках вокзала, н, когда до отхода поезда оставалось пять мииут, ои, подияв воротник и надвниув на глаза шляпу, быстро прошел к своему вагоиу.

Описывать все, что с Дружиловским произошло после того, как он покниул Берлни, не вызывается иеобходимостью и не представляет для нас интереса. Он сам вел хроннку своего движеиия по каналнзацноиной трубе, и мы воспользуемся его записиой кинжкой:

«14 января. Запнсываю на пароходе «Саарема». Немцы под заиавес опять меня обманули — по нх бумажке меня иа пароход не брали, пришлось за 300 марок купнть шведский паспорт иа имя какого-то Ннльса Свенсона, к иему приладили мою фотографню. Помогли в этом встреченные миою в Гамбурге зиакомые мие по службе у Юдеинча жаидармский полковинк Н. П. Нейман и К. И. Гетцен. Спасибо им, коиечио, ио содрали онн с меия, сволочн, многовато.

Море неспокойно, и на душе у меия тоже. И все же получше, чем в Германнн, где я действительно каждую минуту мог получнть пулю в затылок. Хорошо еще, что Знверт предупредил меия н я был последиие дин иачеку. Будь оин прокляты, все, кого я счнтал своими соратниками по большой политнке. Кроме Зиверта, все сволочи и волкн. Но я еще поднимусь, урок даром мие не пройдет, и берегнтесь, гады! Я буду жить и действовать по вашему же волчьему закоиу. Вы еще услышите обо мие, пусть только пройдет срок моей тихой, безвестной жизни».

Следующую запнсь в дневиике он сделал спустя год с лишним — 27 февраля 1926 года, иаходясь уже в Риге:

«Все, что случилось со мной в Ревеле, это сплошной кошмар. Юла не пустила в дом, через дверь сказала, что замужем и чтобы я, пока цел, убирался куда подальше. Но мало этого, она, гадиаа, просигналила в охранку, н еще иочью меия взяли из гостиииицы. Оии добивались, зачем я приехал в нх Эстонию. Когда я говорил, что прнехал, чтобы жить семейиой жизиью, оии ржали так, что все стало ясио. Спасибо, Юлочка, мы н этого ие забудем. Стали бить и опять то же — зачем приехал? Тогда я, чтобы отвлечь их от своей персоиы, выдал нм балаиду, будто мие точио известно, что иа диях в Эстонию прибыл очень важный агеит Комиитерна,

по паспорту Нильс Свеисон. Ход был точиый — меия же по этому паспорту зарегистрировали их пограиичиики, а я тот паспорт, как только сошел иа берег, как требовали Неймаи и Гетцеи, уиичтожил, оставшись при иемецком аусвейсе. Почти два месяца оии меия ие беспокоили, все искали агеита Комиитериа, а потом все же смикитили, а где же регистрация прибытия моей персоиы, и поияли, что по тому шведскому паспорту прибыл я. И опять взялись за меия, и опять били, ио я ие мог сказать им ии правды, ии иичего ие мог толкового выдумать. Тогда оии, еще придержав меия в тюрьме до самой зимы, сделали иеожидаииый ход — завербовали меия в свою вшивую разведку и после подготовки забросили в Латвию. И даже паспорт мие сваргаиили. Идиоты! Я завет Зиверта выполию и в Риге лезть иа рожои не собираюсь. Меж тем год моей безвестиости уже миiовал».

ИЗ БЕРЛИНА В ЦЕНТР. 19 января 1925 года

«Берлинский полицей-президиум опубликовал краткое сообщение о том, что русский эмигрант Дружиловский, нарушивший установленные для эмигрантов правила проживания в Германии, решением суда выслан за пределы страны. Куда выслан, не сообщается, и установить это не удается. На мое предположение, не выехал ли он в страну своей наибольшей удачи — Болгарию, Орлов сказал: «Болгарам ввозить к себе этот смердящий труп втройне опасно, Дружиловский просто кончился, забудьте о нем, как о битой карте.

Кейт».

Глава двадцать третья

Выписка из регистрациоииой кииги цеитральиого полицейского управлеиия города Риги от 22.2.1926 г.

«Фамилия, имя — Дружиловский Сергей.
Национальиость — русский.
Откуда прибыл — из Ревеля.
Цель приезда — времеииое проживаиие иа личиые средства.
Документ — паспорт № 111371, выдаииый в Ревеле 10.IV.1925 г.
Примечание — с положеиием о проживаиии в Латвии лиц иелатвийского поддаиства озиакомлен...»

Итак, ои выиыриул в Риге. Поселился в дешевой гостииице иа Суворовской улице и вел себя очеиь скромио. Ходил в шоферской

кожаной куртке, в бриджах и ботинках с гетрами. Однако он не стал, как ему советовал Зиверт, ни чистильщиком обуви, ни почтальоном. Не стал и шофером. Деньги у него еще были. Две странички в его записной книжке заполнены колонками цифр — очевидно, он производил пересчет своих марок на латвийские деньги. Ниже обведена кружком, надо думать, общая сумма. Потом он эту сумму делит несколько раз, ставя в делитель разные цифры, определяющие его месячный бюджет. Остановился на сумме 150. Кружком обведен окончательный итог — 14 месяцев. Сбоку — восклицательный знак.

Уже пахло весной — подступал март 1926 года... Позавтракав в гостинице бутербродами с чаем, он уходил в город, бродил по его тихим, спокойным улицам, по вечерам смотрел новые фильмы в маленьком кинотеатре рядом с гостиницей. Брился дома сам, а раз в неделю в одной и той же парикмахерской на одно кресло приводил в порядок усики и прическу. Посматривая там на себя в зеркало, он замечал, как его лицо наливается и свежеет. Чувствовал он себя хорошо, жизнь ему нравилась. Записал в дневнике: «Черт побери, жить бы так да жить, жениться на местной хорошей бабе при деньгах, завести детишек и плевать на всю трижды проклятую политику с высокого дерева».

В это время он встретил в Риге подпоручика Уфимцева, с которым учился в Московской школе прапорщиков и потом встречался в Ревеле. Теперь Уфимцев работал официантом в кафе «Эспланада». Дружиловский расспрашивал о судьбе своих знакомых, но тот ничего о них не знал. И, только услышав имя ротмистра Канукова, оживился:

— О, как же! Кануков имеет собственное дело в Межапарке. Я вот тоже собираю деньги. Открою свое дело,— мечтательно добавил Уфимцев.

Дружиловский сел в трамвай и поехал в Межапарк.

«Собственное дело» Канукова оказалось маленькой пивнушкой.

Раздобревший ротмистр обрадовался, они обнялись, расцеловались и сели за столик. Кануков сам принес пиво.

— Как живем? — спросил Дружиловский.

— Живем не тужим, уповаем на лучшее,— ответил Кануков.— Торговля кое-что дает. Годика через три попробую влезть компаньоном в солидное дело или начну дело сам.

У Дружиловского мелькнула мысль: не вложить ли оставшиеся деньги в подобное предприятие, но тут Кануков, рассказывая о жизни русских в Риге, назвал фамилию Воробьева.

На другой день Дружиловский пошел в редакции русской газеты Воробьева. Действительно, этот был тот самый Воробьев, только он отрастил теперь черную волнистую бороду и пышные усы. И одевался иначе — сейчас на нем был красивый добротный пиджак и даже модный галстук. Держался Воробьев поначалу с опаской, и разговор не клеился. Но когда Воробьев осторожно поинтересовался судьбой их общих польских знакомых, Дружиловский разразился яростной бранью: он лично бы перестрелял их всех как бешеных собак.

— Ну что же, в отношении поручика Клеца вы можете это сделать. Он по-прежнему работает здесь, в их посольстве.

Воробьев достал из шкафа подшивку старых газет и дал ему прочитать свои статьи о проделках дефензивы.

Наврано там было с три короба, но Дружиловский изображался жертвой польского коварства, и он не возражал. Было совершенно ясно, что после таких статей Воробьев работать на поляков не мог.

— А что поделывает мадам Ланская? — спросил Дружиловский.

— В декабре прошлого года ее нашли мертвой в постели. Говорили — обожралась снотворного, но я уверен, что и это работа дефензивы, я еще до этой истории доберусь.

Воробьев познакомил его со своим другом — актером местного русского театра Башкирцевым, веселым, компанейским человеком; Воробьев сказал, что до Риги он жил в Польше и там сильно пострадал от польской охранки. Сам Башкирцев об этом вспоминать не любил.

— Что было, то сплыло,— отшучивался он.— А за то, что я оказался в сих благословенных местах, мне надо дефензиву благодарить.

Это был крепкий мужчина лет сорока. Рыжеволосый, с некрасивым, грубо высеченным лицом, с большими узловатыми руками, он больше походил на крестьянина. У него всегда были деньги, которые он щедро тратил. В ресторане охотно платил за всех, повторяя одну и ту же шутку: «Сам я бобыль, останется на костыль». Это Дружиловского поначалу насторожило, он всегда считал, что актерская братия нищая. Однажды он спросил об этом Воробьева.

— Да у него все есть,— загадочно ответил Воробьев, поглаживая пышные усы.— Дача у него, впрочем, не собственная, но он ее постоянно снимает.

— Я считал, что артисты народ безденежный,— заметил Дружиловский.

— Это, брат, зависит от того, в каком театре артист играет,— рассмеялся Воробьев.

— Все-таки откуда у него столько денег?
— Могу сказать одно — деньги у него честные.
Как-то Воробьев заговорил о том, что Дружиловский мог бы получить огромные деньги у большевиков, но ехать к ним он боится, как бы организовать это дело без поездки?..
Башкирцев резко повернулся к нему с очень серьезным лицом:
— Я не слышал об этом. Понял? Не слы-шал.
Он так это сказал и был так непривычно серьезен, что Дружиловский с удивлением посмотрел на обоих, не сознавая при этом, что его удивила не сама мысль о возможной сделке с большевиками, а только то, как об этом говорили его друзья.
И вдруг Воробьев сказал однажды:
— Сходите-ка вы в советское посольство, предложите свои услуги.
— Да что вы только говорите? Они еще в посольстве закуют меня в кандалы! — возмутился Дружиловский.
— Не торопитесь,— серьезно продолжал Воробьев.— Вы можете предложить им материал, разоблачающий происки Запада против Москвы. За это денег они не пожалеют, а у них деньги без счета. Их посольство самое богатое.
— Да вы просто нехорошо шутите,— возмущенно продолжал Дружиловский.— Сперва я действовал против них, а теперь — здравствуйте, я — за вас. Кто в это поверит?
— Могу сказать одно — из Латвии в Россию уже вернулись сотни русских. Среди них немало таких, кто вчера считался смертельным врагом большевиков. А теперь они пишут оттуда — получили работу, живут прилично. Разве не могли и вы сменить ориентацию? Это же политика, а в ней все возможно.
— Почему же вы туда не едете?
— Вы ведь знаете, что я родом из Варшавы и считаюсь польским подданным. А это совсем другой коленкор.
Поначалу предложение Воробьева показалось Дружиловскому чистейшим абсурдом, но чем больше он об этом думал, тем все меньше оно его пугало. Логика его размышлений при этом была элементарной: верно, политика дело мутное, и конечно же, он, как никто другой, может дать большевикам драгоценнейший материал. Еще шевелилась мыслишка таким способом разделаться со всеми, кто безжалостно выбросил его на свалку.
Для начала он решил сам выяснить, действительно ли советское посольство в Риге миролюбиво относится к русским, желающим вернуться на родину. Несколько раз он прошел мимо советского консульства. Там всегда толпились русские, стремившиеся домой, в Россию. С одним, уже получившим визу, он разговорился. Спросил, много ли задают вопросов.

— Всего три: год и место рождения, специальность и при каких обстоятельствах покинул Россию.

— Что же вы ответили на последний вопрос?

— Правду: находился в армии, не ведал, что делается, верил своим командирам.

И наступил день, когда Дружиловский сам зашел в консульство. Там ему дали опросный листок, в нем действительно было всего три вопроса и на обороте просьба указать, по какому документу в настоящий момент проживает заявитель. Но когда Дружиловский назвал свою фамилию, ему почудилось, что в глазах у консульского сотрудника мелькнуло удивление.

Дружиловский сказал, что он снова на днях придет, но больше и близко не подходил к этому дому.

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 9 июня 1926 года

«Операция подготовлена и фактически начата. Исполнители: Сумароков и Дальний. Их контакты с Дружиловским непрерывны. У обоих впечатление о нем одинаковое — при большом самомнении, умом не блещет и трус. Последнее, очевидно, будет нашей главной трудностью.*

*Подготовьте все на границе. С латвийской стороны Сумароков все уже сделал, и стоило это гораздо дешевле, чем ожидалось. У меня создается впечатление, что известный вам Пограничник ** все яснее дает нам понять, что готов помогать нам бесплатно. Не поговорить ли с ним в открытую?*

Кузнец».

---

* Сумароков — условное имя Воробьева. Дальний — подлинная фамилия Башкирцева. Оба они были связаны с советской разведкой. Оба были действительно русскими из Варшавы и пострадали от польской дефензивы. Бежав из Польши, они поселились в Риге и вскоре установили связь с советской разведкой. Работали среди русской эмиграции в Латвии и многим честным людям помогли вернуться на родину или избежать сетей иностранных разведок, вербовавших в Прибалтике исполнителей для проведения диверсий против Советского Союза. Немало сделали они и для разоблачения врагов нашего государства.

Во время подготовки операции против Дружиловского Воробьев писал в Москву: «За все время нам еще не приходилось иметь дела с такой законченной в своей гнусности продажной личностью, воображающей себя политической фигурой. Если бы Вы только знали, как нам невероятно трудно выслушивать, да еще одобрительно, рассказы этого негодяя о его прежних заслугах. Цинизм неисповедимый. Например, в отношении Болгарии он выразился так: «От моей работы тамошние красные захлебнулись в собственной крови». И тут же начинает рассуждать (правда, пока еще не очень уверенно) о том, как должны обрадоваться в Кремле, если он предложит ему свои услуги. В общем, нет меры подлости, применимой к этому, с позволения сказать, человеку...»

** Речь идет о капитане латвийской пограничной стражи в районе Латгалии, который действительно впоследствии был связан с советской разведкой.

Резолюция на донесении:

Срочно — Кузнецу

1. На границе все готово, но не следует торопиться, помня, что трусость — сестра подозрительности.

2. Предложение в отношении Пограничника одобряется, он сделал для нас уже вполне достаточно, чтобы понимать свое положение.

Глава двадцать четвертая

Наступило жаркое лето. Многие рижане перебрались на Взморье или уехали на хутора. Субботним утром Дружиловский шел по Елизаветинской улице и нос к носу столкнулся с трижды проклятым польским поручиком Клецом. Оба так растерялись, что поздоровались, но мгновенно побагровевший поляк спросил с яростью:

— Кто вас сюда пустил? — он оглядывался по сторонам, точно искал полицию.

Перепуганный Дружиловский прибежал к Воробьеву в редакцию и рассказал о встрече.

— Следует посоветоваться с Башкирцевым,— сказал он энергично.— У него возможностей больше, чем у нас с вами вместе. Сейчас же поедем к нему на дачу и пробудем там до понедельника. Кроме всего, там вы будете в полной безопасности. А он как раз полчаса назад звонил, приглашал.

На Взморье ехали втроем.

— У нашего друга неприятность,— Воробьев рассказал, что случилось.

— Да, Клец — сволочь опасная,— согласился Башкирцев и вдруг рассмеялся.— И все-таки пан Клец — зверь не самый страшный, мы просто, видать, на всю жизнь напуганы дефензивой.

Остаток дня и вечер они, сидя на веранде дачи, пили холодное пиво, играли в «очко» и разговаривали о всякой чепухе. Башкирцев рассказал про главного режиссера своего театра.

— Второго такого ловеласа, наверно, нет на всем белом свете,— весело болтал он, сдавая карты.— К тому ж красив: атлет, львиная грива, брови кустами, голубые глаза. Голос — фисгармония на семь октав. А по поведению орел — в своем гнезде не гадит, актрис в труппе не трогает, гуляет на стороне. Раз в два-три меся-

ца мы имеем в театре дополнительный спектакль с участием родителей пострадавшей. В этот момент наш лев срочно заболевает и исчезает. Только звонит откуда-то администратору и спрашивает: «Как дела в театре?» Если администратор отвечает «все в порядке», он говорит: «Объявите на завтра репетицию, я приду». Если же ответ неблагоприятный, он говорит: «Что-то у меня печень разыгралась, я полежу еще». Так что предназначенные ему удары судьбы принимает на себя администратор, за что, как мы подозреваем, получает от нашего льва особое вознаграждение. А однажды...— Башкирцев умолк, глядя на насупившегося Дружиловского.— Сергей Михайлович, мы же договорились — забыть. Наверное, вы думаете, хорошо ему резвиться, поляки для него что снег прошлогодний.— Башкирцев вдруг повернулся к нему спиной и задрал рубашку: — Смотрите! Вот что такое для меня поляки!

Вся спина у него была в багровых рубцах.

— Эту роспись мне сделали в дефензиве,— продолжал Башкирцев.— Считайте, сколько ударов я выдержал! Выдержал, Сергей Михайлович! Они требовали, чтобы я сознался, будто я советский агент, и, так как я молчал, они пробовали сделать меня разговорчивым при помощи стальных прутьев. Так что можете быть уверены — против Клеца я вместе с вами!

— А меня ты уже и не считаешь? — спросил Воробьев.

— Мы оба с вами, Сергей Михайлович! Так что не тревожьтесь, Клеца мы стреножим. И забудьте!

И он постарался забыть. Хотя бы на эти два дня, когда он будет с друзьями.

В воскресенье после завтрака они отправились к морю и лежали там на горячем песке. Солнце палило как в июле. С берега доносились звуки духового оркестра. Далеко-далеко в море, казалось, над линией горизонта, плыли, распахнув белые крылья, яхты.

«Можно же жить вот так, испытывая от жизни удовольствие и не ведая никаких неприятностей»,— думал с завистью Дружиловский, прислушиваясь к беспечной болтовне Воробьева с Башкирцевым.

Погревшись на солнце, искупавшись, они вернулись на дачу, пообедали и по предложению Башкирцева легли на часок поспать. Дружиловский заснуть не мог. Что будет с ним завтра, когда он вернется в безысходную реальность собственной жизни?

Вечером они долго гуляли по опустевшему пляжу, любуясь закатом солнца, которое тонуло в море, разбрызгивая по небу зеленый свет.

Потом был ужин на веранде дачи.

Башкирцев разлил по рюмкам коньяк.

— Я хочу выпить за счастливое совпадение — редко так быва-

ет, чтобы вместе собрались трое мужчин, у которых при одном имени одинаково скрипят зубы от ярости.

— Если имя женское, то это не такой уж редкий случай,— сказал Воробьев.

— Какие еще женщины? Я имею в виду пана Клеца и всю шайку,— с ненавистью произнес Башкирцев и, помолчав, добавил тихо: — Выпьем, господа, за месть мерзавцам!

— Поди доберись до них,— вздохнул Дружиловский.

— Слушайте! — продолжал воодушевленно Башкирцев.— Можно мне говорить за этим столом без всяких околичностей?

— Думаю — да,— ответил Воробьев.

Башкирцев обратился к Дружиловскому:

— Ответьте мне, кого больше всего боятся паны из дефензивы?

— Ну... наверно, русских,— ответил он.

— Не наверно, а именно и только русских! — воскликнул Башкирцев.— Когда они произносят слово «ГПУ», у них стекленеют глаза от ужаса. Сам видел. В свою очередь, и русские имеют о чем поговорить с панами из дефензивы. Так вот эту ситуацию я и положил в основу своей мести. Я нашел канал через границу на восток и вот уже второй год снабжаю русских информацией о черных делах дефензивы.

Дружиловский напряженно смотрел на Башкирцева.

— Что вы смотрите на меня как на привидение? — спросил Башкирцев.— Впрочем, правда, такое поначалу всегда удивляет. Не так ли?

— Верно,— в голове Дружиловского мелькнуло: «Вот, вот же где может начаться и моя новая большая дорога!»

— Вы видели мою спину, они же сами подсказали мне, чем заняться,— продолжал Башкирцев.— Но, увы, я становлюсь все беднее в смысле материала. Иссяк. Вот, правда, помог мне недавно Воробьев, и я с его помощью так подцепил вашего поручика Клеца, что он теперь, ручаюсь, не спит по ночам и думает, в какой бы яме ему спрятаться. Теперь мы ему поддадим еще и за вас. Но вы-то, Сергей Михайлович, как я догадываюсь, лопаетесь от обилия материала, который так нужен русским. Давайте скооперируемся. И мстить будем вместе, и жить в полное удовольствие. Не возражаете?

Его сближение с Башкирцевым развивалось очень быстро. Они все чаще встречались, обсуждали, как лучше использовать материал, которым располагал Дружиловский.

— Мы, Сергей Михайлович, не будем безрассудно щедрыми,—

говорил Башкирцев.— Начием с малого, а каждый иовый материал будет все более ценным, русские народ головастый, они соображают, что у нас с вами колодец без дна.

Дружиловский написал подробное сообщение о польском и международном шпиоиском центре в городе Ровио, близ советской границы. Вскоре ои получил свою часть гоиорара. Сумма была вполне приличная. Это ободрило его: заплатили — значит, он действительио иужен. Он работал по плану, который составил вместе с Башкирцевым, но каждый раз делал больше, чем было иамечено.

— Не иадо так, ие торопитесь,— сдерживал его Башкирцев.— Помиите, что у колодца дио все-таки есть.

Гонорар увеличивался от материала к материалу. Дружиловский совсем успокоился. К иему вернулась увереиность, и ои стал уже втайне подумывать, что хорошо бы избавиться от посредиичества Башкирцева и не делить с иим доходы. Тем более что и сам Башкирцев призиался, что чувствует себя иеловко.

— Вы пашете,— сказал он весело.— Я только хожу за вашим плугом, снимаю урожай. Давайте-ка, справедливости ради, сделаем так: я вас свяжу с русскими иапрямую, и, хотя бы через раз, вы будете пахать целиком иа себя.

Дружиловский решился на это не сразу, долго обдумывал, прикидывал, и наступил деиь, когда оии вместе выехали иа границу. Башкирцев показывал свой «канал» к русским. С иаступлеиием темиоты он оставил Дружиловского в густом перелеске и пошел через границу. А спустя два часа вериулся оттуда с деиьгами.

— Вот, считайте. Половииа ваша.

Оии возвратились в Ригу, условившись встретиться через три дня.

В благодариость за полезное зиакомство Дружиловский устроил Воробьеву ужии в «Лидо» — лучшем ресторане иа Взморье.

— Дело вериое,— говорил ему Воробьев.— Вы же еще, как я поиял, специалист по самым разиым политическим докумеитам. Вы думаете, русским не иужны такие документы? Я бы советовал вам в следующий раз вместе с Башкирцевым идти через границу. Незачем делить с ним свой гонорар. Приготовьте для первой репрезеитации материал получше и сами переговорите с русскими. Но ие продешевите: то, что знаете вы, для русских — чистое золото.

Дружиловский слушал и думал. У иего возиикла и зрела, как он думал, грандиозиая идея — связаться с русскими покрепче, потом дать сигиал Зиверту и через иего восстаиовить связь с ведомством доктора Ротта. Он хорошо зиал, в какой высокой цеие у иемцев агеиты, имеющие возможиость приблизиться к Со-

ветской Росснн. А тогда уж, нмея за спиной могущественную иемецкую разведку, можно перебраться в Москву и работать там иа два фроита.

— А вдруг на этот раз канал не сработает? — спроснл Дружиловский.— Я ведь, даже пока сндел в лесу, ожндая Башкнрцева, и то иаиервничался досыта.

Воробьев рассмеялся.

— Коиечно, волков бояться — в лес не ходить. Но ие бойтесь, у Башкнрцева все налажеио прочио. С этой стороны у него все куплены. А иа той стороне его попросту ждут каждую иочь.

28 июия 1926 года Дружиловскнй вместе с Башкирцевым выехал в пограничиый райои.

В иочь иа 29 июия оии без всяких осложиеиий перешли граинцу и вскоре были встречеиы советскими пограинчинками. Их повели иа заставу. Дружиловского прнгласили в домнк комаидира заставы. Там его встретил заместитель иачальника советской контрразведкн Пузицкнй. Ои предложил Дружиловскому сесть н спросил:

— Оружне у вас есть?

— Нет, иет,— быстро ответил Дружиловский, ои уже почувствовал тревогу.— А где Башкнрцев?

— О Башкирцеве потом,— сухо сказал Пузицкнй.— Назовнте свою фамнлию, нмя и отчество.

— Дружнловский Сергей Михайлович.

— Вы арестоваиы, граждаини Дружнловский. Вот ордер.

— Это провокация! — взвнзгиул ои.

— Вы все решали н делалн самн,— спокойио сказал Пузнцкий.

— Я протестую! Я!..— захлебиулся ои в крнке.

— Советую вам успокоиться н трезво взгляиуть иа вещи,— продолжал Пузицкий.

— За что я арестоваи? — упавшнм голосом спроснл Дружиловскнй.

— Для иачала — за иелегальиый переход советской граиицы,— ответил Пузнцкий.— Кроме того, на протяжеини миогнх лет вы заиималнсь грязиой провокацнониой деятельностью, стоившей крови миогих тысяч людей в разных странах. Вы днскреднтировалн перед всем мнром наше государство н думалн, что все это сойдет вам с рук? Напрасно. Теперь придется ответить за все.

— Меия заставнлн, я всего лишь пешка в большой нгре,— тнхо проговорнл Дружиловскнй.

— Вот это мы понимаем,— сказал Пузицкнй.— И самое лучшее для вас — рассказать советскому суду, кто вашимн грязнымн руками вел эту страшную кровавую игру.

Несколько дней в Москве шел судебный процесс. Дружиловского судила военная коллегия Верховного Суда СССР.

На процессе нравственный облик Дружиловского и ему подобных был раскрыт с беспощадной ясностью.

ВЫПИСКА ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДА:

Прокурор. Вы сами заявили нам, что не имеете понятия о законах чести.

Дружиловский. То есть я о них знаю, но мне они были ни к чему. Когда занимаешься таким делом, про честь следует забыть.

Прокурор. Каким делом?

Дружиловский. Вы знаете... каким.

Прокурор. Я хочу, чтобы вы сами сказали, почему ваши дела несовместимы с понятиями чести и совести.

Дружиловский. Гражданин прокурор, вы же знаете, что я собой представляю. Вам лучше спросить про честь у тех, кто платил мне деньги за эти мои дела и еще приговаривал, что я участвую в исторических событиях и даже на них влияю.

Прокурор. Когда-нибудь спросят и у них... Значит, вас и образованного профессора, дипломата объединила бесчестная борьба против коммунистов?

Дружиловский. Так они же в таком деле без меня обойтись не могли.

Суд разоблачил перед всем миром омерзительную деятельность политических клеветников и провокаторов.

Когда разбирался эпизод с изготовлением болгарских фальшивок, в качестве свидетеля выступил один из создателей и руководителей Болгарской коммунистической партии Васил Коларов.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В. КОЛАРОВА НА ПРОЦЕССЕ С. ДРУЖИЛОВСКОГО

«...Первые фальшивки против коммунистической партии в Болгарии появились еще в июле и августе месяцах 1923 года. Эти фальшивки преследовали тогда такую цель: подготовить общественное мнение Болгарии для кровавых репрессий против коммунистической партии и рабочих организаций. В этих фальшивках было сказано, что болгарские коммунисты являются агентами Москвы, что они получают деньги и выполняют директивы из Москвы. Эти директивы направлены к тому, чтобы силою свергнуть фашистское правительство Болгарии, которое порвало отношения с Советским Союзом.

И вот в результате этих науськиваний 12 сентября 1923 года была совершена известная провокация со стороны болгарского правительства — разгром всех рабочих организаций: политических, профсоюзных, кооперативных, культурно-просветительных и так далее.

Вследствие этого и вспыхнуло известное сентябрьское восстание в Болгарии. Для доказательства, что восстание организовывалось Москвой, и была сфабрикована фальшивка. В этой фальшивке был приказ: «Восстание 15 сентября». Конечно, это было ложью. Ничего подобного в действительности не было. Восстание вспыхнуло в результате неслыханной провокации правительства. После этого правительству надо было «оформить» роспуск рабочих организаций. Тогда была сфабрикована новая фальшивка, на этот раз от имени кооперативной секции Коммунистического Интернационала. Надо было дать специальное доказательство, будто бы рабочий кооператив «Освобождение» — самый крупный кооператив Болгарии того времени — был интендантом-поставщиком оружия для коммунистической партии. Фальшивка сыграла эту роль, и кассационный суд Болгарии постановил распустить кооператив.

Затем появляются фальшивки Дружиловского, изготовленные им в Берлине, и фальшивки Якубовича, стряпавшиеся в Вене.

В Берлине и Вене, в этих двух центрах, изготовлялись всевозможные фальшивки. В Вене Якубовичем была изготовлена фальшивка, в которой указывалось, будто там, в Вене, существует специальный балканский революционный центр и что этот центр по поручению Коммунистического Интернационала и Советского правительства подготовляет большевистскую революцию во всех Балканских государствах. В одной из фальшивок было сказано, что там, в Вене, произошло специальное совещание и будто бы на этом совещании председательствовал я, и совещание приняло решение о ближайшем выступлении во всех Балканских странах.

Я помню и другую фальшивку того времени, в которой опять фигурировало мое имя, моя фамилия. Она тоже была напечатана. Фальшивка была о том, будто бы в Одессе под моим председательством, как генерального секретаря Коммунистического Интернационала, состоялось военное совещание и на этом совещании был разработан план выступления из Советского Союза в Румынию. Все армии, главнокомандующие и так далее — все это было обозначено в фальшивке.

Когда эти фальшивки начали появляться в Болгарии, страна переживала особый момент. В Болгарии господствовал фашистский режим неслыханной жестокости. Недовольство им было всеобщее, оно охватывало не только рабочий класс, не только

мелкое крестьянство, но даже среднюю городскую и крестьянскую буржуазию, интеллигенцию.

Для подавления этого всеобщего недовольства правительству было необходимо предпринимать экстренные меры. Они заключались, во-первых, в создании специального закона об охране государства. Создали такой чудовищный закон, который нельзя сравнить ни с польским, ни с югославским, ни с румынским, ни с каким-нибудь другим законом такого характера. Потом правительство организовало специальные военные отряды из добровольцев, из охранников для того, чтобы поддерживать террор во всех областях страны, особенно в деревнях, где недовольство было наиболее сильным.

Началась фактическая «герела» — так называлась в стране эта война, объявленная правительством всему народу. Целые округа страны объявлялись на осадном положении, и там шли кровавые расправы без суда, без каких-либо других формальностей. Отряды «герела» убивали, расстреливали без всякого допроса и каких-нибудь решений и приговоров. В результате этого настроение в стране так накалилось, что надо было ожидать новой вспышки. В парламенте было семь коммунистов, выбранных в 1923 году, несмотря на террор. Но двое из них пали убитыми на улице Софии среди белого дня в присутствии жандармов охранки, и убийцы, конечно, не были пойманы. Это было организованное убийство со стороны правительства. Остальных коммунистов из парламента выгнали и отняли у них мандаты. В больших городах на улицах каждый день днем и ночью падали жертвами кто-нибудь из известных в прошлом рабочих деятелей. Абсолютно каждый день. Но и всего этого было недостаточно. Надо было выйти, в конце концов, из этого положения, надо было подготовить и организовать какую-то большую провокацию для того, чтобы раз и навсегда расправиться с революционным движением в стране. И тогда начали появляться новые фальшивки, и роль, которую они сыграли в этой обстановке, известна.

Во-первых, надо было как-то доказать, что те ужасы преследования и кровавые репрессии, которые творит правительство Болгарии, якобы являются актом самообороны болгарского государства против большевиков, против Москвы, против Советского правительства, и тогда все те, которых в Болгарии убивают, все они — агенты Москвы. Именно тогда и для этого появились известные фальшивки Дружиловского. В этих фальшивках был назван ряд имен, и в этих фальшивках было указано, что Москва платит громадные деньги своим болгарским агентам для того, чтобы они вызывали и организовывали террор, террористические акты, банды и подготовляли революцию.

Во-вторых, правительству надо было сплотить всю буржуазию, все буржуазные партии, так как буржуазная оппозиция все же была взволнована положением страны и была против правительства, против этих мероприятий. Для этого надо было доказать документально, что это движение направлено и против буржуазной оппозиции Болгарии. Я знаю, что в одной фальшивке указана фамилия лидера демократической партии Малинова. Будто бы были отпущены деньги и назваиы террористы для убийства министра-председателя Цанкова, генерала Лазарева (это шеф военной лиги Болгарии), министра иностранных дел Коларова и политического деятеля оппозиции Малинова. Конечно, после таких документов вся буржуазная оппозиция тоже свою оппозиционную критику правительства уменьшила, смягчила. А в марте месяце и в апреле буржуазная оппозиция заявила торжественно в парламенте, что она целиком на стороне правительства против козней Москвы и ее агентов в Болгарии...

Дальше: надо было иметь на своей стороне македонских автономистов. Это националистическая македонская революционная организация, которая находится под влиянием болгарской националистической буржуазии и болгарского правительства. Надо было эту организацию иметь на своей стороне. Эта организация имеет большой террористический опыт. Она имеет массу людей, которые убивали и совершали террористические акты и которые готовы были опять услужить болгарской буржуазии в этой области. Но для этого надо было доказать этой организации, что болгарские коммунисты являются агентами Москвы и будто бы они выступают против македонской организации. В одной из фальшивок Дружиловского есть специальное указание на то, что Москва послала террористов для убийства двух приверженцев македонской организации... Наконец, надо было западноевропейское общественное мнение привлечь на свою сторону. Или хотя бы смягчить его отношение к тому, что происходит в Болгарии. Доказать западноевропейскому общественному мнению, что болгарское правительство находится в состоянии самообороны, и самое важное, что оно ведет борьбу против воинствующего международного большевизма, который сейчас выбрал своей первой жертвой маленькую, слабенькую Болгарию для того, чтобы потом, укрепившись в Болгарии, распространить свою революционную деятельность в соседние Балканские государства, распространить на всю Европу. В таком смысле велась пропаганда во всех странах, в таком смысле были составлены фальшивки.

Во всех этих фальшивках говорится, что Москва, и не только Коминтерн, но и Советское правительство, подготовляют революцию в Болгарии. Что эти фальшивки достигли поставленной цели,

в этом нет ни малейшего сомнения. Все эти фальшивки были воспроизведены в газетах Америки, Англии, Франции, в газетах всех капиталистических стран, и на основе этих фальшивок немедленно началась травля не только против болгарских коммунистов, болгарских революционеров, но одновременно против Коминтерна и против Советского правительства.

Были убиты все рабочие депутаты парламента в тот момент и в прошлом, все бывшие руководители компартии, все руководители профессионального движения, все журналисты, редакторы политических, профсоюзных и всевозможных других органов — политических, общественных, научных и так далее, имеющих хоть какое-нибудь отношение к рабочему движению в стране. Была истреблена масса земледельческих депутатов, земледельческих деятелей, которых тоже считали руководителями революционного движения, считали, что они состоят в союзе с коммунистической партией.

Через тюрьмы, через охранку прошло, как подсчитывают у нас, за весь этот период по меньшей мере пятьдесят тысяч человек — мужчин, женщин, стариков, детей; рабочих, крестьян, интеллигентов — врачей, адвокатов, писателей и т. д. Между прочим, был убит молодой известный пролетарский поэт Ясенев — это был крупный, многообещающий поэт Болгарин. Никто не знает за что. Был убит другой пролетарский поэт — Гео Милев... Не только убивали, но и мучили невероятным образом. Я должен отметить характерную подробность — в охранку превратили Рабочий дом в Софии — огромнейшее помещение, в котором помещались все рабочие организации. И вот в этом помещении, воздвигнутом на гроши рабочего класса Болгарии, резали, убивали, мучили представителей болгарского пролетариата. Бросали в огонь — это установленный факт. Мучили электричеством. Молодым девушкам в половые органы втыкали инструменты или наливали аммиак и т. д. Это позорная страница фашистского режима Болгарии. Все это было подготовлено разными путями, и, между прочим, атмосфера, благоприятная для совершения этих расправ, была создана и этими фальшивками...

П р е д с е д а т е л ь. Удалось ли премьер-министру Болгарии Цанкову в Париже на Совете послов получить разрешение на увеличение численности вооруженных сил для борьбы с революционным движением?

К о л а р о в. Известно, что по Версальскому договору Болгария обезоружена, разоружена. Она имеет право держать армию вместе с жандармерией в тридцать три тысячи человек. Ну и конечно, вся болгарская буржуазия ведет политику отмены условий Версальского договора.

И как раз для того, чтобы добиться этого, болгарское правительство прнбегло к такому аргументу: Болгария выбраиа Москвой для иачала оргаиизации междуиародиой революции. Для обороиы не только Болгарни, ио н всей Европы протнв иаступающего большевнзма иеобходимо разрешить болгарскому правнтельству иметь большую армню. И вот в парламенте мнннстр Цанков чнтал все этн фальшнвкн. Онн уже напечатаны во всех офнцнальных газетах болгарского правнтельства. Мнинстр иностранных дел Болгарнн специальио все эти фальшивкн показывал, во-первых, днпломатическнм представнтелям в Софин, во-вторых, он их отвез в Белград, где показывал белградскому правительству, затем ои отвез нх в Парнж, где оии были показаны конференцин послов Антанты. И в результате этого в апреле двадцать пятого года конференцня послов разрешила правительству Болгарин увеличнть армию еще иа десять тысяч человек для подавления волиений и буитов в Болгарни.

...Несмотря на уже раздавшнеся в Аиглнн голоса протеста протнв кровавого террора в Болгарни, английское консервативное правнтельство, нмевшее решающее влнянне на полнтнку болгарского правнтельства, отнеслось покровительствеино к полнтике кровавой расправы болгарского правнтельства и публнчно защнщало все его меропрнятия террористнческого характера. Недавио в Женеве иа заседанни Совета Лигн Нацнй Ваидервельде иа основаинн своей лнчной информацнн заявнл, что в Болгарнн царствует фашнстскнй режнм н что теперь, когда болгарскому правнтельству дают заем, то иужио потребовать от иего перемеиы этого террорнстнческого курса. Тогда взял слово председательствующнй на заседанни Чемберлен, н он ответнл Ваидервельде, что Лига Наций ие нмеет права вмешиваться во виутреннне дела болгарского правнтельства, потому что это внутреиние дела... В англнйском парламеите несколько раз представнтелн аиглийской власти защнщалн н оправдывалн все этн акты террористического характера болгарского правнтельства, всегда указывая иа то, что существуют документы, которые иеопровержнмо доказывают участне московской рукн во всех этих событиях.

Прокурор. Я хочу обратиться с ходатайством об оглашеннн корреспоидеицни из «Таймса». Эта корреспоиденция прннадлежала Коллнису, который был представителем «Таймса» в Софни. Заглавня этой корреспонденцнн следующне: «Взрыв бомбы в Софни», «Советы разжнгают революцню», «Коммуинстнческие ячейкн». Было бы полезио огласнть всю корреспонденцию. Оиа занимает две страинцы.

Председатель. Пожалуйста.

Секретарь зачнтывает корреспоиденцню нз газеты «Таймс» от

20 апреля 1925 года, целиком поддерживающую террор в Болгарии.

Председатель Ульрих. У кого есть еще вопросы к свидетелю тов. Коларову? *(К подсудимому Дружиловскому.)* У вас есть вопросы к свидетелю?

Подсудимый Дружиловский. Нет.

Суд был открытым. Подробным отчетам о нем советские газеты отводили целые полосы. Но напрасно вы будете искать такие отчеты в газетах западных стран. Уже на второй день суда большинство иностранных корреспондентов не пришло на процесс — зачем им было тратить время впустую?

Суд приговорил Дружиловского к расстрелу.

Обдумывая ходатайство о помиловании, он все же искал убедительные доводы для смягчения приговора. В одном из черновиков ходатайства он писал:

«Насколько я понял, главное мое преступление и мою вину связывают с Болгарией. Страна эта маленькая, и ее роль в истории столь же мала. Кроме того, юридически неясно, почему ее дела разбирает высокий суд в Москве? Что же касается меня, то я никогда в той стране не был, а все, что я делал, от меня просили сами болгары с высоким положением, которые уверяли, что моя работа крайне нужна их стране. Почему я должен был не верить этому? Я никогда не был политиком и никогда в политике особенно не разбирался, что установил и суд. Я был практиком и только лишь рядовым исполнителем воли настоящих политиков, которых и надо судить по всей строгости. А все сошлось на одном мне. Таких же, как я, виноватых за других, много. Как выяснилось на суде, на ту же Болгарию работали еще Якубович и другие из Вены, так они как ни в чем не бывало гуляют теперь по Вене, а я, только потому, что по своей глупости попался, должен за них становиться к стенке. Где же тут справедливость?

На суде много говорилось про то, что мои документы вызвали кровопролитие. Но разве это я убивал и вешал? И разве не мог я думать, что это делали сами болгары, которые по своей темноте и несознательности были против коммунистов и чинили над ними расправу? Это же, в общем, их дело, а выносят смертный приговор мне. Где же тут справедливость или даже простая логика?..»

Даже у него хватило ума не послать этот вариант ходатайства.

Страшно от мысли, что этот грязный подонок был призван делать политику и его услугами пользовались признанные государственные деятели.

Недавио, иаходясь в Болгарии, я услышал передачу для болгар радиостаиции «Свободиая Европа» — любимого детища вполне официальиых кругов сегодияшией Америки. Какой-то беглый болгарский подоиок уверял своих соотечествеиииков, что дружба с Советским Союзом привела их страиу к разореиию. И он говорил это иароду, лучшие сыиы и дочери которого во имя этой дружбы сложили свои головы. Народу, который плоды этой дружбы ежечасио видит в жизии своего цветущего социалистического государства. Но Америка сытио кормит такого типа имеиио и только за то, что ои лжец и провокатор.

Придет час, когда иыиешиие лжецы и провокаторы предстаиут перед судом своих иародов. И оии, как Дружиловский, будут говорить, что были только рядовыми исполиителями воли больших политиков.

Васил Коларов после суда в иитервью журиалистам сказал мудрые слова: «Этим процессом с грязью и кровью войиы против коммуиистов покоичеио ие будет. Пока есть иа свете мир капиталистов, будут другие, готовые иа все, продажиые личиости без совести, ибо что, кроме лжи и клеветы, могут выставить господа капиталисты против иашей ясиой и светлой идеи покоичить с вопиющей иесправедливостью эксплуатации миллиоиов трудящихся во имя иаживы кучки богатеев. Вот почему иашим лозуигом должио быть: бдительиость сегодия, бдительиость завтра, бдительиость всегда...»

. . . .

Что же касается Дружиловского, то по истечеиии устаиовлеииого закоиом срока ои был расстреляи.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4

ГЛАВА ВТОРАЯ 15

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 23

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 35

ГЛАВА ПЯТАЯ 44

ГЛАВА ШЕСТАЯ 51

ГЛАВА СЕДЬМАЯ 58

ГЛАВА ВОСЬМАЯ 71

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 77

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 89

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 101

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 109

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 117

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 128

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 142

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 152

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 163

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 173

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 199

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 205

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 220

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 233

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 237

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 242

Василий Иванович Ардаматский

ДОРОГА БЕСЧЕСТЬЯ

Роман

Заведующая редакцией *Л. Сурова*
Редактор *В. Леонов*
Художник *В. Корольков*
Художественный редактор *Л. Ишханов*
Технический редактор *Л. Маракасова*
Корректоры *А. Гомозова, Т. Никуличева, Т. Нарва*

ИБ № 3203

Сдано а набор 16.08.85. Подписано к печати 29.01.86. Л54006. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Усл.-кр. отт. 15,34. Уч.-изд. л. 16,52. Тираж 150 000 экз. Заказ 978. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудоаого Красного Знамени
издательстао «Московскй рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульаар, 8.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москаа, И-473,
Краснопролетарская, 16.

1 р. 20 к.